

МОЛОДЕЖЬ И ПОРЯДОК
НА СТРОЙКЕ.

«Ролевые игры»
в школе.

Автобиография
художницы
Мавриной.

№ 22 (1380) НОЯБРЬ 1984

СМЕНА

ISSN 0131-6656

**ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО СТРОИТЕЛЬСТВА, ПОДЧЕРКИВАЛОСЬ
В ПОСТАНОВЛЕНИИ ЦК КПСС
«О ПИСЬМЕ БРИГАДИРОВ-СТРОИТЕЛЕЙ
В ГАЗЕТУ «ПРАВДА», ДОЛЖНО СТАТЬ ДЕЛОМ ЧЕСТИ
КАЖДОГО РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА, КАЖДОГО
ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА. ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО ВОЗМОЖНО
ЛИШЬ ТАМ, ГДЕ УМЕЛО ОРГАНИЗОВАН ТРУД СТРОИТЕЛЕЙ,
ГДЕ ЕСТЬ ПОРЯДОК, ГДЕ АКТИВНЫ
КОМСОМОЛЬСКИЕ КОМИТЕТЫ И ШТАБЫ.**

**Владимир
АНИСИМОВ**

СТРОЙКА ЛЮБИТ ПОРЯДОК

Васильев озабочен: служба погоды дает штормовое предупреждение. Смогут ли завтра работать крановщики?

Мы далеко от Баренцева моря — в городе Апатиты, у подножия Хибин. Да, видно, на Севере штормовые предупреждения дают не только в портовых городах... Сергей Васильев родился и вырос в Апатитах. Надолго уезжал лишь однажды — когда учился в Петрозаводском политехническом. После института работал мастером, потом назначили начальником штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки.

Что за стройка? Ну, если даже город называется Апатиты — значит, что-то связанное с добычей и переработкой апатитовой руды, это понятно. А вот многие ли знают, что объединение «Апатит» уже сейчас дает 92 процента от всего производимого в Союзе сырья для фосфатных удобрений? Это пока действуют две апатито-нефелиновые обогащательные фабрики. В разгаре — строительство третьей. Вот она-то и есть предмет главных забот начальника штаба. А что такое штаб стройки? Тринадцать человек — от рабочего до заместителя управляющего трестом. Штатная же должность всего одна — начальника штаба.

Все, что есть в Апатитах и соседнем Кировске — рудники, фабрики, дома, — построено руками рабочих треста «Апатитстрой». Так случилось, что ни секретаря комитета комсомола треста, ни его заместителя я не застал: один приболел, другой — в отпуске. Васильев разрывался между штабом и комитетом. Кажется, его видели и там и там одновременно...

И вспомнилась почему-то другая командировка — на большую стройку в Казахстане, и как тамошний начальник штаба едва ли не с первого знакомства без каких-то вопросов с моей стороны начал изливать «обиду»:

— Что же получается? Я начальник штаба, поменклатура обкома комсомола. А с другой стороны, состою на учете в комитете комсомола треста. Выходит, я ему подчиняться должен?

Ничего я посоветовать не мог, а попросил познакомиться меня с лучшими комсомольско-молодежными бригадами, и мы вместе отправились на стройплощадку, в бригады.

Первый бригадир рассмеялся: — Да у меня из шестидесяти человек — один комсомолец!

Во второй бригаде комсомольцев оказалось два. Такой же конфуз ждал нас и в третьей.

Смущенный начальник штаба пробормотал что-то насчет предстоящей перепроверки комсомольско-молодежных бригад, пообещал, что «будем решать этот вопрос».

За несколько дней той казахстанской командировки я убедился, что трения с комитетом комсомола, пустые споры «кто главнее?» заслонили от штаба важные дела...

— А ведь и у меня, — сказал Васильев, когда я отыскал его, — были трения, если пытался работать независимо от комитета... Правда, быстро понял, что много так не наработаешь. Сейчас я как бы «неофициальный» заместитель секретаря комитета комсомола, и все дела у нас общие.

Не очень веселые дела ждали нового начштаба. По статистике, дисциплина на стройке из года в год укреплялась. Поработал Васильев с год — увольнений за нарушения дисциплины стало вдвое больше. А число человеко-дней, потерянных за счет прогулов, подскочило аж втрое! Виновники — в основном молодежь.

Есть отчето растеряться. Вывод-то ясен: плохо работает комсомол стройки. В частности — штаб.

Но стали разбираться и распутали довольно непривлекательные подробности. Была ли раньше крепкой дисциплина, произошел ли теперь резкий рост нарушений? Дело в том, что раньше прогулы тщательно скрывали: маскировали под отгулы либо вообще никому о них не докладывали. Не хотели портить отчетность.

На бумаге-то кривая нарушений ползла вниз. А на деле?

— Не знаю, — прямо сказал мне Васильев. — Тем цифрам, как я понял, верить нельзя. Значит, и сравнивать с ними тоже ничего нельзя. Сейчас у нас честные цифры. Но нужно еще какое-то время, чтобы наверняка увидеть, куда ползет кривая.

Вот ведь как получается: за приписки в экономических показателях и под суд отдать могут. А искажение показателей социальных считалось действием вполне безобидным: ну, кому какое дело, сколько у нас прогулов, если производ-

ственный план выполняется? Не буду говорить о других, а для комсомольского работника такая липовая цифра — как неисправный компас для штурмана. Проблем у молодежного коллектива на всякой большой стройке немало. За все подряд хвататься — нигде не поспеешь. А как выбрать главные направления, если реальное положение дел искажено благополучными отчетами?

Разобраться в обстановке Васильеву помогает то, что он не пришлый здесь человек и не временный. Людей на стройке, не в пример своему казахстанскому коллеге, знает не по бумагам. Да и члены штаба у него подобраны авторитетные, деятельные.

Михаил Калацкий — член штаба, Герой Социалистического Труда, председатель совета бригадиров стройки. Это он лет двадцать назад первым в Апатитах построил Дворец культуры подрядным методом. Спрашиваю: «С тех пор и доньше бригада комсомольско-молодежная, неужто не постарела?» Нет, не стареет бригада. Просто она стала настоящей трудовой школой для молодежи: каждый год пополняется новичками, выпускниками строительного ГПТУ.

Вообще на сторонних людей, как опыт показал, надежда не очень большая. Придут по комсомольской путевке, а строительной специальности, оказывается, никакой. Пока чему-то выучатся, энтузиазм-то, увы, и проходит. Надежней, считают в штабе, своих готовить. В ГПТУ — это само собой. А если начинать пораньше? И штаб выносит проблему практического обучения школьников на заседание горисполкома. Результат: в Апатитах открыт межшкольный учебно-производственный комбинат, где учат восьми специальностям. Классы, группы ГПТУ закрепляются за комсомольско-молодежными бригадами — это становится нормой.

Будто слышу голоса сомневающихся: — Хорошо, обучат подростков, но обещают им золотые горы. А придут они на стройку — что увидят? Грязь по колено. Беспорядок. Что тогда?

И верно, без сапог на стройке не обойдешься. Работа под открытым небом. А вот второй вопрос — насчет беспорядка — потруднее...

Редко я слышал, чтобы строитель жаловался: мне, дескать, дождь или снег мешают. Больше мешают неразбериха на стройплощадке, неритмичность (то стоим, то штурмуем), конфликты со смежными бригадами. Сгрудятся на одном пятачке строители, монтажники, отделочники, мешают друг другу, спорят, допустим, из-за подъемного крана:

какой бригаде его сегодня дать, если каждой он нужен срочно? И срываются бригадирские голоса, стучат кулаки по столу, пишутся в сердцах заявления об уходе... Как-то уж повелось, что такая обстановка стала считаться почти неизбежным злом: стройка — не завод, тут заводского порядка не добьешься.

В Апатитах решили доказать, что это не так, что порядок и на крупной промышленной стройке достижим. В августе 1982 года начался эксперимент по новой организации труда. Основа эксперимента, впрочем, не так и нова — сквозной поточный подряд. Но принципиальное отличие от других строек — узловой метод. Узел — это либо отдельный агрегат, либо технологическая линия, либо какая-то другая конечная продукция. И на такие относительно небольшие узлы разбива вся стройка.

Строители готовят котлован, укладывают фундаменты; монтажники устанавливают стальные конструкции, оборудуют; электрики и сантехники прокладывают свои коммуникации; отделочники штукатурят и красят. У каждого, как и на любой стройке, свое занятие, свой подряд. Но работа любой бригады считается полностью законченной только тогда, когда готов весь узел. За него положена и общая премия. Так что, если хочешь получить ее, не мешай, а помогай смежникам, готовь им вове-

мья фронт работ: это в твоих же интересах.

Михаил Калацкий, член комсомольского штаба, возводит корпус грохочения руды. С его бригадой на основе узлового метода работают девять бригад монтажников, четыре — отделочников, транспортники и механизаторы. Вместе с инженерами разработали схему объекта с разбивкой на узлы, определили целевые задачи бригад до конца строительства, расставили их в цепочку, рассчитали зарплату и премии, заключили единый хозрасчетный договор.

Я все же искал конфликтные, сложные ситуации и, как показалось, нашел.

Сломался кран у монтажников. По всем написаным законам стоп работе, пока не починят. Остановится и вся цепочка смежников, идущих следом. Скандал неминуем. Однако строители решили иначе: отдали монтажникам свой кран, а сами занялись другими работами.

Собразить это могли бы на любой стройке. А вот отдать, да еще по собственному почину, технику... Своя рубашка — она все-таки ближе. Моя задача, рассуждал бы строитель, забетонировать фундамент, а за остальное с меня не спрашивают.

Почему же в Апатитах помогают друг другу? Дело не в особенностях характера здешних строителей. Работает система — единый хозрасчетный договор на конечный продукт — узел.

И еще что показывает эксперимент в Апатитах: высокую эффективность управления, как говорится, «по горизонтали». Бригады оперативно решают между собой самые разные проблемы, не обращаясь «наверх». Решают, экономя дни и недели, которые при иных условиях могли бы уйти на различные

стройки эту инициативу бригадиров оценил не до конца. Собственно, и родилась-то мысль о деловом сотрудничестве у рабочего, к штабу отношения не имеющего. Правда, официального договора у Сафронова и Нероды нет, они настояло сработались, что не чувствуют необходимости в лишнем документе. «Рабочая эстафета» у них настоящая, не для «галочки», как бывает. Но все же трудно штабу без договора и контролировать эту эстафету и помогать, когда нужно. Я спросил у Васильева, много ли комсомольско-молодежных бригад на стройке вот так сотрудничают.

— Есть еще бригада столяров-плотников, тоже сами решают проблемы поставок. Но массового характера такого содружества среди комсомольско-молодежных пока нет...

А жаль!

У Сафронова между тем готовится новый эксперимент — более локальный, но тоже интересный: вводит коэффициент трудового участия для линейных инженеров. Смысл его в том, что рабочий коллектив будет оценивать, как мастер или прораб им руководит: как выдерживается график, ритм, поставки материалов. В зависимости от этого будет меняться и заработок инженерно-технических работников.

Между прочим, несколько лет назад такой эксперимент проводился в бригаде известного мурманского строителя, кавалера ордена Ленина Виктора Гуцало. Ввели КТУ у инженеров, образовали совет участка, в который вошли прораб и мастер. Когда Гуцало сдавал объект, премии по коэффициенту распределяли и рабочим, и инженерам. Так вот, тогда совет участка всех инженеров полностью лишил премии. И повторять эксперимент после этого ник-

Зато все управление получит ее за успешное освоение средств...

Мы ходили по стройке с заместителем директора Мурманского филиала Центра НОТ Минтяжстроя СССР И. Ф. Шупа-Дубровой, одним из специалистов, разрабатывавших программу эксперимента, и размышляли, почему ж так: бригады из разных организаций могут оперативно и успешно согласовывать свою работу, а руководители этих организаций — нет? Почему бригады болеют за свою стройку, а их руководители — за свое «ведомство»? Почему случаются такие сбои на верхних этажах управления?

— Эксперименты подобного масштаба, как в Апатитах, где вместе работают многие организации, очень трудно проводить, — говорил Игорь Феодосеевич. — В принципе сквозной подряд и узловой метод предусматривают равную ответственность за объект всех участников строительства. Но мы, видимо, еще не всегда умеем объединить усилия. Договорились работать по-новому, а продолжаем подчас сбиваться на старые способы, когда каждый сам за себя. Кое-кто старается поскорее «выхватить» выгодные объекты, а каково придется остальным, ему наплевать. Государству же всегда выгодно только одно — строгое соблюдение технологии. Ибо от этого зависит, как скоро мы выйдем конечный продукт. Выигрывает тактический — для одной организации — всегда оборачивается проигрышем стратегическим — для всей стройки. Надо поощрять только за решение стратегических задач.

— Что все-таки удалось сделать за время эксперимента?

— Уговорить проектантов, чтобы они выдали «узловой» проект. Закрепить бригады за узлами. Показать преимуществ метода на большой стройке: все объекты сдавались в срок. Случаи нарушения технологии здесь уже не правило, как на многих стройках, а исключение.

— А что не удалось?

— Преодолеть ведомственный подход. Беспокоит нас и такой вопрос: нужно ли поощрять людей за хорошую работу? Да, вопрос странный. А поощрять еще не научились. Рабочий у Калацкого зарабатывает не больше, чем в обычной, неподрядной бригаде, хотя интенсивность труда у него выше. Так почему бы тем, кто перешел на бригадный подряд, не увеличить тарифные ставки процентов на десять? Тогда не понадобилось бы некоторые бригады, как теперь случается, уговаривать перейти на подряд, они сами соревновались бы за право на подряд, доказывали свою готовность к нему. Это тоже поддержало бы эксперимент. А так получается, что скупились на копейки — терять миллионы. И это не только к Апатитам относится...

Все верно, не ждет завтрашних рабочих идеальный порядок на стройке. Не без трудностей пробивает дорогу новый метод, новая организация труда. Но верно и то, что работать по-старому строители уже не хотят, а завтра и не смогут. Бывают срывы, но то, что задания по вводу в строй всех объектов выполняются стабильно, растет производительность труда, трест считается одним из лучших в Минтяжстрое СССР — это факты.

А чем может поддержать эксперимент комсомольский штаб стройки? Работа эта вроде бы чисто хозяйственная...

— А не всегда и разграничишь, где комсомольская работа, где хозяйственная, — спорит Васильев. — Мой предшественник в штабе почти не бывал — катался по всему Союзу, добывал оборудование, материалы. Я считаю, это не дело, нельзя так. Но вот представь

ситуацию. Нам надо монтировать оборудование — требуются мостовые краны. Они нужны не позже первого квартала, иначе ничего не успеем, договора бригады не выполняют. А министерство дало разнарядку на первое полугодие. Сам знаешь, что это такое... Раньше лета ничего не будет. Хозяйственники бились, доказывали — ничего не вышло. Ну, а нам что прикажешь делать? Не наша задача? А если эксперимент сорвется? Вместе с горкомом, комитетом комсомола треста решили провести совещание. Пригласили секретарей комсомольских организаций заводов-поставщиков. Приехали ребята из Новокраматорска, Днепропетровска, Харькова, Свердловска, Подмоскovie. Три дня они у нас были. Стройку им, конечно, показали, объяснили, что и зачем требуется. Предложили установить связи, подготовили обращение к комсомольцам заводов. И там молодежь, видно, порабатала: все заводы прислали оборудование именно в первом квартале. А харьковчане — ума не приложу, как они это сделали?! — прислали мостовой кран уже в декабре! Вот и рассуди, комсомольская это работа или нет.

— А дом всем миром построили — это за какую работу считать? — горячит Сергей. — Разве только на промышленной площадке должен быть порядок? Зовем молодежь на стройку, а жить ей где-то надо? Дом комсомольский строили — вот время было! В первую смену поставили комсомольско-молодежную бригаду. А во вторую работали будущие жильцы. Причем мы квартиры заранее не делили, и каждый, как для себя, старался. После работы и я сюда приходил — до ночи. Как-никак все же мастер по специальности. Вот и здесь за мастера был. Никто не верил, что мы дом в срок сдадим. А мы сдали вдвое быстрее!

Мне трудно что-то возразить Сергею. Я уже знаю, что на этой стройке нет проблем с жильем — редчайший, между прочим, случай. И в том, что квартирная проблема решена, есть вполне реальный, осязаемый результат комсомольской инициативы. Вот цифры: план по жилищному строительству трест стабильно выполняет на 102—107 процентов, по соцкультбыту — на 100.

Собственно, с соцкультбыта и начиналось строительство третьей обогатительной фабрики. О бытовках, сушилках, столовых я уже не говорю. Рядом со стройкой — приемный пункт комбината бытового обслуживания, промтоварный и продовольственный магазины, медпункт, комната отдыха, отделение связи, буфет... Даже газетный киоск не забыли поставить.

Так бывает там, где понимают: нет на стройке главного и второстепенного. Все равно важно — и труд и быт. Ищут пути, чтобы навести порядок на обоих направлениях вопреки всем «штормовым» ситуациям.

Ищет свои пути и комсомольский штаб стройки. Не все пока получается. Выбрать главные направления и не сбиваться с них — это, пожалуй, сейчас самое важное.

Проблема, острая не только для Апатитов: как комсомольскому штабу найти свое место в делах стройки? Такое, чтобы не заниматься несвойственными ему делами, не дублировать комитеты комсомола, хозяйственные органы? Нет еще инструкций, четко очерчивающих круг деятельности комсомольского штаба. Да и нужны ли они? В каждой стройке — неповторимое своеобразие. Главное — не ждать подсказки со стороны: вот, мол, чем надо сегодня заниматься. В Апатитах сегодня основное — доказать эффективность новой организации труда. И у штаба тут есть где проявить себя.

РЯДОМ

согласования. Причем это касается не только «дележки» кранов, другой техники. Рабочие все больше расширяют «сферу влияния», ниточки рабочих связей протягиваются со стройплощадки и к заводам.

...Как-то Георгий Нерода, бригадир объединения «Апатитстройиндустрия», приехал на главный корпус к Владимиру Сафронову — бригадире строителей и члену комсомольского штаба. Посмотрели вместе рабочие чертежи. Георгия интересовало: то ли они на заводе делают, что нужно строителям? Оказалось, не совсем то. В типовых бетонных панелях — шесть закладных деталей, а по рабочим чертежам нужно только две. Зачем ставить лишние четыре, если они все равно не используются? В другом случае тоже новое решение нашли: вместо двух панелей делать одну, равную ей по площади. Экономили немало металла, снизили трудоемкость.

Все сказанное не следует понимать так: если рабочий, то обязательно «умней» инженера, проектировщика, управленца. Но известно, что на рабочем месте многое видней, чем из окон кабинетов, и ничего странного тут нет. А самое главное — «апатитский эксперимент» предоставляет рабочему возможность и проявлять инициативу, и управлять производством. Точнее, делает это необходимым.

Мне показалось только, что штаб

то не захотел. Видимо, не стоило для первого раза применять столь жесткую меру. Думается, штабу в Апатитах надо учесть тот неудачный опыт, проследить, чтобы бригада не рублила, как говорится, сплеча. И сделать это штабу по силам.

Был я у Сафронова в очень трудное для его бригады время. Работники управления «Севзапстальконструкция» в ударном темпе смонтировали каркас главного корпуса, перекрытия. А когда Сафронову дали задание ставить железобетонные перегородки на этажах, оказалось, что с ними туда не сунешься: монтажники закрыли все возможности протаскать крупные детали. Прошло несколько месяцев всевозможных согласований в «верхах», пока строителям не разрешили класть перегородки из кирпича. Ребятам пришлось разносить этот кирпич на носилках по всему 150-метровому зданию.

— Чувствую, перед сдачей корпуса большой аврал будет, — только и сказал Сафронов.

Бригадирские возможности небеспредельны. Если смежной бригаде «дали команду», отменить ее Владимир не в силах.

Зачем же монтажники поторопились? Объяснилось все просто: спешили выдать вал, тем самым нарушили технологию строительства, оставив расхлебывать заваренную кашу строителям. Потеряет бригада премию за ввод узла?

Пролетарии всех стран, соединитесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 22 (1380) НОЯБРЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
чемпионка мира
по гимнастике
Наталья ЮРЧЕНКО.

Фото
Владимира
САФРОНОВА.

- 1 Владимир АНИСИМОВ. «СТРОЙКА ЛЮБИТ ПОРЯДОК».
- 2 ПИСЬМО МОЛОДОГО РАБОЧЕГО.
«ЕСТЬ ТАКИЕ ЛЮДИ».
Юрий РАГОЗИН. «УДОБНАЯ ПОЗИЦИЯ. ДЛЯ КОГО?»
- 4 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
«ВЗРОСЛЫЕ ЗАБОТЫ» НА ТРИ ДНЯ».
- 6 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Валентины ДРОЗДОВСКОЙ.
- 7 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Стихи Пабло НЕРУДЫ.
- 8 Рассказ Марины ЕСЕНИНОЙ «ЗИМНЯЯ ДОРОГА».
- 11 ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».
- 12 «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН?».
Фотоочерк Владислава ЯНЕЛИСА и Сергея ВЕТРОВА.
- 15 Сергей ШАЧИН. «КАПИТАН».
- 16 «ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД».
Фотоочерк Юрия ОСИПОВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 20 Игорь КОНСТАНТИНОВ. «САЙГАКИ».
- 21 Генрих ГУРКОВ. «КНИГА И КИНОВАРИАНТ».
- 22 НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.
Владимир ПОПОВ. «ЧУЖОЙ СЫН».
- 24 АВТОБИОГРАФИИ.
Татьяна МАВРИНА, лауреат Государственной премии СССР. «СКАЗКИ ГОРОДЕЦКИЕ МОИ».
- 26 КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».
- 28 Повесть Николая ОГАНЕСОВА «ИГРАЕМ В «СПРИНТ».
- 32 КОНКУРС ЭРУДИТОВ. Итоги третьего тура.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБИЧКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ, И. А. СЕРКОВ (заместитель главного редактора), Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. Р. Павлов. Технический редактор Д. Н. Мазур.

© Издательство «Правда», «Смена», 1984 г.

ЕСТЬ ТАКИЕ ЛЮДИ

Был я несколько лет комсоргом цеха, бригадирствовал не один год, немало повидал и молодых и опытных рабочих и вот какими мыслями хочу поделиться. Не люблю в людях равнодушия к общему делу. Но есть и такие, в которых оно замаскировано. Человек ходит на работу, делает норму, но потом — вытер руки и домой. Больше его ничто не касается. Скажешь ему: помоги, а он: некогда. Спросишь: столько лет работаешь, а разряд повысить есть желание? А он: зачем мне?

Я таких людей называю «колобками». «Колобок». К нему не придерешься: круглый, гладкий.

Может, он общественник какой или хобби у него интересное — раз некогда?

Ничего подобного. В общественную работу его силком не затащишь — тысячу отговорок найдет. А если и затащишь, от сих до сих сделает — и привет.

УДОБНАЯ ПО

Юрий РАГОЗИН

Кто есть кто

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, себя мы обманываем гораздо чаще, чем говорим неправду другим. В каждом из нас живет судья, прокурор и адвокат. Прокурор осуждает (впрочем, заметно сочувствуя), адвокат перечисляет тысячу аргументов в нашу пользу, а судья выносит приговор — оправдать. Обманув себя, мы находим совесть свою чистой, ибо наш защитник в своем искусстве значительно превосходит обвинителя.

Часто, к примеру, мы оправдываем в себе лень. Постепенно она становится не просто примитивным нежеланием что-либо делать, а свойством души, инерцией разума, чертой характера... Наконец, образом мышления и жизни. И, как в стремне, мы ловко попадаем в замшевые тапочки лени, приятно согревающие и ноги и душу.

Мы читаем о героях-передовиках, завершающих по две, а то и по три пятилетки за одну. Но, откладывая газету, задаемся вопросом: а мне это зачем? Благополучно делаю план, и этого достаточно. А то, не дай бог, завалим готовой продукцией склады.

Мы знаем: по сравнению с тем, какими нам следует быть, мы пробудились лишь наполовину и используем только малую часть наших физических и умственных ресурсов. Но мысль о скрытых потенциалах бодрит нас и делает более значительными в собственных глазах. Да, мы можем, но нам не надо. Приятно сознавать это. И все же...

Все же никто не хочет быть средним, точнее — стать таковым.

Однако давайте сначала договоримся о терминологии. Что такое средний работник? В слове «средний» нет ничего обидного (вспомните «золотую середину»), хотя на первый взгляд воспринимается оно как-то предвзято, словно отрицательное определение. Средний работник постоянно справляется с планом, у администрации к нему нет никаких претензий. По данным, взятым в кемеровском химическом объединении «Азот», в общей массе такие люди составляют около семидесяти пяти процентов, на них и держится производство. Но не о них пишет Сергей Уланов, точнее — далеко не обо всех из них. И сегодняшний наш разговор о тех, кто не стремится к большему принципиально или бессознательно. Говоря производственным языком, это те, кто не старается повысить свою квалификацию, не овладевает смежными специальностями,

не заботится о повышении качества продукции. Но за всей этой технической терминологией — нравственные категории, жизненная позиция.

На предприятиях Кемерово и Новокузнецка я беседовал со многими молодыми людьми, с учащимися школ и ПТУ, вчерашними выпускниками. Меня интересовало, какими они видят себя в будущей производственной деятельности. Отстающими? В ответ — недоуменный взгляд. Крепкими середняками? Не очень уверенное пожимание плечами. Передовыми? Скромный одобрителный кивок. Не твердое «Да», а «Да, пожалуй».

Выходит, передовик — вот желанное звание, теоретически досигаемая вершина для абсолютного большинства тех, кто только начинает или собирается приступить к работе.

Хорошо. А как они сами оценивают свои нынешние успехи — в школе, училище? Часто выражают недовольство собой: «Мог бы учиться лучше, да лень, сам знаю. Почему? Не люблю математику, неинтересно...» Значит, сознавая, что учиться не в полную силу, все же полагаете, что работать сможете ударно? Да, полагают. И не боятся, что привычка быть посредственным в учебе затянется болотом и в дальнейшем останетесь на вторых-третьих ролях? Нет ли страха перед инерцией? Уверденно: «Нет!» Даже самый последний двоечник лелеет надежду стать передовиком. Откуда же тогда берутся отстающие?

Я считаю: отстающие получают из заведомо отстающих (пусть даже рассуждающих о себе как о будущих передовиках), передовики — из потенциальных передовиков. Все они «запрограммированы» воспитанием, личными качествами и желанием, суммой обстоятельств. Другое дело — в определенных условиях середняк может выйти в передовые или, наоборот, отстать, но это случается довольно редко.

Судьба?

С этим человеком я познакомился в инструментальном цехе одного из машиностроительных заводов Кемеровской области.

Примерно в шестом классе он решил, что, когда вырастет, станет лауреатом Нобелевской премии в области физики. В школе его так и прозвали — «Физик».

После школы он поехал поступать в МГУ и не прошел по конкурсу. «Год поработать и поступлю», — сказал себе Физик.

Старенький машиностроительный заводик оказался ближе к дому, чем другие предприятия. Здесь требовались токари. «Пойдешь учеником токаря», — резюмировал начальник отдела кадров.

Я понимаю, не могут все быть передовиками. Да и невозможно это. Но жить и ни к чему не стремиться!.. Я ничего не имею против тех, кто, скажем, делает только план, но выкладывает при этом весь. Знаю я одного такого рабочего. Молод, слабават, но старается! Пот градом, а план есть. Зато и радости-то у него сколько!..

А у «колобка» внешне все в порядке. Глядя на него, иной новичок и подражать ему начинает. Смотришь — и сам стал таким же. И оставляем мы этих «колобков» в покое, в тени под лопушком. А что с ними сделаешь? Может, мы сами виноваты, что они есть?

Сергей УЛАНОВ,
заточник цеха пластмасс
завода «Электросигнал»,
Новосибирск

он, — но зачем усложнять себе жизнь? По-моему, о таких людях и пишет в редакцию бригадир Уланов.

Я возвращался в гостиницу со сложным чувством. В жалости моей он, похоже, совсем не нуждается. Да и что я, собственно, его жалею? Человек нормально работает, приносит пользу... Другое дело — какую. Особо важную работу ему никто не доверит. Заболевшего аса он заменить не сможет при всем желании: умения не хватит. Не стремился к этому уменю. А ведь мог бы и сам стать асом, человеком в цехе незаменимым. Не захотел. Не трю жалко, что он в МГУ не поступил, — что загубил заложенные в себе способности. Жаль, что не ту пользу приносит, какую бы мог. А ведь сколько таких людей вокруг!..

Ну зачем ему карабкаться в передовики? Если бы все вышли в передовые, их бы назвали средними: эти понятия отно-

Шаг вперед

С кем бы я ни беседовал на интересующую меня тему — в цехах ли, в кабинетах руководителей производства, с комсомольскими работниками, — явствовало одно: конкретную работу с середняками никто не ведет — о них никто вообще не вспоминает, они оставлены, как пишет Уланов, «в тени под лопушком». А результаты бывают плачевными. Например, на одном небольшом заводе ушли на пенсию сразу шесть ведущих сварщиков, и мгновенно встала острая проблема: кем заменить? Нет резерва, не подготовили. Передовики со своим многолетним опытом оказались как бы оторванными от основной массы работников...

В стране не хватает рабочих. Но еще больше не хватает высококвалифицированных. Поэтому в овладении передовым опытом одинаково заинтересованы и промышленность и сами люди. Про-

Секрет Суворова

Почему Суворов так любил его солдаты? Да, он был великим полководцем, храбрым человеком. Но, кроме всего, он был внимателен к своим воинам, многих знал в лицо, по именам. Это льстило любому солдату — всякому приятно личное внимание полководца.

Внимание к человеку. Об этом мы беседовали с первым секретарем Рудничного райкома ВЛКСМ Кемерово Олегом Масленниковым.

— Так уж сложилось, — говорил Олег, — передовиков и отстающих мы знаем, а вот про всех иных забываем. Представьте себе: изо дня в день рабочий делает зное количество деталей, и вдруг — раз! — на одну больше. Кто это заметит, кто похвалит?

Тут я вспомнил рассказ комсорга треста «Сибметаллургомонтаж» Бориса Алексеева о поощрениях передовиков в их тресте. В конце квартала трест откупает кинотеатр с премьерным фильмом, и для подведения итогов собирают всех работников с детьми и семьями. И перед полным залом торжественно говорят о передовиках теплые слова, приглашают их на сцену, вручают подарки и премии, дарят цветы. «Действие сильное, — говорил Борис. — Жены и дети передовиков сидят гордые, счастливые. А какой-нибудь середнячок смотрит и думает: «А чем я хуже? Я тоже могу!». А тут еще и жена в бок толкает: мол, ты тоже бы показал класс, что ли! Глядишь, в следующем квартале наш середнячок горы сворачивает!»

— В комсомольских организациях, — продолжал Олег Масленников, — тоже обходит вниманием середняков. Дали разовое поручение — выполнено и ладно, забыли. В конкурсах профмастерства участвуют в основном передовики, соревнуются только между собой. В активе — передовики. Для них — слеты, совещания, обмен опытом. А средний рабочий — в стороне.

На нескольких предприятиях среди работающих на конвейере провели анкетирование, чтобы узнать их отношение к своему делу. Оказалось, основную массу работа устраивает, они готовы остаться здесь до пенсии, однообразие не так мешает им, как об этом принято судить со стороны. Главное, на что жаловались люди с конвейера, — на недостаток внимания к ним, на привычку считать их бессловесными исполнителями.

Внимание к человеку. Оно не требует материальных затрат, но способно поднимать настроение, дает возможность почувствовать собственную значительность, повышает производительность труда, в конце концов.

Суворов мог одним лишь приветствием превратить слабого воина в чудобогатыря.

Может, мы сами виноваты, что у нас есть люди, которым безразлично общее дело всего предприятия, на которых нельзя положиться в трудную минуту, спрашивает Сергей Уланов. Да, виноваты. Когда не боремся за человека, не воспитываем в нем совестливое, хозяйское отношение к делу, когда не принимаем ничего, чтобы правильно организовать его рабочий день. И тогда создаются условия для процветания безразличия, бездумного, холодного выполнения обязанностей — и только.

Каждому из нас надо помнить о том, что самой природой в людях заложено стремление к самосовершенствованию; желание трудиться лучше — желание естественное, и плоды его приносит радость и удовлетворение. Это признак роста, превращающийся в черту характера, которая в зависимости от суммы обстоятельств может получить высокое развитие, либо остановиться на какой-то стадии, либо даже совсем зачахнуть. Значит, важно эту черту развивать. С ранних лет.

Поэтому и хочется, чтобы каждый подумал о себе: а как работаю я, честен ли я перед собой, перед людьми?

ЗИЩИЯ. ДЛЯ КОГО?

В цехе монотонно гудели станки, пахло машинным маслом и горячей металлической стружкой. Странное дело, но незнакомый запах понравился Физике. Вокруг все было непривычно и даже интересно.

Наставник попался Физике по-своему мудрый. Главной его рекомендацией было «не высывываться». Можно, и сильно не убиваясь, зарабатывать 200—250 рублей.

Вечерами Физик занимался наукой. Через полгода женился. Физике стал изучать режу.

Целый год он точил одинаковые детали и достиг в этом немалых успехов.

Осенью Физик поступил на заочное отделение Новосибирского электротехнического института, выбрав радиотехнический факультет. Он сдружился с коллективом, с мастером у него сложились неплохие отношения. Через десять лет закончил четвертый курс.

Прошло пятнадцать лет. Физик стал асом домино и настольного тенниса (стол стоял в красном уголке), имел два хвоста за шестой курс и точил ту же деталь. Я встретился с ним, когда его рабочий стаж измерялся двадцатью двумя годами.

Ему сорок лет. У него третий разряд. Я знаю человека, который в двадцать лет имеет пятый разряд, а тут...

«Мне нет смысла его повышать, — говорит Петр Григорьевич и несколько секунд смакует мое удивление. — Меня такое положение устраивает. Я сдельщик. Моя зарплата зависит от выработки. За смену я должен обработать девять деталей; в час дня заканчиваю: все готово, план есть. Смена — до трех тридцати. После часа я ничего не делаю. Я, конечно, могу одолеть и двенадцать деталей, если буду работать весь день, но зачем? И потом, глядишь, двенадцать станут нормой. А зарплата? Зарплата прежняя. Вывод делайте сами... Поэтому мы и не торопимся перевыполнять план. Теперь по разрядам. Я могу и по четвертому, но зачем? Мне не надо. У нас вспомогательный цех, работа по низким разрядам, деньги нормальные. А насчет того, не чувствую ли я неловкость? Так ведь только один мастер знает, какой у меня разряд. А во-он тот, видите, седой, в кепке? У него четвертый, он тридцать четыре года здесь, и делает ту же работу, что и я».

...Он так и не окончил институт. Зато в семье порядок. Считает ли себя счастливым? «А бог его знает!..» Однако впечатление сверхсчастливого человека он не производил. Но о том, что доволен жизнью, говорил совершенно искренне. И все же мне стало жаль его. Двадцать лет точить практически одну и ту же деталь!.. «Я мог бы освоить и более сложную работу, — сказал

сительны во времени. Что вчера было рекордом, сегодня становится повседневностью, завтра — делом прошлого. Один мой приятель, штангист, кандидат в мастера спорта, постоянно сетует на то, что мог бы стать чемпионом мира со своим кандидатским результатом лет этак пятьдесят назад... Петр Григорьевич научился приспосабливаться, прихватывать в мелочах. Лукáвца с нормировщиком, он обманывает и себя. Но себя оправдывает.

Точка зрения передовика

Что нужно для того, чтобы хорошо работать — любить труд, конкретное дело или достаточно овладеть определенной степенью мастерства? Этот вопрос я задал Герою Социалистического Труда бригадиром комсомольско-молодежной бригады монтажников Новокузнецкого треста «Сибметаллургомонтаж» В. П. Бранцу.

— Я, например, — сказал Василий Павлович, — люблю хорошо работать. Вообще. Хоть оборудование монтировать, хоть полы мыть.

— Откуда же берется эта любовь? — Это дело воспитания. Все начинается с детства.

— А если не привили любовь? — Думаю, надо создать человеку условия, чтоб он захотел работать хорошо, чтоб у него возникло такое желание. Это зависит от многого. От наставника, от коллектива. Сначала заинтересуй, дай увидеть плод своего труда — будет работать хорошо. А чем больше делаешь хорошо, тем больше желание сделать еще лучше. Причем не просто больше, а именно лучше.

— Василий Павлович, а как вы относитесь к середняку? — Я считаю, если правильно организовать работу, создать условия, загружить хорошенько, — так тут и интерес появится, и работать будешь в полную силу. Важно не просто формально, так сказать, выполнять план, важно работать с полной отдачей, постоянно совершенствуясь, тогда и, выполняя план, не будешь середняком. Средняк принципиальный — есть и такие — прежде всего человек равнодушный. Чему-то научился, а больше ни на что не замахивается. Что о таком сказать? Сочувствую я ему: никогда он не поймет радости большого труда. А эту радость в жизни заменить нечем. Некоторые спохватываются, да поздно бывает. Жаль их. Мы у себя в бригаде делаем все, чтоб у нас таких безрадостных работников не было.

Раз это возможно в бригаде Бранца, значит, возможно и в других коллективах. Давайте посмотрим, что для этого нужно.

сто мы порой не задумываемся над этим и подходим к вопросу формально.

Однажды ученые провели интересный эксперимент. Пригласили спортсменов — чемпионов мира в различных видах и предложили им... попросить до утомления. Результаты — двести сорок, двести семьдесят, двести девяносто — все в пределах трехсот. Тогда через несколько дней их пригласили вновь и познакомили с шестидесятилетним мужчиной. «Вот, — сказали чемпионам, — этот замечательный пенсионер покажет вам сейчас, как надо приседать». Пенсионер присел пятьсот тридцать раз. После этого спортсменам дали возможность смыть позор со своих медалей — предоставили дополнительную попытку. И никто из них меньше шестист раз не присел.

Этот простой пример показывает, как важно знать рубежи, пределы. Чемпионы и не подозревали, что двести девяносто не предел, они думали, это норма.

— В металлургии понятие среднего рабочего особое, — говорит комсорг второго мартеновского цеха Кузнецкого металлургического комбината Игорь Пахомов. — Теоретически они, как и везде, вроде должны быть, а вот практически... Специфика нашего производства требует от человека полной выкладки, у нас с лентой не поработаешь, для выполнения плана необходимо ударно трудиться. Поэтому можно сказать: в металлургии все работают выше среднего уровня.

Как видите, главная форма работы с середняками проста — правильно организовать день. Если этого не делать, может возникнуть такая ситуация, когда из середняка получается отстающий. В строительстве из-за неритмичных поставок кирпича, панелей, раствора и т. д. (то есть из-за отсутствия фронта работ) нередко бывают вынужденные простои. Но рабочие-то в этом не виноваты, и они требуют полной зарплаты, как при нормальных условиях. Руководство обычно идет им навстречу. Обе стороны нарушают закон. В закрытых нарядах появляются несуществующие «заточка пил, очистка участка от снега» и т. п., причем в таких количествах, что не приснилось бы и фантастам. А как иначе закрыть наряды на хорошую сумму?.. В данном случае неправота рабочих — следствие ошибок в организации строительства. Однако, бывает, на этом дело не заканчивается. Получая деньги за несуществующие дела, строители привыкают к мысли, что вознаграждение ждет их в любом случае, и они начинают откровенно халтурить, нарушать дисциплину. А в отчетах бригада выглядит нормальной, постоянно выполняющей план.

П

редставляю, в какое недоумение придут родители и педагоги, когда узнают, что в одном из девяти классов одной из московских школ ученикам был задан такой вопрос:

— Кого из родителей в нашем классе вы считаете лучшими?

Примечательно, что вопрос был не абстрактный — дескать, какими вы хотели бы видеть своих родителей, — а вполне конкретный, касающийся совершенно определенных семей.

К тому же — добавлю масла в огонь — вопрос этот решался голосованием. Школьникам прямо так и предложили:

— Голосуем, кто за то, что нашему времени больше соответствует семья Орешкиных?

...Публично обсуждать родителей? Выбирать лучших из них голосованием? Кошунство! Подрыв всех педагогических основ! Возможно ли такое в нашей школе?!

Ну, а если я скажу, что обсуждаемые в классе семьи «просуществовали» всего несколько дней, но за это время в них успели появиться вполне взрослые дети, то читатели, несомненно, сочтут меня в лучшем случае фантазером, а все сказанное примут за плод воспаленного воображения.

А между тем все так и было на самом деле. Разве только слова «семьи» и «дети» надо бы взять в кавычки, потому что речь идет не о настоящих семьях — воображаемых.

Впрочем, все по порядку.

Три с лишним года назад в Научно-исследовательском институте общих проблем воспитания АПН СССР была образована новая лаборатория. Лаборатория игровой деятельности школьников.

Сама по себе игра как инструмент педагогики издавна привлекала внимание ученых, философов, писателей. Привлекала как вид человеческой деятельности, являющийся не только физической тренировкой, но и средством психологической подготовки к будущим жизненным ситуациям. Вопросами игры в разных аспектах и в разное время занимались И. Кант и Г. В. Плеханов, английский философ Г. Спенсер и выдающийся немецкий поэт и драматург Ф. Шиллер, Н. К. Крупская и А. С. Макаренко... А М. Горький считал, что игра — путь детей к познанию мира, в котором они живут и который призваны изменить.

Словом, понятно, что игра — дело весьма серьезное. Не случайно все большую популярность завоевывают так называемые «деловые» и «ролевые» игры, в которые уже давно играют и директора предприятий и академики. Цель таких игр — помочь лучше ориентироваться в конфликтных ситуациях, созданных «понарошку», но имеющих вполне реальную жизненную основу.

Так что рождение специализированной игровой лаборатории при Академии педагогических наук отнюдь не открытие Америки, а лишь долгожданная первая ласточка, наконец-то «запущенная» не к академикам, а к детям, для которых игра, по выражению специалистов, является ведущей деятельностью.

Но, как это ни странно, первый вопрос, который встал перед энтузиастами новой лаборатории, — во что же предложить детям играть.

Никаких игр в учебу, в общественную работу, решили ученые-педагоги. Приобретение необходимых знаний и жизненных навыков в этих сферах доступно школьникам не в игре, а в повседневной реальности: целая система школьных дисциплин, коллективная работа в пионерских и комсомольских организациях, опыт школьного самоуправления... Нет, в качестве игры школьникам надо предложить то, что недоступно им в реальной практике, но то, что их интересует и что им будет необходимо в дальнейшей жизни. То есть игра в то, в чем ребята (в отличие от директоров и академиков) совсем не специалисты. Например, в семейные, производственные или правовые отношения. Решили начать с «семьи».

Вообще-то здесь тоже не было никаких сверхоткрытий. Всю жизнь дети играли в «дочки-матери», в «работу», в «магазин» и т. д. Может быть, поэтому, честно говоря, я шел в один из девяти классов одной из московских школ на свидание с «созданными» там в соответствии с программой игры «семьями» с некоторым предубеждением. Одно дело, думал я, когда дети играют сами по себе, для собственного удовольствия, и дру-

Валерий ОРЛОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА

«ВЗРОСЛЫЕ ЗАБОТЫ» НА ТРИ ДНЯ

РАССКАЗ О НЕОБЫЧНОМ ШКОЛЬНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

ИВАННА ПОПОВКИНА: «МЫ ИГРАЛИ СЕБЯ».

«НАУЧИТЬСЯ УСТУПАТЬ ДРУГ ДРУГУ — ЭТО ТАК ТРУДНО».

гое — игра, подчиненная методическим указаниям, проходящая под пристальным наблюдением специалистов. В голове почему-то крутилась фраза, кажется, из «Записных книжек» И. Ильфа: «Когда деревья называют зелеными насаждениями, они вянут от скуки».

...Мой скептицизм развеялся, как только мы переступили порог класса.

Ребятам, казалось, несколько не мешало присутствие даже двух незнакомых журналистов. И мы тут же почувствовали себя «своими». Надо отдать должное педагогическому да и просто человеческому чутью и такту организаторов игры — заведующему лабораторией О. Газману и автору «семьи» аспирантке Н. Михайловой: взаимопонимание, царящее в классе, сделало бы честь, я думаю, лучшим педагогам.

— Нина Николаевна, сегодня играть будем? Во что? Вы новую тему обещали.

— Подождите, — почти взмолился я, — расскажите сначала, как и во что вы уже играли.

Рокот веселого одобрения этого предложения прокатился по классу. Так воспринимают просьбу рассказать только о чем-то очень интересном и близком. После шумных, но недолгих дебатов — кому же доверить держать слово — выбор был сделан.

— Ивушка, говори.

Иванна Поповкина, поддерживаемая одноклассницами и одноклассниками, начала с главного:

— Это было потрясающе! Страшно интересно!

Хохочут все: и ребята, и Газман с Михайловой, и мы. Однако оратор не смущается:

— А что, разве не так?

— Так, так, Ивушка. Давай дальше.

— Вначале мы поделились на несколько «домов». В каждом — молодые «супруги» и их «родственники». Те, кто не вошел в «семьи», стали экспертами. Мне же пришлось стать «женой». Ну, прежде всего мы с Артемом, как и остальные «молодожены», решили, сколько нам лет к моменту «свадьбы», кто мы — студенты, рабочие, каков у нас семейный бюджет... А потом, собственно, и началась игра. Только мы не просто играли, а немножко жили всем этим. И даже не немножко. Знаете, как все ждали, когда кончатся уроки и мы приступим к своим «семейным заботам! А забот оказалось немало. Мы решили, что надо купить, куда пойти вечером, как распределить семейный бюджет, где провести отпуск... Оказалось, все это не так просто. Одна из наших «семей» всерьез считала, что им на питание вполне хватит рубля в день на двоих. Когда эксперты попросили сделать конкретный расчет, выяснилось, что эти «молодые» не знают, сколько стоят продукты, что больше — студенческая стипендия или плата за снимаемую комнату. Пришлось срочно ликвидировать пробелы в знаниях. А потом... Потом наступило самое интересное: у нас появились «дети». И сразу взрослые — девятиклассники. Так мы решили. И нашими «детьми» стали наши же родители...

Стоп, стоп, стоп! Прерываем на время восторженный рассказ Ивушки. Так можно совсем запутать читателя. Если в данном случае родители без кавычек — значит, это настоящие родители девятиклассников — «молодоженов». Но как они-то вошли в игру?

— Уже на второй день игры вся школа знала о ней, — комментирует Нина Николаевна Михайлова. — И родители, конечно, тоже. Переживали они за своих «молодоженов» так, как будто те экзамен сдавали. Мама одной из девочек мне потом призналась: «Вы знаете, Лена так нервничает. Ничего у них не получается с Сережей, сороятся... А ведь дружили до этого... Лена, конечно, упряма, категорична, все понимает, а уступить не может». И вдруг добавила горько: «Если честно, я ведь с мужем так же... чтобы все только по-моему». Так что, сами видите: экзамен был не только для школьников. И естественно, что родители не только переживали, но и фактически включались в игру. На третьем этапе игры с согласия старшеклассников мы «узаконили» это участие: предложили мамам и папам поменяться семейными ролями со своими детьми.

Ивушка Поповкина.

— Мы даже не представляли, на что наши родители способны! Мне кажется, многие из нас просто заново влюбились в них. А потом было подведение итогов: мы вместе думали, что было правильно, а что неправильно и почему. За три дня игры мы здорово узнали

друг друга: мы ведь играли без всяких сценариев, а значит, играли сами себя.

...Говорят, аппетит приходит во время еды. Нам очень захотелось хотя бы одним взглядом увидеть, как это выглядит на деле.

— Ну, что же, ребята, давайте покажем. Проведем своеобразную тренировку. — охотно откликнулся на нашу просьбу Олег Семенович Газман. — Ситуация такая: вы отправляете своего сына или свою дочь на телеконкурс «Образцовый молодой человек». Дадим вам некоторое время, подготовьтесь, а потом докажете, что ваши дочь или сын достойны представлять современную молодежь.

Весело загудел класс привычно уже разбитый на «семьи»: Ягодкины, Цветочкины, Семечкины, Орешкины... И вот уже каждый «дом» готовит свое чадо на конкурс, «лепит» идеального молодого человека. Споры идут обо всем: портят или не портят девочку косички, что надеть — юбку или брюки...

— Только юбка, — категоричен «папа».

— Что ты любишь читать, если спросят?

— Майн Рида, детективы...

«Мама» хватается за голову.

Фарс, хохма, пародия? Отчасти да. Но разве даже пародийное воспроизведение той или иной ситуации не приоткрывает нам подлинное лицо автора пародии? Но вот уже шутки в сторону — начинается «конкурс». Олег Семенович, взявший на себя роль телекомментатора, задает отнюдь не шуточные вопросы «претендентам» на звание современного молодого человека.

— Твое представление о счастье?... Назови хотя бы одного известного тебе художника-декоратора... Какого режиссера больше всего любишь, за что?..

«Родители» пытаются подсказывать, «родители» сокрушаются — этому не успели научиться, «дети» стараются заменить отсутствие знаний остроумием... Страсти кипят, как во время хоккейного финала. А в итоге то самое голосование, с рассказа о котором начаты эти заметки. Ребята сами решают, кто был лучше. Сами... По-моему, в этом главная притягательность ролевых игр для старшеклассников. Самостоятельность — вот чего не хватает им порой в самых продуманных диспутах, наилучшим образом организованных мероприятиях.

А теперь предоставим слово заведующей лабораторией игровой деятельности школьников НИИ общих проблем воспитания АПН СССР, кандидату педагогических наук О. Газману:

— Думаю, каждый согласится, что наряду с лекциями, беседами в воспитании подростков должны использоваться и активные приемы групповой работы, когда благодаря воспроизведению жизненных коллизий выявляется подлинное, а не книжное отношение к жизненным фактам, когда возникает основа для коллективного анализа, когда можно опираться на общественное мнение. Этими достоинствами, несомненно, обладает игра. И не следует педагогике забывать средства, издревле ей принадлежащего... Стиль и тон общения со школьниками в игре и на уроке разные. Не всякому педагогу под силу создать игровую атмосферу, а главное — поддержать ее. Пусть косвенно, пусть доброжелательно, пусть с инсказаниями, но в игре будет звучать не только самокритика, но и критика... А готовы ли мы — учителя, родители — к ней? А вдруг окрик, обида, подозрение в посягательстве на авторитет? Тогда уж не до игры... Готовить специалистов в игровой деятельности нужно специально. И это, на мой взгляд, забота не только научно-исследовательских институтов АПН, но и педагогических вузов, институтов усовершенствования учителей.

...Осталось, пожалуй, ответить лишь на один вопрос, вероятно, возникший у читателей: как широко распространен этот необычный эксперимент? К сожалению, ученики лишь семи школ — пяти новосибирских и двух московских — могут похвастать своим участием в научно подготовленных ролевых играх. Чем обусловлена такая география? Секрет прост. Москва — местонахождение новой лаборатории. Новосибирск — местом постоянного жительства аспирантки этой лаборатории Михайловой. Других подготовленных специалистов в игровой деятельности старшеклассников пока нет. И может быть, эта информация подтолкнет к нужным действиям комитеты комсомола многочисленных педагогических вузов? Во всяком случае, сотрудники лаборатории ждут единомышленников.

«ПУСТЬ КОРОТКОЙ БЫЛА НАША «СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ», НО ПОНЯТЬ МЫ УСПЕЛИ МНОГОЕ».

ВЕДУЩАЯ ИГРЫ НИНА МИХАЙЛОВА: «МОЛОДЖЕНЫ ЕДУТ В ОПУСК. КАК БЫСТРЕЕ И ДЕШЕВЛЕ — ИМ ДОБРАТЬСЯ ДО МЕСТА!»

Якутск-Тюльминский-Тюбада 18
 Якутск-Алика 201
 Якутск-Тюльминский 166
 Тюльминтокан-Али 1

Валентина
ДРОЗДОВСКАЯ

Над стихами Ники Турбиной

Газета меж моих черновиков,
А в ней задумчивой девчушки снимок,
И интервью, и разворот стихов,
Как внутренняя боль, неизъяснимых.

Дитя, обласканное синевой,
Дитя, омытое волной лазурной,
Взывает к людям, чтобы шар земной
Не стал всеобщей траурною урной.

Дитя с тревогой истину речет
И просит взрослых,
чтобы вечность длилась,

Валентина Дроздовская написала в одном из своих стихотворений, что «отродясь на легкий хлеб душа польститься не посмела». Действительно, она в дошкольном возрасте во время войны потеряла родителей, воспитывалась в детском доме, с малых лет сама решала все самые сложные задачи, которые ставила перед ней жизнь. Она окончила Днепропетровское театральное училище, работала в театре, а теперь является диктором ленинградского телевидения. Стихи ее неоднократно появлялись в периодике, она выпустила две книги. Поэзия Валентины Дроздовской очень общительна, по-мужски мужественна и решительна, но и по-женски нежна, добра и отзывчива. Читатели этого номера «Смены» смогут в этом убедиться сами.

Николай СТАРШИНОВ

Дитя, бессонницам утратив счет,
Горит надеждою на справедливость.

О руку подбородком опершись,
Прислушиваясь

к положенью в мире,
Дитя-поэт отстаивает жизнь
Каракулями на глобальной лире.

Ужели для младенческой души
Не куклы уготованы,

а камни?
Не оттого ль из детства малыши
Уходят семимильными шагами?..

Старый Новый год

Мы многое прошлому году простили
За то, что уходит, даря
Последнюю радость
По старому стилю —
Тринадцатое января.

Спасибо за случай
с мальчишеским взглядом
И мой затаенный испуг,
Спасибо за ваше присутствие рядом
И непринужденность вокруг.

Да здравствует полночь
несбыточных тостов
И дружеский смех до утра,
И этот крест-накрест
исчерченный остров
Державной линейкой Петра!

Пусть елка
С игрушечным дедом-морозом
Роняет иголки свои,
Мне чудится в вашем
мальчишестве грозном
Предзнаменование любви.

СЫНОВЬЯ

А Русь опять вздыхала,
Благословляя рать:
«Дай, боже, на орала
Мечи перековать!»

Но враг беспокоил.
И Русь колокола
С господних колоколен
На пушки отдала.

Сушила ветром слезы,
Но в праведной борьбе
Перед лицом угрозы
Была верна себе.

Последние усилия
Удваивались в ней,
И жгла Москву Россия
Руками сыновей.

А сыновьям по разу
И жить, и умирать,
И вопреки приказу
Решенья принимать.

Под танковым орудьем
С гранатой в руке!
На амбразуру — грудью!
А с воздуха — в пике!

У сыновей не громки,
Но звучны имена,
У сыновей потомки
С вихрями цвета льна.

У сыновей святыни
Под хмурым небом есть
От века и доньше —
Отечество и честь.

Из цикла «Мгновения»

Глаза слезящиеся к небу поднял
Согбенный бела света старожил —
Нависла нимбом радуга над полднем.
Ее, должно быть, кто-то заслужил.

Друг друга прожгли мы усмешкой,
И с неба упала звезда,
Кто знает,
зачем и куда,
Кто знает,
орлом или решкой...

В крайних случаях действуют крайне.
Видно, крайнее с нами стряслось.
Обойденным в любви — умирая,
Нам же — гибель!
И вместе и врозь.

Ну вот и пришла благодать,
И нет тебя в этой глуши,
Однако из жизни изгнать
Не значит —
Изгнать из души.

Словом нежности позабытой
Ты нарушь тишину зарока,
Ты нещадно ее взорви,
Дай возвыситься над обидой,
Все простить
и в мгновенье ока
Вновь унизиться до любви.

Так одиноко не было давно.
Хожу в почти старушечьей одежде
И чувствую,
что будет прощено
Все то, чего я не прощала прежде.

Считай меня актеркой,
на здоровье,
Досужий утоляя интерес,
Но я принадлежу к тому сословию,
Где не играют одноактных пьес.

Чужая ветрогонным этим пьескам,
Что придают веселье бытию,
Весь бабий век
ужели я не с блеском
Играю независимость свою?

Будь сегодня доверчив,
Не разгадывай песню
В затянувшийся вечер
Перед лунной болезнью.

Если песня по духу,
Подпевай на здоровье,
Ведь подобно недугу
Огорченье любовью.

Что ты смотришь тревожно?
Я плохой запеваля?
Это мне как нарочно
В глаз соринка попала.

Воспарять в поднебесье
Людям изредка надо,
Но сложила я песню
И сама ей не рада.

Наша осень

Нашу осень замело пургою
Внеурочно, суетно и зло.
Что-то бесконечно дорогое
Кончилось, да только не прошло.

Но ведь мы повинны в этом сами,
Сами загубили мы с тобой
Все, что называется цветами,
Все, что называется листвою.

Нам тогда ни ликовать, ни плакать
Не хотелось, в осень уходя,
Упивались мы, ступая в слякоть,
Проливной мелодией дождя.

А теперь на заморозки ропщем,
Заплутав, как в зарослях,
в судьбе,
И дарю я безымянным роцам
Строки, посвященные тебе.

К Снегурочке

Я сама удивляюсь: надо же,
Чтобы именно ты
Мне сегодня свалилась на душу,
Как роса на цветы.

Игры племени, игры пламени,
Хороводом пьяня,
Загубили тебя, расплавили
Среди белого дня.

То весны в побрякушках красочных
Роковая печать.
Разве стал бы народ мой, сказочник,
Худо сказку кончать?

Мы смиряемся перед истиной:
Снег — недолгий жилец.
В русской сказке
в одной-единственной
Столь плакучий конец.

Нет на свете другого выхода,
Хоть замри взаперти,
А сказителю что за выгода
Против правды идти?

Впрочем, где ж между нами разница?
Я не вижу ее.
Людям тоже: сегодня — празднества,
Завтра — небытие.

По законам неукоснительным
Колесит круговерть —
И Снегурочкам и сказителям
Уготована смерть.

То явление неминуемо,
Но, как в детстве своем,
Мы о нем забываем — ну его! —
И играем с огнем.

До березоньки, до скончания,
До последней черты
Мы живем трудней, и печальнее,
И беспечней, чем ты.

Заглушают надрывный реквием
Хороводы весны,
И не кровью с тобой, а жребием
Люди породнены.

Оттого-то тебе с младенчества
Сострадает народ —
Не приходит в мое Отечество
Без тебя Новый год.

Я тобой не любима, тебе не жена
И с тобою не связана кровно—
Просто от роду верностью заражена,
Просто в долготерпении виновна.

Ты бываешь со мной
до того отрешен,
Что в иные минуты послушен,

Тишина

Расчищена тропа, и вдоль нее
Протянут шнур от дома до сарая,
Окаменев, там сушится белье,
С трудом на третьи сутки высыхая.

Я отпуск подгадала к тишине.
С крылечком ветхим,
с окнами без ставней,
Домишко этот для отшелья мне
Друзьями городскими предоставлен.

И тишина с околицы села
Ко мне свернула, двери отворила,
Подошвы отряхнула, и вошла,
И до утра со мной проговорила.

За разговором мы успели сжечь
Все на ночь припасенные поленья,
И хвойною смолою пахла печь,
И пробовало голос вдохновенье.

Мир тебе!

Мир тебе и меж людьми согласие,
О благословенный шар земной!
Ты один, второго нет в запасе,
Нет у нас и жизни запасной.

Остановим, укротим безумье,
Усмирим заокеанский смерч,
Да не вздрогнет ядерный Везувий,
Человечеству несущий смерть!

Да не смолкнет
стук сердец на свете,
Не прервется
в гнездах жизнь птенцов!
Быть того не может, чтобы дети
Стали жертвой собственных отцов.

Вечный мир вам, малыши планеты,
Мир вам, голубые небеса,
Мир вам, острова и континенты,
Северный и Южный полюса!

У людей приюта нет иного,
У людей иного нет жилья.
Именем всего пережитого—
Мир тебе, страдалица Земля!

Рисунки
Андрея МАРТЫНОВА

Ты сегодня опять мимоходом зашел,
Не ища посторонних отдушин.

Так молчи, на здоровье,
себя не неволь,
Я еще на пороге смекнула:
Это вовсе не ты—твоя новая боль
На молчанку ко мне завернула.

Школьница в смешных
доспехах моды:
На запястье—с ниточку браслет,
Грудь—едва намеченные всходы...
Девочка, да сколько ж тебе лет?

Гордая—не по годам—осанка
И самоуверенная речь,
Косы в россыпь—сухая русалка,
Ты пришла меня предостеречь?

От каких грехов и преступлений?
Разве миром все не обошлось?
Так ли зорек твой ребячий гений,
Чтобы распознать меня насквозь?

Будто на себе ты испытала
Тщетность отречений от любви,
Будто бы сама уже вступала
С сердцем в безуспешные бои.

Будем говорить о постороннем,
Полоща водою решето,
Ни отца, ни матери не тронем
В нашем разговоре ни за что.

Мне судьба подкинула задачу,
Что решать положено двоим,
Но постигла я все то, что значу,
Лишь под взором
пристальным твоим.

Непогода завывает злобно,
На окне—морозная печать.
Я сама не знала, что способна
Чье-то сердце словом врачевать.

Стала я спокойней и сильнее
И с собою справилась почти,
Ты не сомневайся—я сумею
Стороною счастье обойти.

Только взор твой,
как патруль на страже.
Холодит меня из-под бровей.
Неужели ты на вечность старше
И меня и матери своей?

Не суди, не надо приговора.
Что такое жертвенность, дитя,
Может статься, ты узнаешь скоро,
Может статься, много лет спустя.

Примешься решать, как я когда-то,
Тяжкие задачи за двоих,
Но пока об этом рановато—
Твой учебник не содержит их.

Лучше сядь, отдавай угощенья,
Пирогом побалуйся моим,
Доживешь до самоотреченья—
Вот тогда мы и поговорим.

Пабло НЕРУДА

Лучше не спрашивайте

Сердце отяжелело
от всего, что я знаю,
словно это мешок,
туго набитый камнями,
словно дождь обложной
залил бессонную память.

Не спрашивайте об этом.
О чем вы, не понимаю.

Не знаю, что приключилось.
Другие тоже не знали.
Я брел из тумана в туман,
считая, что все в порядке,
искал на улицах фрукты,
разыскивал мысли в полях,
а в результате вышло,
что прочие были правы,
а я проспал все на свете,
и вот они грузят мне сердце
не только камнями, но мглой,
не только мглой, но кровью.

Такие, брат мой, дела,
и все же они не такие,

ведь я вопреки всему
жив и отменно здоров,
расту душой и когтями,
бываю у парикмахера,
перешагиваю границы,
отстаиваю рубежи.
А любопытным пройдохам
троп моих не распутать.
Им чудится лай печали
в доме моем, все ложь:
любовь—погода хорошая,
ненастье—когда рыдают.

Не спрашивайте меня,
что помню, чего не помню,
что знаю и что я знал,
что растерял в дороге
среди стольких потерь,
не спрашивайте о мертвых,
желавших меня повидать
не для того, чтобы слушать,
лучше притроньтесь к жилету:
чувствуете, как внутри
трепещут темные камни?

Утраченный мальчик

Не торопится детство, длится,
бесконечен луг, на котором
вырастает стойкий побег,
затвердевший ствол человека.
Кем я был на земле? Чем был?
Нет ответа. И мы шагаем.
Мы избыты, нас нет. Другими
стали ноги, руки, глаза.
Обновило дерево листья.
Обновилась кожа твоя,
память, волосы. Ты—не он.
Тот был мальчиком, он бежал
за рекой и за велосипедом,
и осталась мало-помалу
в той минуте вся его жизнь.
За тобой крадется похоть.
Дни тянулись струйкой минут,
ты исчез, появился другой,
новый ты и другой, а ты
все выпрастывался на ходу
из бродяги, из пассажира,
из вагонов жизни,
из вечных
замещений, замен, подмен.
Так менялась маска ребенка
и худел его скорбный удел,
так, меняясь, таяла сила.
Позвоночник пока не сдавался,
был надежным каркас костей,
оставалась прежней улыбка,
легкий жест и походка—отсвет
обнаженного мальчика,
порожденного молнией,—только
это был костюм, а не он!
Человек его только занял.
То же самое и со мной.

Дикарем я в город приехал,
где жестокие лица и газ
изучали мой свет и рост,
где искали во мне себя
беспокойные женщины, словно
потеряли меня: вот так
человек помалу мутнел,
сын чистейшего из сыновей,
а потом весь до капли вытек,
и лицо чужака-меня
объявилось в моем лице,
это тоже был я, растуший,
ты, растуший, и он, растуший,
так менялись мы, позабыв,
кем когда-то мы были в мире,
лишь порой вспоминая того,
кто когда-то в нас обитал,—
иногда мы просим его,
чтобы нас и он вспомнил,
не забыв, что мы были им,
говорили его языком,
но из выгоревших времен
он поглядывает на нас
и никак не может узнать.

Епископ

Епископ воздел руку,
запалил на площади книги
во имя своего невзрачного бога,
обратил в дым старые листы,
захватанные темным временем.
А дым не возвращается с неба.

Ода последнему плаванию «Бретоны»

Разбилась барка об утес прибрежный,
она была с рожденья побродяжной,
упругий киль был облаку подобен,
напоминал он
грудь морской голубки.

Пучина грозная
скрошила форму—
расхристанная пена бушевала,
обрушивала белый бунт магнолий,
и вот осталась жалкая пожива
от разнесенной в щепы героини,
израненные ураганом доски—
четыре перышка на берегу,
а рядом с неподвижной древесиной
передавалась вечность океана.

Мой друг те доски снес в свой дом
на круче,
и вскоре пламя увенчало смерть
суденышка, любимого в округе.

Так сложенные аккуратно доски,
пропитанные
синию свободой,
запыхали в темноте ночной,
как наваждение, прощаясь с миром
своим волшебным голубым огнем,
оранжевою неисповедимой,
зеленовато-водянистым тлением,
вернувшим всю поглощенную соль.

Мы замерли:
то был последний праздник,
предсмертное сиянье бедной барки,
отплыть вольное ее души.

Так в плаванье последнее пустилось,
ночь озаря алым вознесеньем,
фосфоресцирующим беглым светом,
суденышко на жарких парусах.

Перевел с испанского
Павел ГРУШКО.

В ту пору для меня, первоклассницы из небольшого подмосковного городка, Отечественная война была уже далекой историей, хотя после нее прошло всего десять лет. Теперь же, когда события и двадцатилетней давности кажутся лишь вчерашними, вдруг приходит в голову, что наша первая учительница, Зинаида Ефимовна Полова, в каком-нибудь 1913 году могла быть классной мамой. В этом понятии, не ощущаемом мной сейчас и вовсе не известном тогда, памяти нужно слово «дама»: от него, такого омертвевшего, оживает облик Зинаиды Ефимовны.

Грустная, седая, старая, но с жесткой осанкой, она слушала ответы учеников только стоя, при этом, правда, довольно редко, у нее тряслась голова. Ее речь, не опрошенная никаким акцентом или звуковой ужимкой, но и не пластмассовая, как у дикторов, а живая, со сдержанными, но сложными переходами голоса, заставляла переживать смысл каждого произнесенного слова.

В то время общественные обязанности были почти у всех моих одноклассников. Мне кажется, что и собственное поручения и названия для них Зинаида Ефимовна придумывала сама. Так, моя общественная должность именовалась начальник санитарного поста класса...

Когда детское впечатление преобразуется расчетливым временем в приятное или просто яркое воспоминание, в нем смешаны прочувствованное и придуманное, и, вероятно, что важно в самый момент воспоминания, то и правда. И я думаю, вряд ли Зинаида Ефимовна случайно назначила следить за чистотой меня, вовсе не самую аккуратную девочку в классе. В отличие от рядовых санитарок мне полагалось носить не только повязку с крестом, но и санитарную сумку, довольно увесистую, так как в ней находились и пузырьки с йодом и перекисью водорода, и пачка ваты, и сверток стерильного бинта. Школьная форма, о которой я мечтала еще в детском саду, была у меня не покупная, а самодельная. Ее сшила мамина подруга. Коричневой шерсти не хватило, и спереди на юбке был вставлен клин терракотового цвета. Чтобы надежнее прикрыть его, подруга смастерила большой черный сатиновый фартук. Он был широк, длиннее платья. Но именно из-за величины фартука я чувствовала терракотовый клин сильнее и все ощущала себя: хорошо ли он прикрыт. Санитарная сумка на длинной полотняной лямке надевалась через плечо и тяжестью своей надежно придавила фартук к юбке.

Толстоватую, с расплывчатыми чертами лица и жидкими косицами, меня никак нельзя назвать красивой девочкой. И, пожалуй, до Зинаиды Ефимовны мне незнакомо было внимание чьего-нибудь взгляда. Нельзя сказать, чтобы Зинаида Ефимовна не сводила с меня глаз, но я чувствовала ее интерес, хотя разоблачить его так и не удавалось. Стоило только встретиться с ее взглядом, как он будто бы стекленел или продолжался так ловко, словно меня и не касался.

«Весьма сообразительная девочка», — сказала она обо мне на родительском собрании. А моя мать восторженно передала мне эти слова, и я жила ими, оправдывала их со страстью на каждом уроке и была лучшей ученицей.

Зинаида Ефимовна всегда носила черный костюм без всяких украшений и только однажды, перед праздником 7 ноября, в честь окончания первой четверти сменила привычный жакет на точно такой же, но отделанный по бортам черной атласной полоской.

В ту осень я пылко любила свою мать и еще больше — ревновала. У моей очень молодой мамы (ей только что исполнилось двадцать пять лет) характер был романтический, а высокие душевные порывы часто не соединялись с терпением и целенаправленностью. Так, незадолго перед школой она купила для меня дорогой пыльник из трофейного плотного шелка нежного кремового цвета,

**Марина
ЕСЕНИНА**

РАССКАЗ

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

расшитого золотистым галуном. Потому-то, должно быть, и не хватило денег на обычную школьную форму. Пыльник же оказался мал, а продать его, расстаться с ним легко она не могла, как с мечтой, как с видением, которое ослепило ее в тот момент, когда она выкладывала свою зарплату чертежнице за эту изящную вещицу: крошечная очаровательная девочка, ее дочка, танцевала в этом пыльнике посреди цветущего сада. Мой облик оказался так противоположен этому видению, что во время примерки в глазах у мамы стояли слезы.

Разочаровавшись в какой-либо вещи, мама могла впасть в крохоборство. Начинала вести запись расходов в какой-нибудь старой, почти полностью испанной тетради, из бережливости не трата новую. Но экономические всплески проходили быстро.

Фантазии составляли важную часть ее реальной жизни и были выражением мятущихся, нерастратченных душевных сил, заточенных в рамки сурового быта матери-одиночки.

Она признавалась мне, что ее любимое состояние наступает перед сном, когда дрема уже одолела грустные мысли, а чувства еще не превратились в сны.

Какими уравновешенными, наверное, бывают люди, которые в мечтах являются сами себе точно такими, какие они есть, разве что еще более преувеливающими в том, чем уже владеют.

Я думаю, моя мать после работы и занятий в вечернем машиностроительном институте, добравшись с последней электричкой из Москвы до дома, съезживалась под одеялом, худая и маленькая, и полусонно воображала себя совсем другой. В этом воображении большую роль играло ее сильное увлечение историей древнего мира. Наверное, она представляла себя румяной, густоволосой, пышнотелой, сидящей торжественно в кругу столь же прекрасных, умных и преданных друзей, большинство из которых были мужчины героического и благородного вида. Между собравшимися шла беседа об античной истории, философии и последних публикациях в журналах. А она восхищалась всех знаниями и вкусом.

В конце августа мы гуляли с мамой по лесу, и словно бы случайно, но я-то почувствовала, что это не так, нам встретился мамин знакомый. Когда она с ним заговорила, меня поразило ее утонченный голос, готовый в любую минуту притихнуть. Звали его Илья Федорович, и я его сразу возненавидела. Илья Федорович повел нас на свою дачу, а я поглядывала на него, и он мне все больше не нравился. Весь он был закрученный и приглаженный, голова, как разрисованное лицо, навькате животик, аккуратные желтые ботиночки с круглыми носками. Илья Федорович подвел нас к небольшому крепенькому домику. Лицо

моей матери, обычно такое сложное и изменчивое, застыло в простом глупом одобрении. Лицо же Ильи Федоровича оживило.

— Вот! — простер он руки. — По здешним ценам — даром почти. Крышу перекрыть, конечно, в копейку встало. Зато участок какой! Одних яблок в этом году уже сколько собрали! Да там вон еще сколько висит! Поздние сорта. Бегги. Светка, в сад, анису нарви. Ох, хорош!

Илья Федорович говорил уже с крыльца, доставая из кармана ключи, чтобы отпереть толстую, недавно окрашенную дверь. И только я отвернулась, чтобы бежать за яблоками, как услышала полный страдания возглас:

— Вон ведь что, а?! Гляди-ка! — Он застыл с поднятой и отведенной в сторону ногой для демонстрации густого желтого пятна краски на брюках. Тонкие, яркие, дугообразные брови его поднялись намного выше оправы очков. Он взывал к сочувствию.

Лицо матери передернулось было презрением, но быстро сгладило и изобразило требуемое участие. Она поддельно причмокнула:

— Надо же! Как обидно! — Это было так фальшиво, что я испугалась за ее разоблачение.

Но Илья Федорович опустил уже ногу и задумчиво пробормотал:

— Ничего! Мы его, свеженькое-то, керосином!

Я долго была в саду. А когда мать окликнула меня, Илья Федорович был уже в чистых брюках, и голос его снова звучал свежо и уверенно.

— Нет, ты не права, Лиза! — внушал он матери и даже грозил пальцем. — Все-го-то полтора года осталось — и диплом у тебя в кармане. Все! А там читай! Изучай! Отработала, и читай! Хочешь — историю, хочешь — географию. Правда, Свет? — подмигнул он мне, запирая калитку. — А то сейчас я тебе книжки могу дать и лекции. Почерк у меня отличный.

Мы шли гуськом от дачи Ильи Федоровича. Уже с мышшиной бестолковостью пробегали под ногами скукоженные листья. Деревья смыкались над нами.

— Илья Федорович — очень неплохой человек. — Мать глядела вслед электричке, умчавшей его домой, и прижимала к себе большой, но аккуратный сверток с яблоками. — Он студент исторического факультета, — с гордостью, но и с завистью сообщила мать, и зависть нарастала. — Он уже на третьем курсе и специализироваться будет по Древней Греции. — вздохнула она.

Ненависть к Ильи Федоровичу закипела во мне как смола.

Раньше мы спали с матерью вместе на широкой тахте с резными ножками. Но еще весной Хреновы — наши соседи по коммуналке — приобрели новую мебель. Глава семейства Сергей Сергеевич, шмыгая носом после обмывания покупки, вышел на кухню покурить, но, расpiraемый подступившей добротой, вошел к нам в комнату без всякого предупреждения.

— Елизавета, — начал он и откашлялся, поднес руку ко рту точно так, как это делают в кино. — Ты молодая, тебе жить, деку растить, — разговорился он было надолго, но тут встретился взглядом с сухими и злыми глазами моей матери. Полночные видения порой так сильно отзывались в ней днем, что она придавала чрезмерное значение таким мелочам, как стук в дверь или приветствие. — Мы тут выпили, конечно, — стал оправдываться Сергей Сергеевич, — мебель новую обмыли. Может, мне до смерти теперь с ней жить.

Его несколько напыщенное смущение отозвалось в неустойчивом настроении моей матери, и глаза ее заблестели влажно.

— Проходите, Сергей Сергеевич, садитесь. — Мать встала из-за чертежной доски и стремительно шагнула навстречу соседу.

Сергей Сергеевич вновь откашлялся, и тон его опять поменялся на покровительственный:

— Я на два слова зашел, сказать хотел. Девка у тебя растет — спать вам пора

взрось. — Сергей Сергеевич распалился и продолжал с напором: — Кровать у нас освободилась, полторная, сетка крепкая, ролики все целые. К вечеру Толька с Гришкой перетащат ее к тебе.

Он важно вышел, а мать, нервно ежась, отошла к окну, и со спины видно было, что она в досаде.

И мне непривычно, пусто стало спать одной — не хватало мягкой тесноты, успокоительного аромата «Белой сирени» и еще какого-то запаха, такого родного и ничем не восполнимого днем, даже когда, прижавшись к матери, я слышала легкую табачную горечь, сквозь которую пробивалась только «Белая сирень».

Несмотря на старость, Зинаида Ефимовна выполняла общественные поручения. Она, как правило, сопровождала старших ребят в поездках в музей. Почему это делала чаще всего она, а не молодые преподаватели специальных предметов, мне неизвестно. Но и тогда я понимала, что для музейщиков Зинаида Ефимовна подходит больше, чем, например, учительница литературы из пятого класса Любовь Павловна, красивая, как Лолита Торрес.

Первоклассников в музей еще не возили, но однажды в конце октября Зинаида Ефимовна задержала меня в коридоре:

— Светлана, завтра мы с ребятами из пятого класса собираемся в Музей изобразительных искусств. Если захочешь и сможешь, поедem с нами.

— Я хочу, — сразу откликнулась я не на смысл предложения, а на уважительную и заинтересованную интонацию ее голоса.

— Если не передумаешь, сбор в 10 часов у школы.

Было золотистое октябрьское утро, теплое и тихое. Я шла к школе по старой липовой аллее, пронизанной лучами, а за ветвями мне все чудились дворцы.

У школьных ворот я увидела группу больших нарядных девочек и замерла, застеснявшись своей школьной формой и грязноватой санитарной сумкой, совсем неуместной в воскресенье рядом с такими взрослыми, красивыми девочками. Но Зинаида Ефимовна уже степенно шла мне навстречу и, остановившись возле, сделала знак, чтобы они подошли к нам. Пока девочки приближались, она громко сказала:

— Я забыла тебя попросить, хорошо, что ты сама догадалась взять медикаменты. В любой дороге они могут пригодиться.

Мне хотелось запомнить и понять в музее все лучше других, и желание это было таким назойливым и упрямым, что никак не уступало место вниманию, и я почти ничего не запоминала. Опомнилась я у статуи Давида, удивившись ее величине и обнаженности. Потом я услышала слова экскурсовода о мужской красоте и силе.

Так как у меня не было отца, к мужчинам я относилась очень требовательно. Все окружающие меня в жизни: Сергей Сергеевич, Толька с Гришкой, его сыновья, Илья Федорович — были дяди, а мужчины должны были быть совсем другими. В музее мое представление о них словно уточнилось, я как будто поняла мужскую красоту и силу, и мне потом очень хотелось думать о мужчинах, только я не знала, что. После долгих бесплодных дум я спросила у матери: «Есть ли живые мужчины и что они делают?» Мой вопрос в тот момент так совпал с ее мыслями, что она не удивилась его смыслу, а откликнулась бурно, со слезами в голосе:

— Где ж их взять?! Всех лучших, всех настоящих поубивало! Кто остался-то! От этих неожиданных слов мысли мои наполнились злорадством. Я решила, что она имеет в виду Илью Федоровича. Это он! Разлучник самодовольный! Это из-за него, я чувствовала, я теперь знала, что из-за него мама иногда не приходит домой до поздней ночи, а я жду ее на чужой, соседской кровати, и лысая лампочка под потолком не дает мне уснуть, а без света я боюсь. Но еще страшнее заснуть ненадолго, забывчиво, а потом очнуться и с еще большим ужасом и безнадежностью переживать вид нетронутой тахты, так ослепительно освещенной. Но самое страшное — снова заснуть до утра и трезвыми утренними глазами видеть, что эта злоеющая лампочка существует и при свете дня, ее можно, конечно, потушить, но забыть о ней нельзя. И в школе она мешает мне, и живу я одной только надеждой. Медленно-медленно, большими кругами я пойду к дому

через сквер с Доской почета, где мне знакомы уже все лица, и через другой сквер, с общественной уборной, где толпятся цыганки, зазывают гадать. Сама-то я к ним не подойду, потому что говорят, они воруют детей и не поймут, что я уже не ребенок, хоть мне только восемь лет. А мне так надо погадать, горит ли теперь лампочка на третьем этаже вон того дома, приехала ли моя мама, или опять, переждав много-много времени, я подбегу к подъезду и увижу, как черно поблескивают три узкие створки. А потом тихо, но еще не плача, буду подниматься на третий этаж, надеясь теперь только на то, что Хреновы сегодня не гонят самогон и старший, квадратный низкорослый Гришка, не сидит, весь наострившись, готовый к отпору, напротив входной двери; в то время как младший, но лысый Толька с папашей затихли в чулане над аппаратом.

Если самогон они все-таки гонят, мне не удастся самой открыть дверь ключом, потому что Гришка запер ее на засов. Услышав скрежет ключа, он дожидается звонка, потом еще переждет, угадывая, как зверь, по звуку, не опасен ли гость. После третьего звонка начнет медленно отодвигать засов и словно бы безразличным сонным голосом спрашивать, кто идет, одна ли я и кто это там, на лестнице, хулиганит?

— Никого здесь нет на всей лестнице, — успокою я его, уже глотая слезы. Я буду что-нибудь есть, делать уроки, а главное, ждать звонка в дверь и, если дождусь, замру, как Гришка, страхась разочарования. После второго звонка Гришка войдет на цыпочках в нашу комнату и шепотом прикажет:

— Спроси, кто!

Косясь на Гришку, в таком же волнении, как и он, я подкрадусь к двери:

— Кто?..

— Это я, Светочка!

— Вот цилиндры-то две. Люди вовремя домой приходят, а им все неимется, все неимется, — вспотевший Гришка открывает дверь и говорит погромче, чтобы его слышали в чулане и не волновались зря.

Мгновения наступающего счастья были полнее тех минут, когда я уже увижу ее и обниму, морозную и розовую, когда она торопливо станет выкладывать из сумки красную икру в неразмокающей хрустящей кальке, эклеры и спрашивать спокойным голосом, как дела у меня в школе, всегда уверенная, что за меня волноваться не надо.

Я никогда не спрашивала, почему она не приезжала ночевать. Но она иногда говорила сама, что оставалась ночевать у подруги, потому что опоздала на последнюю электричку. Но не это было мне интересно, мучило меня, вернется ли она на следующий день. Я боялась и завтра жить одним ожиданием. Чтобы играть, гулять, учиться, мне нужно было точно знать, будет ли она со мной или я останусь одна. Я так измучилась неопределенностью, что готова была и к одиночеству.

Но я и об этом не смела спрашивать, я видела, что она сама не знает. От этого муки мои были сильнее, и оставалось только разяснить все себе самой. Я думала. Я представляла. Я догадывалась. Догадки мои были невыразимы в словах, но я знала, что они верны. Самая обидная догадка была та, что мой покой зависит от Ильи Федоровича, а моя мать перестала быть преградой между мной и взрослой жизнью, и мне без этой преграды страшно, мне она еще нужна, чтобы не лезли в голову жуткие мысли, чтобы не подозревать о ее зависимости от Ильи Федоровича и о его непостоянстве.

Наверное, у бравого студента Ильи Федоровича была семья. Днем он учился, а вечерами, а порой и ночью, работал, чтобы семью прокормить, чтобы купить за городом домик, а иногда, если все совпадет, забирать в этот домик мою мать, которая только этого и дожидается. А я знать это не хочу, даже догадываться не хочу, а она не думает обо мне. Она меня не любит!

Но были и спокойные, уютные вечера с книжками по истории древнего мира. В такие вечера я прощала Илье Федоровичу его существование.

В декабре стояли сильные морозы, а от них уютнее делались наши вечера. Она приезжала с работы, мы шли на кухню к недавно установленной там газовой плите — новому и очень важному для меня символу постоянства, потому что в отличие от дров и керосина газ никогда не иссякал.

У братьев Хреновых появились невесты Нипка и Верка. Почти каждый вечер приходили они к нам стряпать, потому что в их дома газ еще не провели. Они показывали свое умение Сергею Сергеевичу и хвастали друг перед другом. Свадьбы должны были быть на Новый год, но самогон Хреновы при невестах на всякий случай не гнали, а делали это совсем уж в ночи.

Нипка с Веркой с добренькими улыбочками на красных вспотевших лицах шивковали и месили. Гришка с Толькой сидели на общей лавке у стены и грубовато подтрунивали над ними. Сергей Сергеевич на высокой табуретке в углу довольно поглядывал на всех, и от хитрой ухмылки шевелились сивые усы и борода.

Когда мы с матерью входили, Сергей Сергеевич прикрикивал:

— Эй, девки, соседку угостите, она у нас учная.

— А вот еще чуток, все вместе и сядем, — откликнулась голосистая Верка, Гришкина невеста.

Такие коммунальные радости были редки, но очень запоминались, потому что их участники предавались веселью самозабвенно, забывая о его ненадежности.

Самое лучшее время наступало для меня перед сном, когда мы снова лежали рядом с матерью на тахте и она читала вслух, а я слушала ее и вдыхала неизъяснимый запах, и душа становилась тихой и вечной.

Не сразу заметила я, что мама моя тоскует. Но все монотонней становился ее голос, а потом уж совсем пропало в нем выражение. Мне скучно стало слушать про Пунические войны, но я изо всех сил изображала внимание и интерес, лишь бы удержать нашу вечернюю, ставшую такой непрочной близость.

Но вот мама снова стала поздно возвращаться. И однажды, когда она сильно задерживалась, я решила занять себя самостоятельно, независимо от нее. Я легла в ее постель, стала читать про Пунические войны и уговаривать себя, что они мне и так интересны.

Но все во мне ждало резкого звонка, все мечтало о нем, этот звук назойливо и болезненно давно уже жил во мне, и от внутреннего звука дрожали руки, и глаза только прыгали со слова на слово, никак не соединяя их в смысл. Я ловила приглушенный запах, который хранила ее постель, и он ужасал и холодил меня своим существованием без нее.

Я поняла, что это она, когда короткий и резкий звонок уже отзвучал. Пока он был, я не успела в него поверить, но в следующее мгновение вскочила, вихрем помчалась к двери. Замерший на своем посту Гришка не успел кинуться мне наперерез. Я с трудом отперла дверь, приоткрыла ее и отпрянула: выгаращенные от злости глаза матери не видели меня, ноздри раздувались. Она, должно быть, ожидала увидеть Гришку и готовилась высказать ему про самогон и свои права...

Наверное, у нее был тяжелый день, и все раздражение, все обиды и усталость миготали в ярость, лишь только глухая тупая крепость чугунного засова не поддалась легкой вертлявости ключа и задержала ее у двери. И то, что перед ней стояла я, а не Гришка, уже не могло остановить этой ярости.

— Какого черта ты еще не спишь! — Но тут она увидела Гришку. — В следующий раз приду с милицией, с участковым приду, алкоголики, уголовники, спекулянты!

— Тише, тише, тише... — Старик Хренов вышел из своей лаборатории и сразу все смекнул. — Чтой-то ты, соседка, сегодня такая сердитая? А ты, пеня осиноый, расселся-размечтался. По шагам должен дверь отворять, балда. Свои все мы здесь!

— Ишь, распелся, старый ханжа. Не домой приходишь, а как в ночлежку. У меня вся одежда сивухой вашей пропахла. Нарочно с участковым рядом стану. Пусть принохивается, пусть спросит, только пусть спросит...

— Чтой-то ему к тебе принохиваться-то, — оживился Толька. — От него сильней нашего разит.

Страсти еще бушевали в коридоре, а я уже лежала в кровати, и обида от ее неожиданной грубости была хоть и горька, но гораздо легче ожидания и быстро проходила. Грудь освободилась для покоя, который ни за что не наступил бы, если бы ее не было рядом.

Она наконец вошла в комнату и медленно сняла свое зеленое пальто с небольшой рыжей норкой на воротнике. Это пальто было для меня еще одним дорогим символом постоянства и долговечности. Летом одежды пестрые, легкие, изменчивые. А зимой всему венец — это зимнее пальто, по которому я издалека, даже в сумерках, когда можно различить только силуэт, узнавала ее. Она хмуро, с отвращением повесила это пальто у двери, а я затаилась в кровати, такая послушная и понятливая.

— Ну, чего ты все не спишь? — спросила она виновато, но не особенно приветливо и вышла на кухню.

А мне вдруг захотелось увидеть внимание и заботу после такого ожидания. Ну, хоть какой-нибудь знак любви, какой-нибудь порыв.

Она довольно скоро вернулась с горячим чайником и села за стол спиной ко мне.

— Мам, ты мне считаешь? — как можно сиротливой пропищала я и сама застыдилась ненатуральности своего голоса.

— Нет. Не могу. Устала так — в глазах темно. — Она оглянулась, и я увидела, что в глазах у нее и правда темно и под глазами темно. Может, так падал свет, но все провалы ее лица были темны и глубоки.

Страх за ее жизнь, жалость, раскаяние вспыхнули, заколотились во мне, но быстро, лишь только пробились слезы, растекаясь по телу сонной истомой. Я зевнула, еще прослезилась и уж было задремала, как услышала какой-то негромкий, несвойственный нашей двери звонок. Именно от робости звука встрепенулась и заныла во мне тоска. Мой еще замутненный взор тревожно обратился к матери. Но она вроде ничего не слышала и спокойно наливала кипяток из большого чайника в маленький.

После короткого гробового затишья к входной двери прошаркал отец Хренов и совсем уж старческим голоском тоненько спросил:

— Ктой-то тама?..

Не слышно было, что ему ответили, но голос Хренова окреп.

— Ах вон что! Сейчас скажу! Лизавета! — бодро крикнул он и стукнул в нашу дверь. — Выйди! Хахаль твой тама!

Мать замерла с приподнятым чайником, потом быстро поставила его куда попало и кинулась из комнаты вон. Через секунду горячий чайник грохнулся на пол, и кипяток брызнул высоко. В висках у меня стучало, и я не могла расслышать, что коротко и приглушенно сказала она там, в коридоре. Но вбежала она в комнату раскрасневшаяся, со светлыми, блестящими, не видящими меня глазами. Сдернула с вешалки пальто, уронила шапку — та покатила, а она, уже всунув одну руку в рукав, кинулась ей вдогонку, схватила, надела, натягивая рукав на вторую руку, звонко, беззаботно, с улыбкой, не имеющей ко мне никакого отношения, крикнула:

— Я погуляю немного, а ты спи! Спокойной ночи!

В первые минуты я всему этому не поверила и все глядела, не шурясь, на холодную яркую лампочку в кругу лучей. Потом взгляд оторвался от нее, и я испугалась темноты у себя в глазах. Но вслед за испугом из тьмы проступил зеленый чайник в чуть дымящейся луже, и невероятность происшедшего сделалась тем именно горем, которого я страшилась больше всего. Раньше кошмарный, но бесформенный образ его мучил меня во сне, дразил наяву допустимой возможностью, но его все же не было на самом деле. А теперь вот оно: обращенное ко мне усталое долгожданное лицо, превратившееся в светлое и счастливое, не видящее меня, с радостью от меня бегущее. Пять минут мне почитать не могла, а с ним гулять убежала! И скоро ли еще вернется? И тут я поняла, что она не вернется сегодня. Эта мысль уже не только обожгла меня, но пробудила трезвый, холодный расчет. Где она будет ночевать? И я уже видела тот крепенький маленький крашеный домишко, слышала лязг большого замка на двери. Отвратительный счастливый смех за этой дверью, но дальше воображение захлебывалось, мысль цепенела.

Будильник показывал уже час ночи. Такое позднее время и удивило и ободрило меня. Я встала, аккуратно обыкновенного сложила в портфель книги и тетради, надела форму, причесалась. Но когда потянулась за пальто, поняла, что выйти не могу. Хреновы все гнали самого. Слышно было, как поскрипывает под Гришкой стул в коридоре. Показаться им я не хотела ни за что. Нужно было ждать. Так же, как Гришка, я села на стул против двери и стала вспоминать дорогу. Вспомнила все.

До сих пор мне бывает удивительно это желание увидеть то, о чем подумать — то страшно. Если бы в тот момент мать моя вернулась, я бы, наверное, больше разочаровалась, чем обрадовалась. Может быть, неодолимым это желание становится тогда, когда удар пережит так глубоко и сильно, что пути к забвению нет и нужно уничтожить остатки надежды, которая теперь не помогает, а лишь бередит рану, не давая ей зарубцеваться в бесчувственный шрам.

Еще через час Хреновы затихли. На всякий случай подождала еще немного. Надела пальто, но тут вспомнила про санитарную сумку, проверила, на месте ли медикаменты. Собралась и тихо вышла.

Впервые шла я ночью по таким пустым улицам, но страшно не было до самого леса. А ничего не переживала, только усердно делала вид, будто иду в школу. Когда же настало время свернуть с освещенного фонарями шоссе на проселочную дорогу, меня ужаснуло, как она светла от снега и яркой зеленоватой луны. Мне захотелось обратно, но стоило оглянуться на фонари, как вспыхнула в глазах наша лампочка, увиделся чайник на полу, и страх обернулся решимостью и обидой. Этих чувств хватило на десяток шагов. Снег очень сильно скрипел, и было страшно, что меня так слышно. Я остановилась, приметила на пути высокую сосну, заткнула уши и что было сил побежала к дереву. Мне очень мешал портфель, висевший на большом пальце правой руки, но эта помеха отвлекала от страха. Как я и рассчитывала, за сосной начиналась тропинка с ветвистым сводом. Глушь тропинки защитила меня от луны. Тропинка была

живой и уютной, хотелось, чтобы она не кончалась. Я вдруг устала и отупела. И будто бы все, что было дома, мне только приснилось, и лес этот снится и пусть снится. Но скоро я стала зябнуть, и от холода мысли оживились. А вот и домишко мелькнул за кустом, темный, дремучий.

А вдруг их там нет! Вдруг она погуляла и вернулась. Я почувствовала себя маленьким ребенком, и мне захотелось к взрослому, и к ней, и даже к нему... Я бежала к дому и уже боялась, что увижу большой наружный замок.

Но не было замка! Над домом висела луна, не страшная, а обыкновенная. Крылечко подметено, а за стенами таилась жизнь. Мне стало совсем спокойно, я только задумалась, куда постучать, в дверь или в окно, и постучала в дверь. Негромко, вежливо. Жизнь внутри домика на мгновение еще больше затаилась, но скоро раздались шаги, и Он отчетливо спросил:

— Кто там?

— Это я, — сказала я так же отчетливо.

— Положди, сейчас открою.

Через некоторое время мне открыли. Она стояла рядом с ним. Оба в пальто, но в домашних тапочках. У него на лице — удивление и смущение, у нее — отчаяние и растерянность.

— Ты что не спишь? — спросила она.

— Я тебя иду. Пойдем домой.

— Вот это да-а! — протянул Илья Федорович как будто с восхищением. — Да вы что, девочки, пошли чай пить.

В доме было жарко и хорошо. Лампочка светилась сквозь оранжевый абажур с кистями, на печке мурлыкал чайник. Мы сели к столу, покрытому светло-зеленой клеенкой с большими красными розами. Илья Федорович разлил чай в желтые фаянсовые кружки, и мы пили его в пальто, молча и жадно. И так и заснула за столом.

А когда проснулась, вспомнила все, еще не раскрывая глаз, и так долго лежала, не шевелясь и зажмурившись от стыда и позора. С улицы доносились удары топора, но в доме было тихо. Я открыла глаза и поняла, что уже день, и почувствовала, что матери нигде рядом нет. Кинулась к окошку: в отдалении, возле сарая, спиной к дому Илья Федорович колот дрова. Надо было скорей бежать, скрываться. Одевалась я как попало, сумку санитарную надела просто на шею. Отыскала на печке пальто, не застегиваясь, пробралась к выходу. Топор все рубил. На щипочках спустилась с крыльца — и бежать.

Мне очень хотелось в школу! Мне казалось, что меня уже исключили оттуда за ночную, неположенную мне жизнь! Но пришла я рано: еще не кончилась первая смена. Время тянулось долго, а смысл жизни заключался в том, чтобы скорее начались уроки. Но лишь собралась ребята, прозвенел звонок и я села за парту, как завертели и захлестнули меня воспоминания. Все казалось, что я совершила страшное преступление. Я так подвела свою маму, так испортила ей что-то очень важное. Мне было невыносимо думать, как я пойду домой. Больше всего мне хотелось сказать ей: «Я буду терпеливо ждать и могу даже попросить прощения у Ильи Федоровича».

К концу последнего урока пришло решение идти на станцию встречать маму, чтобы сразу просить прощения. Ясность цели успокоила меня, и тут только я огляделась вокруг. Заметила, что санитарная сумка так и висит на шее, а фартука вовсе нет. А Зинаида Ефимовна что-то говорит и смотрит на меня. После слов «урок окончен» я первая рванулась в раздевалку.

Когда раз в полчас из Москвы приходила электричка, я стояла на страже у единственного спуска с платформы и вглядывалась в прохожих. Потом гуляла вдоль невысокой чугунной ограды с зубцами, которые от мороза сделались белесыми и напоминали кружевную сахарную вазу в комнате у Хреновых. На станции был и маленький вокзал, где, кажется, даже топилась печка. После третьего поезда я уже проводила время там и как-то само собой разглядывала людей, прислушивалась к разговорам. Вдруг мне послышались слова удивительно интересные. Я подвинулась поближе к двум теткам с узлами и с жадностью стала слушать. Разговор шел о колбасе и красной рыбе. Мне так хотелось есть, что интерес скоро превратился в мучение, и я вышла на улицу. От света фонарей заиндевелая ограда тускло, сахарно поблескивала и манила к себе. Я не только знала, но много раз пробовала, как липнут в мороз руки к металлу. Но ограда, казалось, была так хрупка, что должна была растаять от тепла, как леденец. Когда я уже склонилась к ней, чуть высунув язык, иллюзия рассеялась, но соблазн победил. Язык прилип, как магнит, намертво, и почудилось, что теперь он скорее оторвется от меня, чем от ограды. В следующее мгновение изо всех сил я оттолкнулась коленками и рухнула на платформу. Не успев осознать боль, увидела хлынувшую кровь и разревелась. Меня окружили, подняли. Я же рыдала все громче, но тут все же увидела, что электричка давно пришла, почти все вышли. Бросилась к ступенчатому спуску, чтобы не пропустить маму. Мелькнула мысль, что если она увидит меня сейчас, обязательно простит.

— Что это? Что случилось? — раздался надо мной спокойный, но чуть возвышенный голос. Теплая, сухая рука дотронулась до моего подбородка, а знакомое строгое лицо загородило от меня людей.

— А-а... А... а... — мычала я, все страшась закрыть рот.

— Так-так! — Лицо внимательно изучало меня и становилось все строже. — А где йод и бинт? Где твоя санитарная сумка?

Зинаида Ефимовна быстро разобралась в происшедшем, отвела меня в сторону, приказала закрыть рот и, оттирая кровь с моего лица снегом, дотыгивалась:

— Не уезжать ли собралась?

— Не-ет.

— Встречаешь маму?

— Угу, — всхлинула я от этого слова.

— Так. Покажи язык. Бояться нечего! Вот уж и зажило. А теперь пойдем домой. Ты свет забудь выключить.

Я упрямо мотнула головой.

— А вот уж спорить мы с тобой не станем.

Она взяла меня за руку и повела. Вedomое состояние оказалось желанным и блаженным. Мне хотелось рассказать Зинаиду Ефимовну совсем не то, что со мной произошло сегодня. Мне хотелось сказать, что я хочу быть маленькой, хочу, чтобы меня любили много людей и все время водили за руку. Но от жалости к себе я не могла говорить, а ревела в голос. Зинаида Ефимовна шла, не глядя на меня и не успокаивая. Ее профиль казался бы совсем каменным, если бы не трясся чаще, чем в классе.

Зинаида Ефимовна оставалась жить три недели. Она так много видела, чувствовала и понимала, что, быть может, знала все: и то, что мне никогда не хватит терпения в любви, и что число прожитых мною лет уже относительно и пора полагаться на разум, щадить который вредно, и что уберечь меня сейчас можно только от простуды.

ИСТОРИЯ

Наставница жизни

«Не может быть сознательным рабочим тот, кто относится, как Иван Непомнящий, к истории своего движения». Эти слова принадлежат Ленину. Они и сегодня актуальны. Более того, приобретают особое значение. В жизнь вступают все новые и новые поколения. Миллионы юношей и девушек связывают свое гражданское мужество с деятельностью Ленинского комсомола, который за шестьдесят пять с лишним лет накопил огромный разнообразный организаторский, политический и идеологический опыт работы. Юношество нуждается в развитии историзма мышления, в развитии способностей оценивать главное содержание истории своего Союза молодежи, тесно связанной с историей партии и социалистического Отечества.

Пытливость этого познания во многом зависит от характера трудов историков-специалистов. За последние годы ученые смогли заново прочесть не одну героическую страницу юношеского коммунистического движения в нашей стране, осмыслить его процессы. Защищено более 900 кандидатских и докторских диссертаций. Издан обширный труд по истории ВЛКСМ. В местных комсомольских организациях (республиканских, краевых, областных) вышло более 50 книг, в которых молодежь может почерпнуть знания о юношеском движении в своем крае. Издана масса документов, записей и воспоминаний ветеранов партии и комсомола.

Так сотысячным тиражом вышла книга «Твой союз» («Молодая гвардия»).

Перед нами популярная очерки по истории ВЛКСМ для молодежи, в создании которых приняли участие В.Юркин, В.Клюкин, Л.Козлов. Книга состоит из шести частей: «Истоки», «Становление», «Мужание», «Испытание», «Созидание», «Преданность». Название глав точно отражает содержание очерков. Каждый из них хорошо проиллюстрирован фотографиями, плакатами. В сочетании с текстом усиливается историческая достоверность, эмоциональность восприятия. Каждая часть — глава несет в себе хронологическую и хрестоматийную нагрузку. Читатель может познакомиться с ленинскими работами, документами партии и комсомола по вопросам юношеского движения, письмами и свидетельствами очевидцев событий, размышлениями современников...

Книга богата фактическим материалом. Без этого невозможно писать историю. Авторы ведут читателя от констатации фактов, от познания явлений, лежащих на поверхности, через раскрытие внутренней сущности, закономерности этих явлений к познанию исторической действительности во всем ее многообразии. В книге представлена разносторонняя деятельность партии большевиков среди трудящейся молодежи, подготовка ее к революционным боям, показана роль Ленина в выработке идеологических и организационных основ Союза молодежи, неустанная забота Коммунистической партии о развитии комсомола как своего боевого резерва и помощника в коммунистическом воспитании молодежи. От баррикад первой русской революции, Октябрьских дней 1917 года через суровые военные испытания и годы созидательного труда проходит славный путь борьбы за коммунизм, соединивший воедино наше прошлое, настоящее и будущее. Перед молодежью стоит задача огромной исторической важности — плечом к плечу со старшими, под руководством ленинской партии продолжить революцию, закрепить и развивать ее успехи, поднимать дело общенародной борьбы все выше и выше. Но нельзя успешно бороться, не опираясь на опыт старших поколений, не беря из него все то лучшее, что является оружием в строительстве нового мира, в острой схватке социализма с капитализмом. Этот опыт содержит в себе и история Ленинского комсомола. «Наставницей жизни» назвали историю древние мудрецы, настоятельно рекомендуя использовать уроки истории, ее заветы в жизни новых поколений.

История ВЛКСМ не только учит, но и воспитывает. Воспитывает на революционных, боевых и трудовых традициях, на примере замечательных, незабываемых дел поколений советской молодежи. В тесной связи поколений, в преемственности их социального творчества состоит историческое движение нашего народа к заветной цели. В этом главное содержание книги «Твой союз».

Владимир ЛУЦКИЙ

ПРОЗА

Под охраной доброты

«Теперь главным хищником в Арктике стал человек». Горькие слова английского писателя Ричарда Перри лишней раз напоминают о том, какие трагические последствия влечет за собой бездумное и бездушное вмешательство человека в природу.

Фраза эта вынесена в эпиграф книги Евгения Марысаева «Повесть о белой медведице» («Детская литература»). Интересна биография писателя: он работал буровиком в геологической экспедиции, плавал на рыболовецком траулере в Барен-

цевом море. В Карелии, Якутии, на острове Врангеля, не желая оставаться лишь сторонним наблюдателем, он жил и работал вместе со строителями, работниками рыбоохраны, учеными, с теми людьми, которые потом станут героями его книг.

Повести Марысаева обращены в первую очередь к юным. Его правдивый и простой рассказ о скитаниях белой медведицы, о нелегкой, суровой жизни полярников способен вызвать куда более сильный душевный отклик, чем самый закрученный сюжет с условными героями, совершающими невероятные подвиги.

Две небольшие повести, входящие в книгу — «Повесть о белой медведице» и «Пират», — поражают теплотой и искренней любовью, с которой писатель относится к своим героям.

У Марысаева люди, живущие на Севере, проверяются на стойкость и человечность не только мужеством и умением работать, не жалея сил, но и способностью любить «братьев наших меньших». Герой раскрывается предельно четко, в его отношении к бессловесным, часто беззащитным животным неожиданно проявляются те черты человеческого характера, которые не всегда заметны в общении людей между собой.

По-разному поступают люди в этой книге — кто-то может отобрать для забавы медвежонка у медведицы, не задумываясь о возможной трагедии, или малодушно отказаться от преданного пса, оставить его на произвол судьбы.

Евгений Марысаев предостерегает от жестокости и бездушия там, где нужны любовь и чувство ответственности. Беречь нужно, призывает он, не только экзотического северного медведя, но и тех животных, что живут рядом с нами.

Написать такую правдивую и такую добрую книгу мог лишь человек, сам отдавший немало сил охране животного мира.

Лиана МИНАСЯН,
участница
Литературно-критической
мастерской «Смены»

ИСКУССТВО

Тот уголок земли

«Вряд ли есть еще место в нашей стране, которое бы так притягивало к себе людей, жаждущих встречи с Пушкиным. И зимой, когда в Михайловском сурово, мороз и снег, и весной, когда всюду вода, сплошное половодье, и летом, когда здесь, по выражению поэта, рай земной, не говоря уже об осени, этом великом художнике природы, одевающем русский пейзаж во все цвета радуги. Сюда идут, отовсюду идут, идут паломники...» — этими словами Семена Степановича Гейченко, хранителя и «добраго домового» бесценного пушкинского музея-заповедника, и открывает-

ся книга «Музей-заповедник А. С. Пушкина» («Планета»). В ней мало слов, хотя все они проникнуты не только глубоким знанием предмета, но и высочайшей любовью. В ней есть стихи. Это лишь часть из того, что было написано Александром Сергеевичем в разные годы в Михайловском, — «Деревня», «19 октября», «Зимний вечер», «Чадаеву»... В ней много фотографий. Перелистывая страницы, ты не только погружаешься в тот предметный и ландшафтный мир, окружающий поэта, а словно проникаешь в самую суть, самую подоплеку рождения неповторимых пушкинских строк, пушкинских образов. На памятной встрече с телезрителями С.Гейченко говорил, что сами произведения поэта послужили той канвой, по которой крупица за крупичкой восстанавливался уничтоженный фашистами дотла памятник не только русской, но и мировой культуры.

Книга, о которой здесь идет речь, носит на первый взгляд прозаический подзаголовок — «Фотопутеводитель». Однако смело можно утверждать, что содержание книги никак не укладывается в чисто утилитарные рамки. Одухотворенность, наполненность поэзией пушкинских уголков тонко подчеркнуты и переданы фотоснимком. Особо хочется сказать об авторах этого фотоальбома в миниатюре. Содружество фотографа и художника Е.Кассина и Г.Расторгуева распространяется не только на съемку и макетирование книги. Этими же авторами разработана вся фотолитературная композиция альбома, начиная от конкретного графического решения страницы, разворта вплоть до подбора произведений поэта. Творческое содружество известного прежде всего своими лирическими работами фотомастера и опытного художника-книжника в фотопутеводителе «Музей-заповедник А. С. Пушкина» проявилось не впервые. Широко известность получили их альбомы, посвященные Л.Толстому и С.Есенину, их же «фотопушкиниана».

Несколько слов хочется сказать и о серии фотопутеводителей, выпуск которой начал издательством «Планета». В малой полиграфической форме скрыты широкие возможности. Путеводители, посвященные памятным местам страны, отдельным городам и регионам, становятся желаемой и неотъемлемой частью наших библиотек.

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

ПУБЛИЦИСТИКА

Нужное слово

Свою новую книгу очерков Анна Харитонова назвала «Светлое имя — мать» («Советская Россия»). Исколесив всю страну, проявив свойственную ей неуемность в поисках новых героев, Анна Харитонова встретила многих замечательных женщин-матерей и создала 25 их литера-

турных портретов. Нужна была не только большая творческая смелость, но и горячее, любящее сердце, чтобы коснуться темы величайшего значения. «Вся гордость мира от матерей, — писал Алексей Максимович Горький, — без матери нет ни поэта, ни героя». Грудью матери вскормлен весь мир, и все прекрасное в человеке — от лучшей солнца и от ласки матери». Смысл горьковских слов раскрывается в очерках, производящих на читателей большое впечатление своей достоверностью: у каждой героини есть свой адрес, своя профессия, свой дом. В саратовском селе встречается Пелагею Ивановну Аларину, мать шестнадцати детей, знакомится с ковровщицей из Дагестана Джамият Раджабовой, рязанской дояркой Раисой Секачевой — в каждом портрете черты советского характера, умение строить крепкую семью.

Анна Харитонова важно показать не исключительность ее героинь, а скорее их типичный для советского общества характер. И в этом убеждает встреча с белорусским агрономом Анной Шевчурко, трактористкой Камшат Доненбаевой, известным на всю Горьковскую область лекарем Фаиной Парфеновой или крымским виноградарем Марией Князевой. Все они умные и добрые женщины, сумевшие воспитать в своих детях любовь к Родине, к труду, к семье.

Настоящая мать сама дает пример детям, вызывает у них чувство любви и уважения, желание подражать ей, трудиться, как она, и быть, как она, честной и смелой в борьбе с невзгодами. Но все эти высокие качества могут быть у женщины, живущей полнокровной общественной жизнью, для которой дом, семья органически входят в окружающую жизнь завода или колхоза, стройки или научной организации. В каждом из 25 очерков, вошедших в книгу, видим матерей, не замкнувшихся в кругу своей семьи, а живущих полнокровной трудовой, общественной жизнью: трактористка Камшат Доненбаева — Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР; депутат Верховного Совета Дагестанской АССР является Джамият Раджабова, все героини очерков — рачительные труженицы, не мыслящие свою жизнь без общественных дел и забот.

Книгу очерков «Светлое имя — мать» открывает вступительная статья лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда Расула Гамзатова, убежденного, что преклонение перед матерью, чувство глубочайшего уважения к ней мы должны воспитывать в молодом поколении со всей страстью и всеми видами искусства, всеми жанрами литературного творчества. «И я приветствую, — отмечает Расул Гамзатов, — душевную неуемность автора книги, объездившей едва ли не всю страну с единой, но прекрасной целью: восславить женщину-мать».

Читатели, уверен, согласятся с авторитетным мнением народного поэта: «Книга «Светлое имя — мать» — доброе, уважительное слово не только в адрес тех, кого мы узнаем со страниц поименно, но и всех, кого мы зовем этим действительно светлым именем».

Евгений РЯБЧИКОВ

ПОСТОРОННИМ

Размышления о том,
что сегодня
предлагает
молодым
рабочий
клуб

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

ВХОД

ВОСПРЕЩЕН ?

Прекрасный был вечер и потому запомнился. Неспешный сбор гостей, непременно в таких случаях фотографирование на память, хорошо отрежиссированная торжественная часть с чествованием передовиков и ветеранов производства, концерт, который включал номера едва ли не всех известных сценических жанров, дружеское скромное застолье в кафе, танцы, конкурсы. Один из цехов Орловского сталепрокатного завода имени 50-летия Октября праздновал свой юбилей во Дворце культуры предприятия. Атмосфера на вечеру царилла самая теплая, почти домаш-

няя, все были свои, давно знали друг друга и искренне радовались, собравшись вместе в праздничной обстановке. К тому же в своем рабочем дворце.

Вечера, подобные этому, вошли в практику «Металлурга» давно, но, конечно же, не только они принесли известность дворцу как одному из крупнейших в городе центров культуры. Здесь гордятся многочисленными творческими коллективами, с чьим искусством знакомы не только жители Орла, но и столицы и даже английские зрители. Народная хоровая капелла, мужской хор, народный хор русской песни, ансамбль танца, духовой оркестр, трио «Наигрыш» и другие коллективы

не раз становились победителями крупнейших конкурсов и смотров. Дипломов и грамот, свидетельствующих о достижениях самодеятельных групп «Металлурга», хватило бы для большой экспозиции. Причем нужно учесть, что свой творческий авторитет Дворец культуры приобрел в довольно сжатый срок, ведь от роду ему всего несколько лет.

В организации работы почти шестидесяти кружков, любительских объединений, самодеятельных коллективов дворца есть немало поучительного. Фотосъемка в какой-то мере дает представление о многогранной его жизни. Если бы мы ставили перед собой цель рассказать об энтузиастах клубной работы, то

и в «Металлурге» мы нашли бы их немало, начиная с его директора Лилии Ивановны Афанасьевой и кончая недавно пришедшим во дворец руководителем ансамбля современного эстрадного танца «Ритм» Олегом Гордеевым.

Мы же хотим поговорить о клубе как об инициативном объединении людей. Потому что сегодня оценивать работу клуба только количеством кружков и мероприятий — значит закрывать глаза на множество проблем, встающих перед отраслью, ответственной за организацию досуга людей. И в частности

В ГОСТЯХ У «СУДАРУШКИ».

СЧАСТЬЯ ВАМ, МОЛОДЫЕ!

дежурный в фойе, пожилая respectable дама, и указала на дверь двум молодым людям, зашедшим, как говорится, попросту на огонек. Как позже выяснилось, работающим на сталепрокатном. Вот и получилось, что дворец **работал**, но те, для кого он был построен, оказались в нем лишними.

Не хотим упрекать в этом недоразумении администрацию «Металлурга», ибо убеждены, что большинство дежурных по фойе большинства действующих клубов и дворцов культуры в аналогичной ситуации поступили бы точно так же. Потому что открывать двери **для всех** пока не в практике учреждений культуры. Это представляется делом хлопотным, рискованным. «Посторонние могут порезать мебель, насорить, отвинтить краны в умывальнике, да мало ли что...» — заявил нам один из клубных работников. Могут, конечно. Но главная причина, на наш взгляд, в ином.

Предположим, что молодых сталепрокатчиков беспрепятственно пропустили во дворец. Что бы они там делали? Ну, поприсутствовали бы на репетиции народного хора или малышей танцевальной группы, ну, погуляли бы по пустым залам, а дальше? Что могло бы удержать их во дворце? Интересное дело, атмосфера доброжелательства, возможность реализовать свои духовные запросы, уютная, располагающая к общению со своими сверстниками обстановка? Не знаем, но в тот вечер, как и в другие, Дворец культуры не мог предложить этого своим гостям. В лучшем случае руководитель народной хоровой академической капеллы Валентина Васильевна Гончарова попросила бы случайных посетителей взять две-три ноты, чтобы проверить наличие вокальных способностей. Не обнаружив их, она пожалала бы плечами и потеряла к новичкам профессиональный интерес.

МУЖСКОЙ РАЗГОВОР.

молодежи. Вернее, в особенности молодежи, ибо молодежь, увы, как это ни странно, сегодня с меньшей, чем другие возрастные категории, охотой посещает клубы. Во всяком случае, так это в Орле.

Может быть, все дело в формах работы? Но сначала о самом Дворце культуры.

Денег на него не пожалели. Проект был выбран не из дешевых, немало стоили и перепланировка, дополнительные элементы внутреннего интерьера, улучшенная отделка, паркет вместо линолеума, а также мрамор, лепные панно и прочее. Идеально было выбрано и место для «Металлурга» — в центре крупного жилого массива, населенного преимущественно работниками сталепрокатного. Дворец, что называется, полностью вписался в социальную структуру микрорайона. Он и поныне там единственный очаг культуры. Так что по логике вещей под его сводами должны были сосредоточиться духовные, интеллектуальные, профессиональные интересы тысяч людей.

Известно, что любое дело начинается с энтузиастов. Энтузиасты создают вокруг себя своего рода «зону увлеченности», в которую попадают другие. В клубном деле действует тот же закон: если во главе кружка, коллектива художественной самодеятельности, любительского объединения встанет энтузиаст — можно быть уверенным, что кружки и коллективы будут жить. Но надо уметь искать таких энтузиастов.

Нашему дворцу в этом смысле повезло: первый его директор Борис Андреевич Лаврентьев, хороший организатор, к тому же

НАЕДИНЕ С МЕЛОДИЕЙ.

КОМПОЗИЦИЯ.

МОДЕЛИ СЕЗОНА И ПЕРВЫЕ ИХ ЦЕНИТЕЛИ.

наделенный немалыми исполнительскими талантами, умел находить единомышленников. Довольно быстро при «Металлурге» были созданы драматический, танцевальный, хоровые коллективы: Дирекция, профком завода во всем шли навстречу — средства на костюмы и декорации выделялись щедро, самодеятельным артистам предоставляли время для репетиций. Словом, пестовали их, как могли.

Есть у «Металлурга» и свои вокально-инструментальные ансамбли, студия пантомимы, работают во дворце кружки кройки и шитья, художественного вязания, макраме. Это для взрослых. Немалая забота проявляется здесь и о детях: в залах и комнатах «Металлурга» занимается их чуть ли не вдвое больше, чем взрослых, — в образцовой детской хореографической студии, хоре, духовом оркестре, ансамбле современного танца, шахматном кружке и так далее. Что ж, и это понятно — микрорайон сталепрокатчиков молодой, развивающийся, дети, как говорится, свои. И все-таки оснований для особенного оптимизма нет.

В тот вечер во Дворце культуры мероприятий не было. Но даже если бы и были, то вход на них по пригласительным билетам. На репетиции народного хора или драматического коллектива пускать посторонних не в правилах, на занятиях кружка художественного вязания им тем более делать нечего. Поэтому

И получается, что если кому-то природа не дала хореографического или какого-либо другого сценического таланта или если кто-то просто не хочет петь, танцевать, участвовать в театральном действе, то Дворец культуры, клуб не для них. И здесь встает справедливый вопрос: не слишком ли мы расточительны, тратя миллионные суммы на создание этакого храма самодеятельных искусств? Храма, в котором подлинными хозяевами чувствуют себя лишь те, чьи человеческие устремления совпадают с творческими и производственными концепциями руководства клубов?

Слов нет, нужны хоры и танцевальные ансамбли, драматические студии и кружки макраме. Но вправе ли мы ограничивать функциональные возможности Дворца культуры в организации свободного времени людей?

Нехитрые подсчеты показывают, что число взрослых постоянных посетителей «Металлурга» не превышает 600 человек. Причем ядро клубной самодеятельности — это люди, кому уже за тридцать. Но, да простится нам такая аналогия, это люди уже устойчивых нравственных позиций, семейные. Даже по каким-то причинам сорванная репетиция не заставит их разбавлять вечер сомнительного качества портвейном в сквере. Молодежь, вернее, определенная ее часть, гораздо легче поддается искушению, не найдя занятия по душе. Так можно ли планировать работу клуба так, как это делалось десять, двадцать, тридцать лет назад, когда кружок современного танца считался новаторством и желающие в него попасть записывались в очередь?

Теперь, увы, не записываются. Как говорится, у каждого поколения свои песни. Давайте смотреть правде в глаза: привлечь молодежь в клуб можно не стандартными кружками и назойливо повторяющимися из года в год мероприятиями, а новыми формами отдыха, свободными от традиционной заорганизованности. Какими? Надо подумать.

Пока же складывается такое ощущение, будто Дворец культуры живет своей жизнью, а микрорайон — своей. Дворец перевыполняет финансовый план по линии кинопроката, его самодеятельные коллективы привозят диплом за дипломом с престижных конкурсов, делегации, приезжающие полюбоваться рабочим клубом, справедливо восторгаются. А тем временем число правонарушителей среди молодежи в микрорайоне не сокращается, скорее наоборот. Далеки от финансового краха и винные отделы близлежащих ресторанов.

Кто-то усомнится в уместности подобных параллелей. Но ведь в жизни все взаимосвязано. Не хотим брать под защиту правонарушителей, в конце концов они люди взрослые, и, какова бы ни была причина, толкнувшая их на пьянку, за следствие ее они несут ответственность в полной мере. Впрочем, молодые люди заполняют вакуум бездуховности не всегда однозначно.

Знакомая с работой комитета комсомола сталепрокатного завода, мы обнаружили в списке из протокола заседания бюро ВЛКСМ одного из цехов. В ней шла речь о проступке комсомолки шлифовщицы Нины Ш., обвинявшейся в церкви. Вместе с секретарем комитета комсомола Борисом Козеевым разыскали Нину в цехе. Оказалось, что на заводе она недавно, до последнего времени жила в общежитии, работа ей нравится, проступок свой осознает. «Ну, а все-таки зачем понадобилось венчаться в церкви тебе, комсомолке?» «Понимаете, хотелось чего-нибудь такого, красивого, запоминающегося, а то живем-живем, а дни, как капелюшки воды, один на другой похожи». Мы выяснили, что за четыре месяца в городе и на заводе Нине не удалось подружиться ни с кем из девушек, что во Дворце культуры она была всего один раз, когда «показывали какой-то детектив».

Уже позже, разговаривая с Козеевым, мы заинтересовались, не навел ли случай с Ниной членов комитета на размышления о том, как сделать досуг заводской молодежи более содержательным. Оказалось, что нет, не навел. Но не может такого быть, чтобы заводской комсомол пренебрегал в воспитательной работе столь мощным активом, как собственный Дворец культуры. Не пренебрегает. По торжественным дням, когда грядет очередная юбилей или в планах комитета вызрела идея провести молодежный вечер отдыха. К каждому такому событию готовятся заблаговременно, и вечера во многом благодаря коллективу дворца проходят на уровне.

А в промежутках между ними? Ничего, пусто. И тем не менее считается, что в плане организации досуга молодежи все обстоит благополучно.

Директор «Металлурга» Лилия Ивановна Афанасьева, заведующая молодежным отделом дворца Майя Павловна Назарова не смогли припомнить ни одного случая, чтобы заводской комитет ВЛКСМ выдвинул какую-то долговременную идею. А ведь сама жизнь подсказывала направление поиска этих идей.

Было такое в практике дворца — слеты бригадиров. На них приглашались директор завода, представители партийных, профсоюзных, комсомольских органов. Микрофоны устанавливались на сцене и в зале. Протокол соблюдался только в первые полчаса. Каждый мог рассказать не только о достижениях, но и поделиться наиболее важным вопросом администрации, предложить какую-то идею. В зале не было пассивных слушателей, все было равноправными участниками диалога. Директор сталепрокатного завода Николай Иванович Черненко признался как-то, что встречи с бригадирами в такой вот раскованной обстановке лично ему дают много: на них рождаются новые идеи организации производства, они помогают администрации понять настроения людей. Что ж, это лишний довод в пользу подобных встреч.

Почему, скажем, не создать при «Металлурге» постоянно действующие клубы молодых специалистов, бригадиров, молодых рабочих? Ведь, согласитесь, мы просто обожаем поговорить о работе после нее. Есть же в Ленинграде клуб бухгалтеров, где представители этой, казалось бы, отнюдь не романтической профессии находят темы для общения уже много лет. А ведь нам всем катастрофически не хватает именно такого неформального общения. Много ли мы знаем друг о друге помимо производственных качеств?

А что такое, в сущности, клуб или Дворец культуры? Стены, залы, холлы? Да, конечно. Но одушевляет их прежде всего содружество людей, объединенных общими интересами, увлечениями, взаимным стремлением к общению, личными симпатиями. В стенах клуба этих людей можно связывать и любовь к поэзии, и к филателии, и к танцевальному искусству. Но не только.

Разве в такой же мере людей не связывают труд, общие цели, проблемы? Мы ныне говорим о любительских объединениях, вкладывая в это понятие, как правило, то, что лежит за пределами основной профессии, иначе говоря, в области увлечений. Но, как утверждают социологи, ярко выраженное хобби есть только у одного из десяти человек, сценический талант — примерно у одного из двадцати пяти. Потребность же в общении — у девяноста из ста. А сколько людей увлечены только своей работой! Так почему бы не создавать возможности для их общения и отдыха под крышей клуба?

Мы живем в эпоху числовых оценок и точных измерений. В одном из цехов сталепрокатного завода надпись на стенде гласит: «Одна минута простоя канатного участка — недооцененная государству продукция на сумму 106 рублей». Но считал ли кто-нибудь сумму производственных потерь, в которые оборачиваются пустующие клубы?

Несколько десятков миллионов клубных мест в нашей стране пустуют три-четыре дня из семи. В «Металлурге» та же картина. Но ведь они могли бы «работать». Люди, по вечерам заполняющие залы клубов, не просто проводят время, они освобождаются от стрессов, последствия которых в той или иной мере ощущаем все мы, приобретают новые впечатления. Это помогает сохранять рабочий тонус в последующие дни.

По утверждению экономиста Н. Грудзевой, проводившей исследования на предприятиях Костромы, разница в выполнении норм выработки в первые дни недели у отдохнувших накануне и неотдохнувших работников доходит до 17 процентов. Представляете, какие колоссальные экономические резервы заложены в правильной организации отдыха!

Наконец, еще один, возрастной аспект проблемы. На лекцию о правовом воспитании молодежь собирается менее охотно, чем на дискотеку. Значит, надо найти золотую середину, полезное совмещать с приятным. Почему в «Металлурге» нашлось помещение для занятий 19 хореографических групп (!) и не нашлось для, скажем, любительского объединения домашних мастеров-самоучек, или

фотографов, или механиков-любителей?

Мы реалисты и отдаем себе отчет в том, что из 600 детей, занимающихся в «Металлурге» хореографией, на профессиональную сцену попадут единицы. Большинство станут рабочими или инженерами. Тогда почему же кружки юных техников ютятся в тесноте, в подвале? И так не только в «Металлурге».

Справедливости ради надо сказать, что работниками «Металлурга» найдена близкая к идеалу организационная форма для одного из любительских объединений, не потребовавшего никаких особых затрат и помещений. Это женский клуб «Сударушка», который с успехом действует уже четыре года. Руководит, вернее, направляет работу «Сударушки» заведующая культурно-массовым отделом дворца Тамил Иванова Стриженко, человек богатой фантазии и неистощимого темперамента.

Родилась «Сударушка» как одна из многочисленных страничек очередного торжественного мероприятия. Но именно эта страничка, собравшая в одном из залов дворца женщин сталепрокатного, представлявших все производство и цеха, стала главным событием вечера. И все поняли: надо идти дальше. Начали с взаимного представления, договорились поочередно брать на себя роль хозяйки клуба. Давно знакомые люди открывались как бы заново. Они потчевали друг друга домашними пирогами, демонстрировали умение рукодельничать, готовить маринады, обсуждали производственные проблемы. Стриженко не скрывала, что поначалу членам клуба не хватало культуры общения и приходилось этому учиться. Но желание людей обрести новых друзей, найти ответы на многие давно интересующие их вопросы, стремление расширить свой кругозор помогло преодолеть естественную робость и так называемую коммуникабельность.

У Тамилы Ивановны появились сподвижники. С каждым разом гостями «Сударушки» оказывалось все больше людей. Расширилась программа клуба. В практику вошли творческие семейные вечера, когда, например, молодые муж и жена, работающие на заводе, рассказывали о том, как они распоряжаются семейным бюджетом, строят отношения со своими родителями, воспитывают детей. На заседаниях «Сударушки» говорили об эстетике, истории римского права, рациональном питании, секретах косметики, обсуждали достоинства многосерийных телевизионных фильмов, очередного поэтического сборника, проблемы научной организации труда станочниц... А ведь наверняка у представителей сильного пола, работающих на заводе, и особенно у молодежи, нашлось бы немало своих тем для обсуждения, как и вообще точек соприкосновения.

Кроме субъективных причин, объясняющих процветание под крышей дворца традиционных клубных форм, есть причины объективные. Одна из них, на наш взгляд, заключена в несовершенстве оценки работы учреждений культуры, выражаемой в баллах или так называемых единицах и определяющей категорию того или иного клубного учреждения, а стало быть, и зарплату его сотрудников.

Так вот, первый показатель, по которому начисляются эти самые баллы, — количество посетителей в клубе за год. Здесь учитывается каждый человек, переступающий порог клуба в течение года. Цифра эта, конечно, весьма условна, но она дает «Металлургу», располагающему такими мощными площадями, как танцзал, кинозал и концертный зал, сразу 192 балла.

Следующий показатель — количество народных университетов и народных коллективов художественной самодеятельности. Наличие каждого из них приносит по 10 баллов. 7 университетов и 4 народных коллектива приносит еще 110 баллов. Затем начисляется по 4 балла за каждые 25 участников художественной самодеятельности и клубных любительских объединений. Заметим, что только те самые 19 хореографических групп дают почти сто баллов и около двухсот остальные. Более скромно оценивается шефство дворца над красными уголками. В чем оно выражается — не имеет значения, но за каждый подшефный красный уголок прибавляется по одному баллу. Это еще 20. И наконец, весьма щедро начисляются баллы за посадочные места (заметьте, пустые) в зрительных залах: по 10 за каждые 100 кресел. А в «Металлурге» их 1200. Вот и еще 120 баллов. Итого 835

баллов. Достаточно, чтобы дворец получил самую высокую категорию.

Теперь рассудите, что может существенно прибавить к этому балансу какой-то лишний кружок или даже целая ассоциация, ведь оценивается не качество работы, а количество кресел, посетителей, число коллективов, носящих звание народных. Никогда не получит тех же 10 баллов кружок модельстов-конструкторов или «Сударушка», зато один, даже закрытый на ремонт зрительный зал даст 100 полновесных очков.

Возникает вопрос: не пора ли пересмотреть систему оценок работы клубов, сделать ее более гибкой, дифференцированной, наконец, творческой. Возможно, это будет стимулировать развитие новых форм организации досуга, приблизит клубы к массам, сделает их по-настоящему вседоступными.

Здесь можно было бы поставить точку. Но не давала покоя мысль: решаемы ли в принципе проблемы, о которых говорилось выше. «Да, — сказали нам сведущие люди, — поезжайте в Новгород и зайдите в «Полимер». Мы так и сделали. «Полимером» оказался клуб производственного объединения «Азот», размещенный в приспособленном помещении, которое вообще-то первоначально планировалось отдать под шашлычную. Так что, конечно, новгородский «Полимер» сильно проигрывал «Металлургу» в архитектуре и соответственно во внутренней отделке. Много уступал он орловскому дворцу и в тех самых баллах, определяющих престиж клубного учреждения сегодня. Потому что нет у «Полимера» ни зрительных залов, ни даже специальных комнат для кружковой работы. И штат клуба во много раз меньше, чем у «Металлурга». Но в «Полимере» не унывают. И работают с оптимизмом, преодолевая естественные трудности.

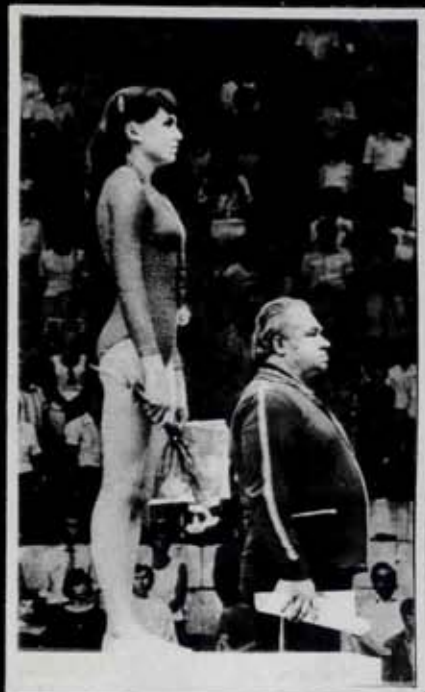
Там были несказанно рады, отыскав для репетиций своего молодежного сатирического театра подвал в соседнем доме. Впрочем, МОСТ, так называется этот коллектив, состоящий из молодых специалистов «Азота», ухитряется обсуждать в том же подвале проблемы химического анализа и степень прочности новых стальных конструкций. О популярности МОСТА говорит и то, что самые большие залы города не в состоянии принять всех желающих попасть на спектакли театра.

Единственное помещение «Полимера» — зал, вмещающий от силы 150 человек, работает с учетверенной нагрузкой. Там проводятся дискотеки, занимаются танцоры, отчитываются цеховые коллективы художественной самодеятельности, организуются капустники, поэтические диспуты, технические конкурсы, заседания любительских объединений международников, гурманов, меломанов, краеведов и других. Тихо в «Полимере» не бывает никогда. Если не репетирует ВИА, то соревнуются в скорости передачи текста члены кружка радиотелеграфистов, если молчат и они, то работает швейная машинка клубного художника-модельера и костюмерши Нины Варнавиной.

Никаких вахтеров (правда, и никакой особенно мебели) трихиды, смотри, пробуй свои таланты, а то и просто грейся, если найдешь свободный уголок. Директор «Полимера» Галина Сергеева к этому относится философски: «Какой же мы клуб, если будем спрашивать, зачем человек к нам пришел?! Раз пришел, значит, ему интересно, чем мы здесь занимаемся. Стало быть, с этим человеком можно работать, и, адаптировавшись в клубе, он обязательно выберет дело по душе». Такое дело выбрали для себя уже более двух тысяч человек.

Рассказывая о «Полимере», мы вовсе не противопоставляем его Дворцу культуры «Металлурга». Это было бы попросту несправедливо по отношению к последнему. Ведь у орловцев есть свои удачи, и мы не рассказали о многих из них только потому, что пытались сосредоточить внимание на проблемах.

Пример «Полимера» лишь подтверждает старую истину: ищите — и найдете. Не упоая на спасительные баллы за кино- и танцзалы, не довольствуясь опробованными формами работы, этот пока маленький физически, но могучий по духовному воздействию клуб пытается найти творческое лицо, свои организующие начала. Будет у «Азота» новый Дворец культуры, он уже строится. Мы убеждены, что лицо «Полимера» в новых стенах сохранится и приобретет новые, присущие только ему черты...

не хотели отпускать меня за тридевять земель, в незнакомый огромный город. Но Галина Александровна их уговорила. В Ростове мне помогли устроиться в интернат.

Эту школу основал Владислав Степанович Растороцкий. Бывший помощник паровозного машиниста со станции Лиски (ныне Георгию-Деж) под Воронежем, он занимался боксом, легкой и тяжелой атлетикой. Имел спортивные разряды, в прыжках с шестом был даже чемпионом области. Но более всего мечтал выполнить мастерский норматив по гимнастике — считал, что именно она дает самое разностороннее развитие. Ради осуществления мечты Растороцкий спал лишь по четыре часа в сутки, совмещал тренировки с учебой в ремесленном училище, работой, занятиями в вечерней школе.

Сегодня в ростовской школе занимаются 260 гимнасток. Самым маленьким по пять-шесть лет, старшие уже студентки. Двери школы открыты для всех, а не только для самых

КАЖДАЯ ПОБЕДА Н. ЮРЧЕНКО — ЭТО И ПОБЕДА ЕЕ ТРЕНЕРА В. РАСТОРОЦКОГО.

ступлениях Натальи Юрченко оба поэтических начала — движения и труд, создать неповторимую, искрометную гимнастику, которая поможет его ученице взойти на высшие ступеньки мирового и олимпийского пьедесталов.

В Кубке мира-82 Наталья разделила победу с абсолютной мировой чемпионкой Ольгой Бичеровой. Все ждали от нее успеха и на весеннем чемпионате Европы 1983 года в Швеции...

— И Людмилу Турищеву и меня Владислав Степанович приучил смотреть во время состязаний только на него, — объясняет Наташа. — Перед подходом к снаряду встретишься глазами с тренером — и сразу почувствуешь его поддержку, успокоишься... А тут перед выступлением на брусьях я не нашла Растороцкого на привычном месте. Ну, думаю, что-то серьезное произошло. Разнервничалась и сорвалась... Потом выяснилось: тренера возмутила чересчур низкая оценка за прыжок, он помчался подавать протест, его отклонили, и тогда Владислав Степанович на минутку выбежал в вестибюль охладиться. После этого происшествия мы договорились: что бы ни случилось, мы не должны

еще одна «десятка» за последний вид — вольные упражнения — такими были неотразимые аргументы Натальи Юрченко в борьбе за абсолютное мировое первенство.

В последний день чемпионата Наташа получила тяжелую травму. Почти полгода не тренировалась и потому к соревнованиям «Дружба-84» подошла не в лучшей форме. Ученице Растороцкого пришлось там труднее всех, но она боролась до конца и получила две золотые медали — за победу в командном первенстве и за опорный прыжок. А главной героиней этих крупнейших состязаний стала 15-летняя москвичка Ольга Мостепанова. Она выиграла абсолютное первенство и три золотые награды на отдельных снарядах. После окончания соревнований старший тренер сборной СССР Андрей Радионенко сказал журналистам: «У нас в сборной сейчас два лидера — Юрченко и Мостепанова. Я сознательно ставлю на первое место Наташу, хотя она и не вошла в тройку призеров и в многоборье. Юрченко совершила здесь настоящий спортивный подвиг, проявила несгибаемый характер. Она настоящий капитан!»

КАПИТАН

Фото
Владимира
САФРОНОВА

Сергей ШАЧИН

Первой Наташу заметила Турищева. Подошла как-то к Растороцкому и сказала: «Владислав Степанович, вон там, на матах, разминается девчужка. Я давно к ней присматриваюсь, есть в ней что-то...»

Выступление капитана сборной СССР Натальи Юрченко на прошлогоднем чемпионате мира в Будапеште подтвердило: права оказалась Турищева, распознав восемь лет назад в юной гимнастке свою будущую преемницу. В упорнейшей борьбе Юрченко не дрогнула ни разу. Сначала вместе с подругами по сборной отпраздновала общую победу, а потом стала абсолютной чемпионкой.

— Я родилась и до десяти лет росла в Норильске. Родители и сейчас там живут. Папа — начальник отдела на медеплавильном заводе, мама — старший бухгалтер на железной дороге. Она и записала меня в секцию к тренеру Галине Александровне Хасановой. После долгой полярной ночи мы с тренером поехали отдыхать на Черное море. Рядом оказался летний тренировочный лагерь гимнасток из знаменитой ростовской школы. Галина Александровна предложила пойти к ним в гости — хотела показать меня самому Растороцкому. Но его в лагере не оказалось. Зато другие тренеры сказали, что из меня может выйти толк. Я загорелась: как бы перебраться в Ростов, где растут олимпийских чемпионок? Родители

одаренных девочек. Владислав Степанович убежден, что главная задача любого спортивного педагога — помочь окрепнуть духом и телом каждому ребенку.

— Сейчас у нас тренируются гимнастки не только из Ростова, — рассказывает Наташа. — А когда ты живешь в чужом городе одна, без родителей, тренер становится для тебя самым главным и близким человеком. И Владислав Степанович это прекрасно понимает. Он старается создать в школе уютную, домашнюю обстановку. Мы чувствуем себя большой и дружной семьей. Часто сидим за самоваром у Владислава Степановича дома. Он собрал библиотеку — примерно три тысячи томов — и отдал ее в наше распоряжение.

Наташа — студентка третьего курса Ростовского педагогического института. Мечтает, получив диплом, остаться тренером в ростовской школе, которая за восемь лет стала для нее родной.

А тогда, в 1975-м, когда будущая чемпионка впервые переступила ее порог, у Растороцкого тренировалась Наталья Шапошникова. Спортсменка редкой природной одаренности, она как ни одна из остальных его учениц понимала прекрасную поэзию движений, но не всегда принимала суровую поэзию труда. Прошло время, и выяснилось, что в выразительности, артистизме Юрченко почти не уступает Шапошниковой. Вот тогда-то и задумал Растороцкий объединить в вы-

во время состязаний разлучаться.

Перед каждым выходом на помост Владислав Степанович напутствует: «Забудь о том, как ты только что выступала. Считай, будто соревнования начинаются сначала». Понимаете, настоящая спортсменка ни на секунду не должна расслабляться. Нужно постоянно подтверждать свой класс. А тут к последнему виду многоборья я чуть-чуть устала. Тренер был очень недоволен. А для меня он главный судья.

— Впереди мировой чемпионат в Будапеште, — сказал я тогда. — Мы будем ждать от вас только победы.

— Ну что ж, — улыбнулась Наташа. — Придется победить!

И она победила. Высшая оценка — «десятка» — за опорный прыжок в самом начале личных состязаний и

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЕЗД

Юрий ОСИПОВ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

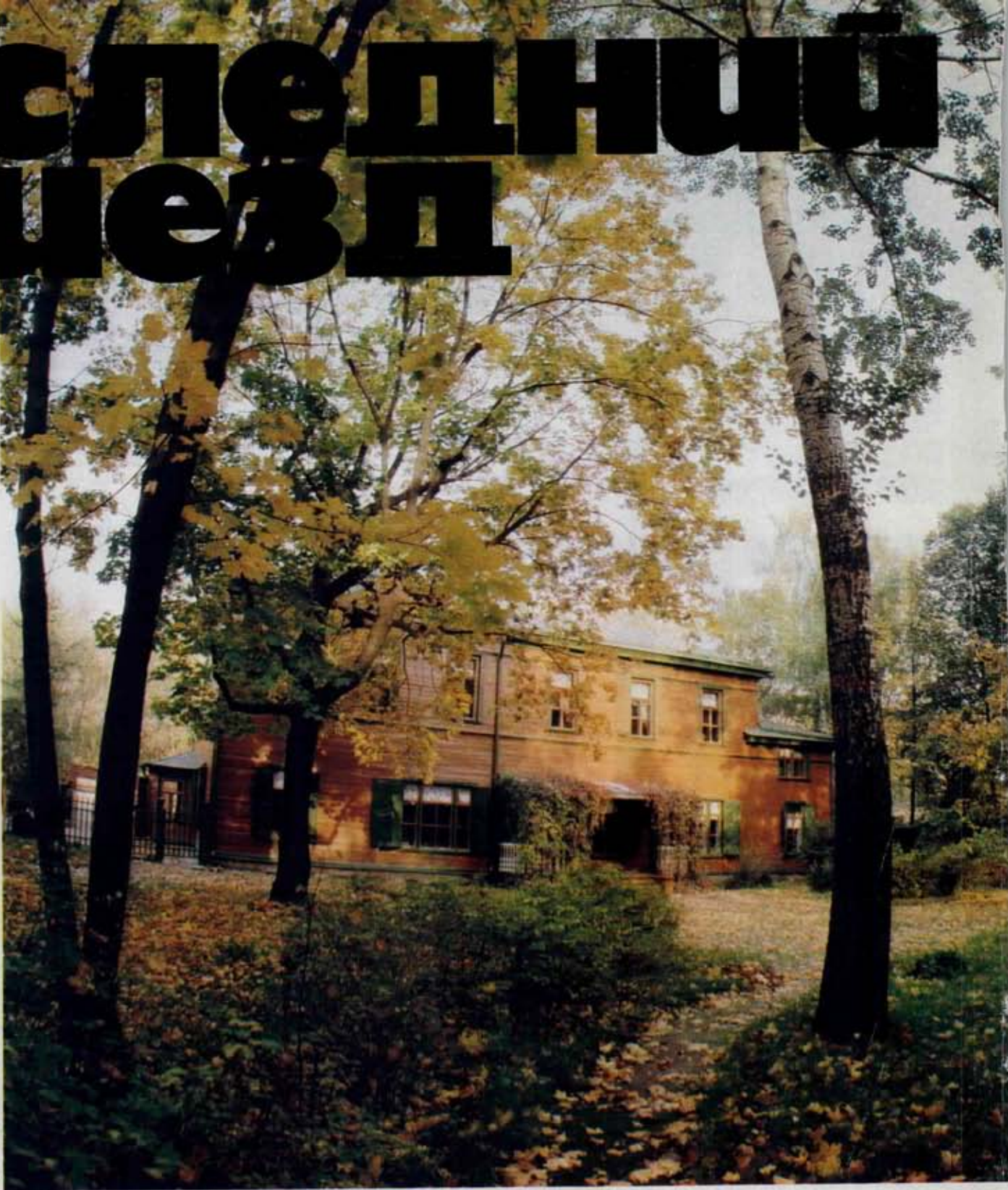
поезд приближался к Москве. Унылой чередой потянулись железнодорожные мастерские, склады, горы угля, штабеля дров.

Лев Николаевич не отрываясь смотрел в окно вагона. Выражение лица его стало меняться, взгляд сделался тусклым и безжизненным.

Над крышами встречного порожняка вынырнула колокольня Новодевичьего монастыря, за ней невообразимое нагромождение домов и домишек вокруг бесчисленных церквей.

Лев Николаевич совсем помрачнел.

**ТАКИМ ИЗБАЯЛ
ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ
НАРОДНЫЙ ХУДОЖНИК СССР
С. Д. МЕРКУРОВ.**

**РУКОПИСИ Л. Н. ТОЛСТОГО,
НАД КОТОРЫМИ
ОН РАБОТАЛ
В ХАМОВНИЧЕСКОМ ДОМЕ.**

РАБОЧИЙ КАБИНЕТ.

— Вот Вавилон,— тихо и сокрушенно произнес он.

Так примерно описывает добрый знакомый Толстого, литератор А. П. Сергеев, последний приезд Льва Николаевича в Москву 18 сентября 1909 года. Толстому шел тогда восемьдесят вто-

**ЭТОЙ ТРОШИНКОЙ
Л. Н. ТОЛСТОЙ
ОБЫЧНО ВОЗВРАЩАЛСЯ
К ДОМУ ИЗ САДА.**

рой год. «Вавилоном» называл Москву и Левин в «Анне Карениной». А Левин— это тридцатилетний Толстой.

За восемь лет, что писатель здесь не был, начался новый, наш век, и первопрестольная успела сильно измениться, превратившись в миллионный человеческий муравейник, втиснутый в камень. Здания кичливо устремились вверх. Вместо покойных конок появились громыхающие трамваи и стреляющие едким сизым дымом авто.

Изменился и сам Толстой, пойдя еще дальше в своем решительном неприятии города. Вспомним начало романа «Воскресение», создававшегося в Москве: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались...»

Давно уже хотел Лев Николаевич распрощаться с Москвой, но разные обстоятельства вновь и вновь приводили его сюда.

Москву он впервые увидел мальчиком в год смерти Пушкина. Впечатление от древней столицы было огромным и сохранилось в классном сочинении. Пройдут годы, и герой незаконченного романа «Декабристы» Лабазов, слушая после возвращения из ссылки величественный перезвон «сорока сороков», испытывает вместе с автором «детскую радость от того, что он русский и что он в Москве».

Москва сопутствовала Толстому всю жизнь. Познание ее начинается Левушкой в одноэтажном особняке на Плющихе, откуда он почти каждое утро в сопровождении сперва добродушного немца Федора Ивановича Ресселя, а затем самовлюбленного француза Сен-Тома (Карл Иванович и Сен-Жером в

**ОТСЮДА
НАЧИНАЕТСЯ ЭКСКУРСИЯ.**

тывали и народные гулянья под Новинским, на месте нынешней улицы Чайковского, манившие мальчика пестрыми балаганами, лихими качелями, вкусными запахами лотков и ресторации.

Потом был старый двухэтажный особняк с пилястрами, весьма надменно глядевший на Большой Каковинский переулок. Здесь Толстые прожили около трех лет, и события, изображенные в «Отрочестве», происходили именно в этом доме.

Юность писателя тоже падает на Москву. Покосившийся флигель в Малом Николопесковском переулке и деревянный, оштукатуренный «под каменный» мезонин на углу Сивцева Вражка помнят фразного денди с уже чуть насупленными по-толстовски бровями, делившего досуг между балами, светскими визитами, карточной игрой за

**ЗИМОЙ НА ПЛОЩАДКЕ
ПЕРЕД ВЕРАНДОЙ
ЗАЛИВАЛИ КАТОК,
И, СТАВ НА КОНЬКИ,
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ
ПРИСОЕДИНЯЛСЯ К МОЛОДЕЖИ.**

**КОМНАТА-СТУДИЯ
ТАТЬЯНЫ ЛЬВОВНЫ
ВСЕГДА ПРИТЯГИВАЛА ГОСТЕЙ.**

**«КОГДА Я УВИДЕЛА
КЛЕНОВЫЕ ЛИСТЬЯ, БЕРЕЗЫ,
МОХ КРУГОМ ДЕРЕВЬЕВ,
ТО ТОЧНО Я ОПЯТЬ
В ЯСНОЙ».— ПИСАЛА МУЖУ
ИЗ ХАМОВНИКОВ
СОФЬЯ АНДРЕЕВНА.**

«Детстве» и «Отрочестве») отправлялся на прогулку по Пречистенскому, Никитскому или Тверскому бульварам, исследовал лабиринт арбатских переулков.

Порой маршруты этих прогулок захва-

полночь, шумными поездками к цыганам в Козихинский переулок на Патриарших, гимнастическими занятиями в зале, верховой ездой в манеже и за городом, охотой.

Но было в ту пору и другое: книги из магазина Готье на Кузнецком, переводы иностранных авторов, чтобы «формировать слог», первые дневники — самому себе «отчет каждого дня с точки зрения тех слабостей, от которых хочется избавиться». Был уже напряженный поиск «задушевной идеи и цели» жизни.

В Москве с особой силой пробуждались у Толстого в разные периоды неистовые противоречия его натуры — тяга к домашнему уюту, вкус к красивой мебели, комфорту, подаренные Николаю Ростову, Левину, Ивану Ильичу, и одновременно жажда вырваться из привычного круга дорогих, удобных вещей,

освободиться от давления барской среды.

В Москве Толстой впервые пробует сочинять: в декабре 1850 года начинает «повесть из цыганского быта», через год — «Историю вчерашнего дня» и «Четыре эпохи развития». Первая рукопись осталась неоконченной и затем пропала, зато два других замысла нашли воплощение в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Потому-то, быть может, Лев Николаевич впоследствии тепло вспоминал квартиру в Сивцевом Вражке и в эпигломе «Войны и мира» даже поселил в ней вышедшего в отставку Николая Ростова.

В конце 50-х — начале 60-х годов Толстой бывал в Москве нечасто, однако всякий раз находил здесь обильную пищу для размышлений. А уж по насыщенности личными встречами его Москва тех лет едва ли уступит Ясной Поляне и поздней поры жизни Толстого. Из Севастополя он возвратился автором, в котором видели надежду русской литературы и которого сам Тургенев признавал равным себе. «Двадцати шести лет, — отмечал Лев Николаевич в «Исповеди», — я приехал после войны и сошелся с писателями. Меня приняли как своего».

Аксаковы, Островский, Григорович, Хомяков, Фет, у которого на Малой Полянке собиралась вся литературная Москва и устраивались музыкальные вечера, Аполлон Григорьев, Погодин, Щепкин, Садовский, известные журналисты и издатели — таков круглостоящего дружеского общения молодого Толстого в Москве.

«Отдаюсь работе восемь часов в сутки, а остальное время слушаю музыку, где есть хорошая, и ищу хороших людей», — сообщал он дальней родственнице и другу А. А. Толстой.

Было увлекающимся и переменчивым, Лев Николаевич, случалось, забывал за работой про сон и пищу, порой же по целым дням не притрагивался к перу. Так, 24 мая 1856 года он с приятелями отправился в сад «Эрмитаж», помещавшийся тогда на Верхнебожжедомской улице, вынес оттуда «впечатление тоски невообразимой» и, «не ложась спать, поехал на Воробьевы горы. Купался, пил молоко и спал там в саду...». К вечеру 25 мая Толстой был уже в Покровском-Стрешневе, на даче у своего будущего тестя А. Е. Берса, врача придворного ведомства.

Неудивительно, что памятные московские места во множестве присутствуют на страницах произведений писателя, а адреса его литературных героев — это, по сути, весь город, исхоженный Толстым вдоль и поперек.

Он, несомненно, прекрасно и знал и даже специально изучал Тверской бульвар с домом Иогеля, «у которого были самые веселые балы в Москве», «большой белый дом с огромным садом князя Щербатова» на Девичьем поле, занятый в двенадцатом году штабом маршала Даву, Старую Конюшенную, где у Ахромовой остановились по приезде в Москву Ростова и откуда Курагин пытался похитить Наташу, Сокольники — «место поединка между Пьером Безуховым и Долоховым», Арбат, где Пьер собирался убить Наполеона, Ильинку, Моховую, Калужскую, Кудрино, Фили и, конечно, Красную площадь с «незаезженным снегом», кремлевские стены, башни, храмы.

Кремль упоминается Толстым особенно часто еще и потому, что с ним оказалась непосредственно связана судьба самого писателя, — в Кремле жили Берсы. В 1862 году Лев Николаевич женился на их дочери и после венчания в дворцовой церкви Рождества богородицы уехал с молодой женой в Ясную Поляну.

Москва, казалось, отодвинулась далеко. Впереди маячили необозримые контуры «Войны и мира».

Работа, семья, хозяйство. Триада эта на много лет становится для Толстого определяющей, сдерживая его душевные метания и сомнения. В Москве он

появляется теперь лишь по делам: собрать материалы, переговорить с книгопродавцами, встретиться с художником М. Башилловым, иллюстрировавшим эплею, наведаться на выставку скота в Зоологическом саду... В 70-е годы краткие наезды Толстого в Москву учащаются. Задуманный роман «Декабристы» требовал свиданий с оставшимися в живых участниками трагических событий на Сенатской площади. Постаревшими, но не сломленными возвращались последние члены тайного общества из «глубины сибирских руд», П. Н. Свистунов, А. П. Беляев, М. И. Муравьев-Апостол, М. И. Бибиков — с ними беседовал Толстой в Москве.

Неожиданно его целиком захватила история женщины, пошедшей в любви наперекор обычаям и условностям «света». История неприметно разрасталась в роман. «Анна Каренина» также печаталась в Москве, и писателю приходилось постоянно бывать в типографиях и у издателей.

Но не только. На заседаниях Московского комитета грамотности он доказывал, основываясь на собственной педагогической практике, преимущества буквенного способа обучения грамоте (который называл «способом народа русского») перед звуковым и, желая продемонстрировать сей метод, ездил в школу при фабрике Ганешина и к этнографу Бессонову, собирався, кроме того, организовать Общество любителей русского народного пения... Не чуждался еще тогда Лев Николаевич и публичных чтений в Обществе любителей российской словесности, действительным членом которого был избран.

Существовала, однако, иная важная причина, все чаще обращавшая взор Толстого к Москве, — предстояло что-то предпринять для продолжения образования незаметно выросших детей. Поэтому после некоторых колебаний решили зимовать всей семьей в Москве.

Дом княгини С. В. Волконской находился «забор о забор» (выражение Толстого) с лучшей московской частной гимназией — Поливановской — на углу Денежного переулка и Пречистенки. Его-то поначалу Толстые и сняли в 1881 году.

Вообще Лев Николаевич собирался отдать младших сыновей в государственную гимназию, но там от него потребовали подписку о «благонадежности» поступающих. Возмущенный писатель заявил: «Я не могу дать такую подписку даже за себя, как же я ее дам за сыновей».

Увы, дом в Денежном переулке оказался слишком шумным, «как бы карточным» (меткое выражение Софьи Андреевны), и для работы Толстой вынужден был снять две маленькие тихие комнаты во флигеле. Только весной следующего года отыскался подходящий дом в Долгохамовническом переулке. «Отцу нравилось уединенное положение этого дома и его залуцанный сад размером почти в целую десятину (больше гектара)», в котором, «по его словам, было густо, как в тайге», — вспоминал Сергей Львович.

В июле состоялась покупка дома. Толстому к тому времени исполнилось 54 года, и он уже стоически нес бремя всемирной славы. Менять, пусть даже на зиму, устоявшийся уклад, сызнова обживать в городе было нелегко. К тому же на Льва Николаевича навалилось множество забот по ремонту и перестройке дома, свидетеля наполеоновского нашествия и пожара Москвы. Большой семье Толстых, насчитывавшей тогда восьмерых детей, оказалось в нем тесновато, и над первым этажом надстроили три «высокие комнаты с паркетными полами», просторный зал, гостиную, диванную.

Ремонтировали полы и переходы, перекладывали печи и фундамент, перекрывали крышу, оштукатуривали и оклеивали обоями стены комнат, красили двери, рамы и весь дом снаружи. Софье Андреевне в Ясную Поляну непростану шли сообщения о плотничьих, штукатурных и малярных работах, о перегород-

ках, форточках, о покупке новой мебели, экипажей, сруби и т. п.

Племянница писателя Е. В. Оболенская в своих мемуарах рассказывает: «Лев Николаевич сам очень внимательно занялся устройством дома и его меблировкой. Сначала он делал это для того, чтобы облегчить Софью Андреевну, но потом сам увлекся. Он сам очень охотно по всем мебельным магазинам разыскивал старинную мебель красного дерева и покупал все с большим вкусом».

Вместе с ним приехали сыновья Сергей, Илья и Лев. Пока шел ремонт дома, они поселились в верхних комнатах флигеля. Толстому здесь нравилось: «немного по-робинзоновски, но от этого только веселее». Не было ни повара, ни кухарки, завтракали в трактире, а обеда готовил дворник Василий Алексеевич, с которым Толстой любил беседовать вечерами на лавочке перед воротами усадьбы, где текла совсем иная жизнь, нежели в районе старых дворянских особняков между Поварской и Остоженкой. Возвращались домой по переулку ломовые извозчики, рабочие, шагали в казармы солдаты...

Фабричные Хамовники окружали усадьбу со всех сторон. Прямо напротив — шелкоткацкая мануфактура братьев Жиро, справа — глухая кирпичная стена пивомедоваренного завода, чуть дальше — парфюмерная фабрика Ралле. Старые здания, как, впрочем, и потемневшие от времени каменные тумбы, к которым кучера привязывали лошадей, выцербленные плиты тротуара вдоль резного дубового забора с воротами, увенчанными широкой лентой деревянного кружева и резными же буквами «Г» и «Т» (граф Толстой), — все это сохранилось до дня сегодняшнего.

Придите сюда от станции метро «Парк культуры», оставив слева стремительную эстакаду Крымского моста, и за сверкающим чудо-теремом Николахамовнической церкви у истока Комсомольского проспекта вам откроется тенистый проем улицы, носящей имя великого писателя, а там бережно сохранившийся во всех красочных подробностях вещественный мир Толстого, его близкий.

Когда ремонт был наконец окончен и в октябре 1882 года семья переехала до лета во вновь отстроенный дом, Лев Николаевич выбрал «для своего кабинета одну из комнат антресолей с низким потолком и окнами в сад».

Зимой площадку в саду перед террасой заливали водой, и катались на коньках и дети, и Софья Андреевна, и Толстой, ни в каких забавах не уступавший молодежи и даже отлично освоивший на старости лет езду на велосипеде. В застекленной беседке с колоннами тут же у площадки и на насыпном холме в центре сада Лев Николаевич любил посидеть весной и не раз брал сюда рукопись «Воскресения».

Почту он обычно привозил на санках или на тележке десятилитровую бочку с водой от неблизкого колодца у заводской стены, а то и от самой реки (водопровода и электрического освещения в доме не было) и, наколов в сарае дров, разносил их вязанками ко всем печам дома.

Он сохранил в городе привычку к повседневному физическому труду. Со старанием тачал сапоги, часто работал с пильщиками дров на Воробьевых горах. «Это освежает меня, — говорил Толстой, — придает силы — видишь жизнь настоящую и хоть урывками в нее окунешься и освежишься».

Писатель не мог и не хотел затвориться за забором хамовнической усадьбы в тесном домашнем кругу. «Я живу среди фабрик, — писал он в трактате «Так что же нам делать?», — Каждое утро в 5 часов слышен один свисток, другой, третий, десятый, дальше и дальше. Это значит, что началась работа женщин, детей, стариков...»

Порой Лев Николаевич уходил от своей усадьбы далеко, бродил по окраинам Москвы, разговаривал с простыми людьми, запоминая, записывая. И сумел

увидеть то, что оставалось невидимым для многих других.

Уже в первой дневниковой записи Толстого в тот московский период мы читаем: «Вон, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собирались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию. И пируют...»

Морозным декабрьским днем 1881 года Лев Николаевич пошел смотреть самое страшное в Москве место — Хитров рынок с его не снисшими Дикенсовыми ночлежками. «При виде этого голода, холода и унижения тысячи людей я не умом, но сердцем, а всем существом моим понял, что существование десятков тысяч таких людей в Москве есть преступление, не один раз совершенное, но постоянно совершающееся».

Под влиянием всего увиденного в Москве и произошел глубокий перелом в мировоззрении Толстого. «Со мной случился переворот, — говорит он в «Исповеди», — который давно готовился во мне и задатки которого были во мне всегда. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга — богатых, ученых — не только опротивела мне, но потеряла всякий смысл...»

Смысл отныне заключался для него во всемирной помощи народу. И писатель шел с опросным листом общероссийской переписи в жуткие ночлежные дома Проточного переулка, уезжал работать «на голоде» 1891—1893 годов, окончательно убедившем Толстого в том, что «так продолжаться, в таких формах, жизнь не может» и что «дело подходит к развязке».

«Не могу жить дома, писать. Чувствую потребность участвовать». — делился Лев Николаевич со своим другом, художником Н. Н. Ге. Эта неотступная потребность заставила его в 1885 году организовать в Москве знаменитое издательство «Посредник», призванное регулярно выпускать для народа доброкачественные в художественном отношении и в то же время недорогие книжки и репродукции картин с подписями. Толстой помогал издательству в подборе произведений, находил новых авторов, публиковал здесь свои рассказы.

Сам он в те московские годы писал все же много, причем на самые жгучие темы. Страстная публицистика и «Холстомер», «Власть тьмы» и «Хаджи-Мурат», трактат «Что такое искусство?» и «Крейцерова соната» — вот лишь часть того, что Толстой обдумывал, писал или переделывал в Хамовниках (всего же здесь рождено около ста произведений!)

И вновь, как прежде, он черпает в Москве обширный творческий материал. В Бутырской тюрьме сидит Катюша Маслова; ее судят в Московском окружном суде; в жаркий летний день партии сыльных совершает тяжкий путь от ворот тюрьмы до Николаевского (ныне Ленинградского) вокзала. Работая над романом, писатель встречался с семьями политических заключенных, изучал быт арестантов, посетил Бутырку и расспрашивал надзирателей о тюремных порядках, а 8 апреля 1899 года проделал с очередной партией сыльных весь путь до Николаевского вокзала.

Столь же тщательно проверял Толстой многочисленные факты из жизни заводских и фабричных рабочих, использованные им в «Рабстве нашего времени» и других статьях...

Мрачным, подавленным возвращался Лев Николаевич после этих поездок к себе в Хамовники. «Громада зла», с которой ему ежедневно и ежечасно доводилось сталкиваться, лишила сна и покоя, все больше отчуждала его от «беспечной» жизни семьи. Контроль издания его сочинений, устроенная Софьей Андреевной во флигеле хамовнического дома, была Толстому «крайне неприятна». Писатель отказался от гонораров за свои произведения, написанные после 1881 года: «Что-то есть особенно отвратительное в продаже умственного труда. Если продается муд-

рость... она наверно не мудрость». А жизнь эта между тем продолжалась целых девятнадцать зим. И выпадали в ней, разумеется, и светлые часы.

Толстой жаловался, что «ужасно устает» в городе, но тем не менее, стремясь быть в курсе последних научных достижений, посещал публичные университетские лекции, съезды естествоиспытателей и врачей, заседания Психологического общества, читал сотни книг и журналов на трех языках.

Неприятны ему теперь стали и театры, концерты, хотя полностью отказаться от них он не мог; и каждое из этих редких посещений являлось значительным событием как для артистов, так и для самого Толстого. Актриса Малого театра В. Н. Рыжова вспоминала: в ноябре 1895 года Лев Николаевич читал на труппе «Власть тьмы». «Мы сидели ошеломленные, очарованные его чтением... Потом начались репетиции, на которых его просили присутствовать. Поражала его простота, его необыкновенная деликатность и какая-то почти детская конфузливость. Он всегда приходил как-то незаметно в своей блузе и башлыке, пробирался тихонько в темный зрительный зал и смотрел, как мы репетировали».

Он из всего умел извлекать пользу. Постановки «Короля Лира» и «Гамлета» в «Эрмитаже» с участием знаменитого итальянского трагика Э. Росси пригодились в работе над статьей «О Шекспире и драме», а случайное посещение ученических репетиций оперы А. Рубинштейна «Ферморс» повлекло за собой первую главу трактата «Что такое искусство?». И считают, что именно чеховский «Дядя Ваня» на сцене МХАТа побудил Толстого к созданию пьесы «Живой труп».

Его с юности притягивала живопись, и в прежнюю свою бытность в Москве Лев Николаевич даже ходил на занятия в Училище живописи, ваяния и зодчества, где обучалась его старшая дочь Татьяна Львовна, и затевал подчас жаркие споры с преподавателями. В 80-е годы Толстой продолжал бывать на выставках передвижников и иностранных художников, в Третьяковке, встречался с ее основателем. «В моей мастерской, стоя иногда перед начатой мною картиной, — рассказывал И. Е. Репин, — он поражал меня совершенно неожиданными и необыкновенными замечаниями самой сути дела; освещал вдруг всю мою затею новым светом, прибавлял живописные детали в главных местах, и картина чудесно оживлялась».

Нередко обсуждение новых работ переносилось в залу хамовнического дома, который всегда был полон народа. «Тут бывали и выдающиеся артисты Москвы — музыканты, композиторы и художники, профессора и ученые; видные иностранцы не только из Европы, но и из дальней Америки и Австралии, питерские фрейлины и сановники, губернаторы и прокуроры; молодежь — подруги и поклонники дочерей, товарищи сыновей. И рядом с каким-нибудь генералом свиты — другом юности Толстого — социалисты-революционеры, обреченные, быть может, на ссылку в Сибирь, или вышедшие из тюрьмы, пострадавшие за свои убеждения последователи Толстого. Все, что в жизни и даже в фантазии казалось несовместимым, мирно встречалось здесь за большим чайным столом».

Так описывает традиционные субботние вечера в Хамовниках художник Л. О. Пастернак, иллюстратор толстовских произведений, которого Лев Николаевич ставил очень высоко, отец замечательного советского поэта Бориса Пастернака. Он подчеркивает при этом, что Толстой умел «как истый аристократ души каждому из посетителей сказать свое живое, то ласковое, то остроумное, то участливое, но всегда нужное слово».

Его услышал здесь однажды февральским вечером 1894 года и молодой служащий губернской библиотеки на Полтавщине, начинающий сотрудник провинциальных газет Иван Бунин.

За четыре года до Бунина в дверь

толстовского дома с металлическим гербом города Москвы и надписью «Взаимное от огня страхование» постучался Горький.

«В вечер первого моего знакомства с ним, — писал впоследствии Алексей Максимович, — он увел меня к себе в кабинет... усадил против себя и стал говорить о «Вареньке Олесовой», о «Двадцать шесть и одна»... Провожая, он обнял меня и сказал: — Вы — настоящий мужик! Вам будет трудно среди писателей. Но вы ничего не бойтесь, говорите всегда так, как чувствуете, выйдет грубо — ничего. Умные люди поймут».

19 сентября 1909 года Толстой навсегда покинул Москву.

Ночь накануне отъезда он провел в хамовническом доме, который принадлежал теперь одному из его сыновей. Прежде чем лечь, зашел, вероятно, по старой памяти в свой бывший кабинет на антресолях, под низкие своды, присел к столу, как и в Ясной Поляне, огороженному с краю деревянной решеточкой из мелких точеных балясин, скрипнул жестким стулом, чьи ножки некогда сам подпиллил, чтобы близоруко не наклоняться над рукописью (очки из упрямства так и не завел), повертел в пальцах простенькое перо. И, возможно, вспомнил то последнее, что писал здесь, — суровые и горькие строки «Ответа Синоду» после отлучения от церкви в феврале 1901 года. Затем последовала опасная болезнь и настоятельный совет врачей не жить больше в городе. И вот жизнь приближалась к концу, а оставалось еще совершить самое трудное — уход...

Утром Лев Николаевич, не отступая от заведенного порядка, отправился на прогулку. А П. Сергеевко, встретивший его на обратном пути, поразился «несоответствием между ним и городом». Один в безлюдном переулке, «он шел у высокой красной кирпичной стены пивоваренного завода и показался мне маленьким, жалким, как будто затерявшимся в городе-спруте».

...К полудню площадь перед Курским вокзалом запрудили многотысячные толпы народа. До вагона добрались с трудом. Лев Николаевич, которого едва не задавили в толпе, был бледен, но невозмутимо спокоен и, улыбаясь, любовался ловкими движениями молодых людей, взбиравшихся на столбы перронного навеса, чтобы лучше рассмотреть Толстого.

В купе он сел у открытого окна и весь ушел в себя, никак не реагируя на гул еще сильнее разбушевавшегося людского моря, выкрики «Ура!.. Да здравствует!.. Слава!», магические всплески над штативами фотографов и назойливое стрекотание киноаппарата. В открытое окно на колени ему упали цветы. Чертков шепнул Толстому, что хорошо бы попрощаться с собравшимися.

— Да? Ну что ж, — ответил Лев Николаевич и, легко поднявшись, вышел в коридор к окну.

При виде его в воздух полетели фуражки, замахали платками. Толстой снял шляпу.

— Благодарю! Благодарю за... добрые чувства, — произнес он, и голос его дрогнул.

— Тише! Тише! Он говорит... — слышались возгласы.

Окрепшим голосом Толстой повторил: — Благодарю... Никак не ожидал такого проявления сочувствия со стороны людей... Спасибо!

— Спасибо, спасибо вам! — восторженно отозвалась толпа. И при общем ликующем крике поезд тихо тронулся.

Объятие стихийным порывом, люди, словно загипнотизированные, потянулись вслед. Поезд постепенно надбавлял ходу, и основная масса отставала, продолжая издали кричать и махать руками. Оторвавшиеся от нее отдельные группы бежали вровень с вагоном.

— Лев Николаевич, наш дорогой!.. Слава!.. Ура!.. — счастливые, сияющие, кричали они и бежали, бежали, пока не кончилась платформа...

ПОДВИГ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

НЕТ, ОН НЕ ПРОПАЛ БЕЗ ВЕСТИ

Недавно меня пригласили к себе в гости комсомольцы житомирской школы №25. Ребята показали письмо, присланное из города Георгиевска Ставропольского края. На конверте адрес: «Житомир, красным следопытам любой школы города».

Автор письма, Мария Филипповна, писала, что ее сын Иван Кушнир до войны служил в Житомире, а когда война началась, связь с ним прекратилась.

Сорок лет продолжался поиск сына, который, по сообщениям военкоматов, якобы пропал без вести. Старая мать просила красных следопытов помочь ей в розыске.

Помог случай. Прочитав письмо, я сказал своим юным друзьям, что, пожалуй, смогу выполнить просьбу старой женщины. Дело в том, что в годы войны я служил в гвардейском бомбардировочном полку, воином которого Иван Кушнир был в 1940-м и 1941 годах. Лично летчика Кушнира я не знал, так как прибыл в полк уже во время войны, в марте 1942 года. Но старослужащие полка не раз рассказывали о первом боевом вылете экипажей, состоявшемся на другой день после начала войны. В этом вылете участвовал и Иван Кушнир; подробно об этом я узнал из истории полка, когда готовил к печати свою первую книгу.

...Около четырех часов прозвучал сигнал тревоги. Полк получил приказ быть готовым к боевому вылету. Цель — скопление вражеских танков западнее городка Горохов Волинской области.

С аэродрома в небо поднялись три эскадрильи, взяли курс на запад. Внизу проплывали зеленые леса, золотые пшеничные поля. Не верилось, что где-то уже горят города и села, умирают люди.

В районе цели — скопление автомашин, танки противника. Чтобы атака была неожиданной, капитан В. П. Гайкович заводит колонну с запада. Маневр удается. Штурманы фиксируют прямые попадания: вражеская техника горит. Первый вылет — и такой успех!

Но в небе вдруг появились фашистские истребители ME-109. Разгорелся воздушный бой. Сначала наши воины успешно отбивали атаки, даже сбили два самолета противника. Но вот подоспела еще одна группа стервятников. На самолет Ивана Кушнира бросились три «мессера». Летчик умело маневрировал. Стрелки его экипажа короткими очередями вели меткий огонь по врагу. Загорелся один ME-109. Другой истребитель, получив повреждение, отошел в сторону. Но и машина лейтенанта загорелась: видимо, снаряды попали в бензобаки. Самолет взорвался на глазах однополчана.

Экипаж Ивана Кушнира погиб. Командир храбро сражался до последней возможности. Не стало в живых замечательного мастера летного дела, человека прекрасной души. В тот день из боевого вылета не вернулись экипажи заместителя командира полка по политической части, батальонного комиссара А. П. Михайличенко и старшего политрука Н. К. Кирилова. Память об Иване Кушнире и его боевых товарищах навсегда сохранилась в сердцах однополчана.

Война... Сколько могилых холмов на ее дорогах! Но у многих летчиков, сгоревших в небе вместе с самолетом, могил не осталось. Только район гибели.

Бойцы и офицеры, принимавшие участие в исключительно трудных боях грозного 1941 года, выжившие и погибшие смертью храбрых, — все они заложили фундамент нашей грядущей победы. В их числе был и замечательный патриот, отважный воин, первокурсный летчик Иван Фомич Кушнир.

Нет, не пропал он без вести. Свою жизнь он отдал за Родину как герой, отдал ее за нашу победу, за то, чтобы счастливыми были все мы, живущие сегодня.

Обо всем этом и написали ребята, следопыты школы № 25, Марии Филипповне, матери Ивана Кушнира.

А. КОТ,
Герой Советского Союза, полковник в отставке,
Житомир.

ВЗЛЕТ

До глубины души взволновала меня публикация «Взлет после падения», мне уже не забыть тех минут, что прожил, находясь в экстремальной ситуации, герой очерка Сергей Дронов. Летчик, наш современник, действовал как герой, когда на покинул терпящий аварию и падающий на село самолет. Сергей Дронов посадил машину в поле и этим предотвратил возможные разрушения и жертвы.

Многие мои знакомые, сотрудники института, где я работаю, с огромным интересом прочитали очерк В. Янелиса, и никто не остался равнодушным к подвигу молодого пилота.

Большое, сердечное спасибо и низкий поклон матери Сергея Дронова, воспитавшей прекрасного сына.

Я сама мать. Мой Игорь — курсант Омского военного общевоинского командного дважды Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе. Признаться, лелею мечту увидеть Сережу, ставшего для нас близким и родным человеком. Двери нашего дома в любое время открыты для него и для его друзей.

С уважением
К. ЕРЕМЕЕВА,
старший техник
Рязанского радиотехнического института.

САЙГАКИ

идем по морщинистой, выжженной солнцем земле, кое-где прикрытой невысокой, чахлой травой.

— Вижу, есть! — несется откуда-то с края цепи, и все бросаются туда.

Приглядываюсь и вижу метрах в пяти небольшого рыжеватого зверька, почти полностью слившегося с желтой землей. Он родился, вероятно, минувшей ночью. Не моргая, смотрит его темные глаза. Нас, видимо, он заметил, но страх сайгачонку еще неведом. Подходим к нему. Биологи берут его в руки, сажают в обычную домашнюю авоську так, что торчит из нее только голова, и взвешивают. Малыш кричит, высовывает розовый кончик языка. Но стрелка весов уже фиксирует вес новорожденного. После того, как записаны пол, место, где найден сайгаченок, его размеры, малыша метят — кольцуют.

Мы не ошиблись адресом и попали в самый настоящий родильный дом животных. По всей степи лежат рыжеватые сайгачата. Они вытянулись, слились с землей. Лишь темные глаза сверкают зайчиками на солнце. И тут в который раз убеждаешься в щедрости природы, что наградила малышек своеобразным степным нарядом — заметить издали их непросто.

Через несколько дней отел закончился.

Снова горбоносые сайгаки сбились в громадные стада и традиционно, веками выверенными тропами двинулись дальше на север, к новым пастбищам и водопоям.

За последние десятилетия изменился лик южных степей. Появились города и поселки, бескрайние просторы изрезали каналы и шоссе, поднялись линии электропередачи. Сайгаки, как считают ученые, оказались на редкость пластичными животными. Они прекрасно приспособились к антропогенному ландшафту.

И все-таки жизнь сайгаков целиком зависит от людей. Степные антилопы чувствуют себя привольно только там, где о них заботится человек, бережет их.

У САЙГАЧАТ ДИСПАНСЕРИЗАЦИЯ.

Игорь КОНСТАНТИНОВ.
Фото автора

К началу нынешнего столетия сайгаки сохранились лишь в глухих казахских и калмыцких степях.

Охотились на них безжалостно. Ценились восковые сайгачьи рога, которые продавали в восточные страны, где из них готовили лекарства типа пантокрин. Из шкур степных антилоп получали великолепные кожи. Мясо сайгака считалось целебным и стоило тоже дорого. Казалось, еще немного, и сайгаков истребят начисто.

Сразу же после Октябрьской революции охота на горбоносых антилоп была полностью запрещена. В Аральском море, на острове Барсакельмес, создается заповедник, куда завезли несколько пойманных животных. В местах, где они еще сохранились, началась беспощадная борьба с их главными врагами — волками.

И, как птица феникс, антилопы буквально воскресли из небытия и стали ныне, пожалуй, самыми многочисленными копытными в степях Калмыкии и во многих районах Казахстана.

Несмотря на благополучное решение «сайгачьего вопроса», за поведением, размножением, здоровьем антилоп наблюдают ученые и охотоведы. Ежегодно проводится своеобразная «инвентаризация» животных. А во время пополнения сайгачьего родаплемени люди навещают места отела.

Вот и я как-то выехал с биологами к небольшому озерку, которое летом высыхает. Растянувшись цепочкой,

БЕГИ, МАЛЫШ!

МЕСТА ОБИТАНИЯ САЙГАКОВ — ВЫБЕДЕННЫЕ СОЛОНЧАКИ. ВЫЖЕННЫЕ ТАКРЫ.

п

рочитал однажды у Дрежника: «Войну в искусство надо показывать через красоту, и иметь в виду величие и красоту человеческих поступков на войне».

Величие и красота человеческих поступков на войне. Какими единицами их можно измерить?

На экраны страны выходит фильм

«Берег».

Роман Юрия Бондарева, по которому поставлен этот фильм, представлять не требуется. Но вот экрановедение литературного прозаического произведения. Каждый раз в высокой степени проблематичное дело. Идет ли речь о Толстом, о Горьком, о Бальзаке, о Хемингуэе. Идет ли речь о Бондареве. Образный строй литературного произведения переводится на кинематографический язык неадекватно. То, чего достиг литератор, может быть разрушено кинорежиссером, даже если он гениальный и очень талантливый, но не сумевший постичь бесконечно трудную и бы даже сказать зловеще непредсказуемую формулу превращения литературных образов в образы кинематографические.

Думаю, что со мной согласится и человек, которому самому не довелось делать кино, а таких, естественно, большинство в зрительных залах.

Мне кажется, ни один серьезный кинематографист не идет разговора только с коллегами, не идет разговора, ограниченного профессиональными рамками. Василий Шукшин однажды написал: «Да будь ты трижды ослепший и даже заблудай с вопросом вперед — все равно ты должен быть интересен и понятен. Вывернись, наизнанку, завяжись узлом, но не кричи и в пустом зале. Добрые, искренние человеческие слова тоже должны гриметь. Грешит же на площадях в мире слова недобрые, фальшивые. Пусть и добро вооружаются! Келейные разговоры о красоте, истине только обесценивают человечество перед лицом громогласности организованного зла. Если же кто-то сказал слова добрые и правдивые и это не услышали — значит, он не сказал их».

Фильм «Берег» — трудный фильм. Мне вспоминается разговор с человеком, который считал, что герою картины Никитину надо предстать перед трибуналом или перед комитетом партийного контроля, чтобы ответить за свои недостойные поступки.

А ведь была весна 45-го года, весна Победы, когда полюбили друг друга два молодых человека, русский офицер и юная немка. Полюбили честно, искренне. Перспектив у их любви не было, но это им не мешало. Прошел много лет, и вернутся они мыслями и памятью к тому времени, когда, вероятно, раскрывшись оба с наибольшей чистотой.

Это, конечно же, главная сюжетная линия романа и фильма.

Но и благодарен авторам фильма и за то, что принесли они поклон прежде всего другому человеку, очень точно при этом прочитав роман. Я говорю о лейтенанте Книжке.

Юрий Бондарев с отважной смелостью восстал максимализм подвига. И в фильме «Берег», с моей точки зрения, мы увидели его кинематографическое воспроизведение, которое не просто не уступает литературной основе, но в чем-то разливает ее. Я лично не видел артиста Валерий Сторожики до этого фильма, не знаю даже, снимался ли он в большом кино, но его Книжка — это правда. Правда того самого величия человеческого поступка на войне, о котором писал Дрежника. Есть какое-то колдовское обаяние в том, как этот молодой человек играет даже не своего отца, а скорее дядю, как он с удивительной, непостижимой точностью перемещался во времени, почувствовал эпоху, о которой он, естественно, может знать только по рассказам да по книгам.

Существуют в кинематографе ситуации простые и безобразные, именуются они не очень элегантно словом «верняк». Александр Алов и Владимир Наумов, обратившись к весьма непростой работе Юрия Бондарева, осмелились прикоснуться к тому, что в человеческом психике принято называть ранами, ранами душевными, то есть самыми страшными.

Они осмелились на многое. Они попытались передать ту паразитическую диалектику времени, в которой так много неоднозначности и незавершенности.

Величие и красота человеческих поступков на войне.

Мне рассказали о человеке, который в 41-м получил приказ взорвать мосты перед наступающими немскими танками. Он сделал это на сутки позже, чем было приказано, потому что перед этими танками бежали наши солдаты, вооруженные трехлинейными образцами конца XIX века, и беженцы, женщины, дети, старики из тех мест, в которые эти немецкие танки уже вкатились. Он просчитал все очень точно — и пошел в штрафбат. Скольким людям он спас жизнь, трудно себе представить. Ни один немецкий танк не прошел по мосту, взорванному на сутки позже, но это не играло роли.

Величие и красота человеческих поступков на войне.

Думаю, что фильм «Берег» с большой точностью

КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМА «БЕРЕГ». В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ Б. ШЕРБАКОВ И Н. БЕЛОХВОСТИКОВА.

Генрих ГУРКОВ

книга и киновариант

К Всесоюзной кинопремьере фильма «Берег»

В САМОМ КОНЦЕ ВОЙНЫ, КОГДА СОЛДАТЫ УЖЕ ЖИЛИ ПРЕДЧУВСТВИЕМ МИРА, ЛЕЙТЕНАНТ КНЯЖКО ЖЕРТВУЕТ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ, ПЫТАЯСЯ ОСТАНОВИТЬ БЕССМЫСЛЕННОЕ КРОВОПРОЛИТИЕ. ЭТУ СЦЕНУ МОЖНО НАЗВАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫМ И ИДЕЙНЫМ ЯДРОМ РОМАНА И ФИЛЬМА.

воспроизводит бондаревскую идею — война, обострив до крайней грани все человеческие ощущения, не только потрясла нас, не только в чем-то разрушила, но в чем-то важном и, не побоюсь этого слова, великом утвердила.

Война, в сущности, уже закончилась, и лейтенант Княжко идет с белым флагом для того, чтобы спасти жизнь тех, кто не был ему близок и дорог, спасти жизнь какому-то числу из врагов. Его срезают автоматной очередью. И горчайшая несправедливость происходящего, великолепно прописанная в романе и блистательно воспроизведенная в фильме, становится вехой памяти. Такого не должно быть. Ибо человеку дано много прав, но не отпущено одно — быть античеловеком.

Когда началась война, мне было восемь лет. Я лазил на крышу и смотрел воздушные бои над Москвой — это было впечатляюще и в силу детской наивности не казалось страшным. Казалось неким странным спектаклем. Потом эвакуация, где работала моя мама и где я читал двадцатилетним ребятам, изувеченным и изуродованным войной, стихи Константина Симонова «Жди меня, и я вернусь», и был суп из картофельных очисток, который считался в ту пору деликатесом, и было странное ощущение безумной невинности времени: что происходит там, где-то? Бондарев в эту пору был именно там и сумел рассказать об этом с беспощадной искренностью.

Пройдет много лет после войны, и будем мы искать с Романом Карменом кадры для фильма «Товарищ Берлин», которые должны представить советских солдат, вступивших в поверженную, увешанную белыми флагами столицу «тысячелетнего рейха». У нас в фильме появляются трое солдат в замызганных, залитых потом и кровью гимнастерках, и два из них не то чтобы ведут, а скорее тащат третьего. Он тяжело ранен, сам двигаться не может. Эти трое — русские мастеровые люди, дошедшие до победы сквозь горе и муки, понявшие себя в этом горе и в этих муках.

Так, видимо, и выглядела правда той войны, которую вынес наш народ и о которой рассказано в «Береге».

Войну в искусстве надо показывать через красоту... Спокойный и сдержанный Борис Щербаков в роли Никитина... Отчаянная, безоглядная немка Эмма в исполнении Натальи Белохвостиковой... Жестокий и злой Меженин, с моей точки зрения, великолепно сыгранный Владимиром Гостюхиным... В этом фильме фейерверк ролей, заслуживающих внимания и признания.

Это интересный фильм. И дело не в том, что это фильм зрелищный.

Это фильм, который приглашает к раздумью. К раздумью о судьбах людей, мелькнувших перед нами на экране. К раздумью о самом себе.

«Я ненавижу войну, но мне порой до тоски не хватает людей, с которыми я встречался на войне, — говорит в фильме Никитин. — Наверное, потому, что мы, плохие или хорошие, очень были нужны друг другу. Мы были как родные братья в родной семье. Война кончилась, прошло много лет, и я почувствовал, что лучше тех людей я потом не встречал...»

Величие и красота человеческих поступков на войне...

У Бондарева есть пронзительные слова: «Что значит взять боль другого? Это сумасшествие, это трудно понять разумом. Но, может быть, в этом есть самое человеческое, самое главное, что живет где-то в нас? Вина перед чужой болью? Я впервые почувствовал это очень давно. Была весна, и было ясное утро, и был конец войны во всем, когда погиб Княжко...»

...Последние несколько лет мне пришлось работать над фильмами, которые соединяет одна тема, великим русским мудрецом Львом Толстым обозначенная просто и точно: «Война и мир». Тема эта жестокая и трудная, и каждый, кто соприкоснулся с ней, со мной согласится. Тему эту мы выбираем не для того, чтобы потешить зрителя безумной и безобразной красотой современной военной техники, ухищрениями ума, задержанного труднейшими проблемами современности, а для того, чтобы предупредить об опасности, нам всем угрожающей, об опасности, страшнее которой нет ничего. Если она превратится в реальность, ничего и никого не будет существовать.

Мне кажется, что фильм «Берег» принял из романа его суть: это — предупреждение об опасности. И это — напоминание о возможности жить, радоваться, любить.

В титрах фильма имя Александра Алова заключено в траурную рамку. Что ж, в нашем жестоком ремесле бывает и такое... Фильм был закончен Владимиром Наумовым.

Фильм переживает дни Всесоюзной премьеры — прекрасно, что наконец наш кинопрокат обратился к этой идее, и я хочу пожелать фильму «Берег» долгой экранной жизни. Я считаю его умной и доброй работой.

Стало быть, нужной людям.

Нравственная норма

Открытое письмо отцу Игоря Прохорова

Сергей Гаврилович! Долго размышлял, стоит ли обращаться к Вам сейчас, после суда над Игорем. Понимаю, что Вам нелегко. И все-таки решил: стоит. Думаю, письмо поможет объективнее оценить случившееся, сделать выводы на будущее. Да и нет у меня другой возможности поговорить с Вами об Игоре — Вы же уклоняетесь от встреч.

Вас не было на процессе. Почему? Вряд ли можно считать достаточным объяснение жены: «Приболел». Когда речь идет о судьбе единственного сына, о том, сможет ли он получить вовремя, на свободе, паспорт гражданина СССР, насморком и даже повышенной температурой вполне можно пренебречь. Видимо, у Вас другое мнение? Впрочем, это удивительно лишь на первый взгляд. Ваше отсутствие в зале суда на процессе о злостном хулиганстве подростков с участием Игоря объяснимо. Это, я думаю, логический итог несложившихся отношений с сыном.

Знаете ли Вы по крайней мере, что произошло? Какое преступление совершил Ваш сын? Видимо, весьма приблизительно, со слов жены. Но может ли быть объективной несчастная мать? Считаю своим долгом рассказать Вам эту уголовную историю, с которой я ознакомился по заданию редакции. В ней наверняка откроются такие черты характера сына, такие стороны его жизни, о которых Вы предпочитали не знать уже несколько лет.

Итак, был обычный зимний вечер. Не поздний. Вы, видимо, тихо-мирно сидели перед телевизором. Отсутствии Игоря Вас не удивило. Его давно уже не было по вечерам дома. Где он? С кем? Чем занимается? Задавали ли Вы ему эти вопросы? Вполне допускаю, что задавали. И удовлетворялись дежурным ответом: «С друзьями гулял».

Собрались «друзья» — в тот зимний вечер их было шестеро, — как всегда, на старой, заброшенной голубятне. Голубей в ней давно не водилось, а убрать нелепое, полуразвалившееся строение ни у кого руки не доходило.

— Сбросимся, — предложил Михаил Шмырев. По возрасту Шмырь даже моложе Игоря, но властный характер, независимый и жестокий нрав, природная сообразительность сделали его лидером компании, к которой давно примкнул Ваш сын.

Все вывернули карманы, хватило на четыре бутылки дешевого вина, купленного незнакомым «добрым» дядей. Судья спрашивал каждого из шестерки: из чего пили, где, была ли закуска?

— В подъезде. Чтoб никто не видел. Там тепло. Нет, стакана не было.

Из ответов подсудимых Вы можете легко себе представить атмосферу выпивки, конечно, далеко не первой в биографии пятнадцатилетнего Игоря. Это не голословное утверждение. Заместитель директора школы, выступавший на суде, однажды видел Вашего сына и Шмырева на школьном вечере в «явном подпитии».

«Подогревшись» в подъезде, пошли гулять. Редкие прохожие, издали заглянув приближающуюся компанию, предпочитали обойти ее стороной. С каждой минутой хмель дурманил все сильнее, возникло ощущение удалства, бесшабашности, когда море по колено.

— Я гуляла с собакой, — рассказала мне до суда одноклассница Шмырева и Вашего Игоря. На суд она идти побоялась, дружки подсудимых настойчиво «советовали» ей там не появляться. — И встретила эту банду, другого слова не подберу. У Шмырева, Прохорова и еще двоих в руках были палки.

Подсудимые дружно заявлял, что никакого оружия, ни железного, ни деревянного, не имели.

В зале суда в качестве официального представителя присутствовал заместитель директора школы по воспитательной работе. Других педагогов на процессе не было. Не пришла и классный руководитель Игоря Татьяна Глебовна. Ограничилась куцыми, в полстранички, характеристиками. Не пришли и одноклассники. Это меня удивило. Еще в сентябре, за полгода до суда, в школе разбиралось персональное дело двух учеников восьмого «Б» класса, Михаила Шмырева и Игоря Прохорова.

То дело тоже сродни уголовному: избиение одноклассника. Жестокое и на первый взгляд безмотивное. Жертвой Шмыря и Вашего сына стал тогда хороший ученик Толя К. Татьяна Глебовна, характеризуя его, не скупилась на добрые слова. «Учится без троек, занимается в музыкальной школе, комсомольский активист».

В этом-то и заключался мотив физического оскорбления. Хулиганы ненавидят дисциплинированных ребят подоспелательно. Хорошая учеба и общественная активность пробуждают в агрессивных разгильдяях мстительные инстинкты.

После того избиения класс окончательно отвернулся от Михаила и Игоря.

Вернемся снова к суду. Самого пострадавшего не было в зале. Телесные повреждения, нанесенные ему подростками, вызвали серьезное расстройство здоровья. Две недели Шаров лечился в стационаре. Через месяц после выписки у него открылась язва. «На нервной почве», — констатировали врачи. Во время процесса он снова лежал в больнице.

Удивительно схожими, словно отпечатанными под копирку выглядели показания подсудимых. Разительно отличался от них рассказ главной обвинительницы — жены пострадавшего.

— После выпивки мы решили немного прогуляться, — излагал Шмырев. — Шли спокойной, никому не мешали.

— Часов в девять мы с мужем вышли подышать перед сном свежим воздухом, — рассказывала Шарова. — Вскоре услышали, а потом увидели группу безобразничающих подростков. Они орали, дико хохотали, палками били по кустам.

— Мы свернули к подъезду, — показывал уже Ваш сын. — На крыльце стали с Токаревым возиться, бороться. Я случайно задел стекло в двери подъезда, оно разбилось.

Шарова. Подростки свернули к подъезду, начали тарабанить в дверь, полетели стекла.

— Мужчина сделал нам замечание, и мы сразу разбежались, — утверждали в один голос обвиняемые.

Шарова. «Ребята! Как вы себя веде-

те? Разве можно так хулиганить?» — обратилась я к ним, когда мы поравнялись. В ответ кто-то крикнул: «Топай отсюда, старая дура!» Другой добавил слова, которые я не могу повторить... Тогда муж пообещал поймать его и отвести к родителям.

— Мужчина побежал за Шариковым и схватил его. Мы думали, он будет его бить, и хотели защитить.

Шарова. Муж и парни побежали. Я отстала...

О том, что произошло, когда погоня закончилась, Вы, Сергей Гаврилович, должно быть, догадываетесь. Но как произошло избиение, знать не можете. Вполне допускаю, что и не хотите. Но я все-таки скажу Вам об этом чуть пониже, только соберусь с духом. Думаю, знать это Вам необходимо, чтобы в полной мере осознать преступление сына.

Насколько мне известно (со слов Вашей жены, учителей и ребят), у Вас с Игорем уже давно не существовало духовной близости. В шахматы Вы перестали играть с ним в пятом классе, примерно к этому времени относится Ваша последняя совместная прогулка в парк. Я хорошо представляю, как духовное отчуждение, разрастаясь в пропасть непонимания и вражды, становится неизбежным в семьях, где горе-отцы, слышущие в народе «алкашами», напроочь уничтожают в себе родственные чувства. Но Вы-то, Вы! Человек с высшим образованием, главный специалист крупного завода, ведущий трезвый, размеренный образ жизни. Как Вы допустили, что единственный сын совершенно перестал считаться с Вами?

Как журналист, я не раз встречался с семьями, где воспитание детей для отцов стало тяжелой обузой. Немужское, мол, это занятие — и все тут! Но даже в таких семьях установка мужчин резко менялась, когда появлялся повод для тревоги. Вы же умудрялись абстрагироваться и от докучливых сигналов школы и от того тревожного факта, коим, по моему разумению, явилась постанова Игоря на учет в милиции. Произозшло это за полтора года до рокового зимнего вечера, и тоже была драка. С тем же Шмыревым они тогда только начинали пробовать силы на слабых, безобидных ребятах.

Валентина Кузьминична, Ваша супруга, сидела в зале. Кругом потоками лились слезы. Этим, кстати, и отличаются судебные процессы над несовершеннолетними. Плачут родные, знакомые, нередко рыдают и сами бывшие «короли микрорайонов», трепещущие перед неминуемой расплатой за пакостные делишки.

Жена Ваша, однако, не плакала. Тяжелым, горьким, но, уверен, не неожиданным явился для Валентины Кузьминичны этот процесс. Что вспомнила она, сидя в зале суда?

До четвертого класса Игорь учился неплохо. Может, это и усыпило родительскую бдительность? Но, как призналась Валентина Кузьминична, собой мальчик был все же недоволен. Ему всегда хотелось стать смелым, решительным, умеющим постоять за себя.

Законное желание для двенадцатилетнего подростка, не правда ли? Каждому мальчишке свойственны подобные настроения. Но от «хочу» до «могу» приличная дистанция. Необходимо закалять душу и тело, заниматься спортом. Помог отец сыну в этом? Нет, даже не пытался.

Что же оставалось Игорю? Только одно: найти подходящего поводыря на стороне. И он нашел. Мишку Шмырева. Три года неразлучной связкой шли они к жестокому преступлению.

Чем привлек Игоря Шмырев? Той самой смелостью и независимостью образа жизни, которых он не ощущал в себе. Родительские указания для Шмырева

не существовали еще с дошкольного возраста. Гулял сколько душе угодно. В кино начал ходить самостоятельно со второго класса. В четвертом со взрослыми парнями начал здороваться за руку, на равных.

С восхищением наблюдал Игорь, как Мишка держит себя со старшеклассниками. Мог отбить, послать куда подальше любого из десятиклассников. А те, наоборот, Шмыря с уважением протягивали руку. Знали, что за Мишкой, если свистнет, сразу стенка выстроится. Брата посадили, так друзья остались, в обиду не дадут.

Вот такого «наставника» выбрал Игорь. Чтобы изжить в себе ненавидимые черты маменькиного сынка — робость, нерешительность, трусость. В двенадцать лет легко спутать смелость и наглость, независимость и разболтанность, дружбу и круговую поруку.

Кто должен был открыть Игорю истинное обличье нового «друга»? Полагаю, что Вы, Сергей Гаврилович. Но Вы вряд ли даже знали в лицо Шмырева.

Валентина Кузьминична, увидев его однажды, заявила категорически: «Чтобы я этого уличного мальчишку больше не видела!» Этот приказ Игорь выполнил. В квартиру Мишку больше не приводил, да тот и сам не хотел заходить, ощутив холодный прием. А вот второй приказ: «И не смей дружить с ним!» — который Валентина Кузьминична отдала сыну, тот просто проигнорировал.

Может быть, Сергей Гаврилович, у Вас возникнет вопрос, почему я обращаюсь с открытым письмом к Вам, а не к отцу Михаила Шмырева. Ведь Игорь вроде бы только шел на поводу, а заводилой, инициатором в компании был Шмырь. Объясню.

Разительно отлична семья Шмыревых от Вашей. Правда, только внешне. Мать шумная, говорливая, не сомневающаяся в правоте собственных суждений. Отец Михаила тщедушный, тихий. То ли для храбрости, то ли по ежедневной привычке перед нашей встречей принял хорошую дозу спиртного. Обижался на сына: совсем от рук отбился, огрызается, а то и кулаками замахивается. О воспитательных способностях жены отзывался критически.

Вашему Игорю повезло несравненно больше. Уверен, что материнской заботой и нежностью Валентина Кузьминична одарила его в детстве с лихвой. А вот Вы, Сергей Гаврилович, простите уж за такое откровение, при всей Вашей внешней респектабельности очень похожи на отца Михаила. Ведь Вы так же, как и он, не смогли стать для сына сколько-нибудь достойным примером. Нет и речи о подлинном родительском авторитете.

Во всем же остальном Вы как будто другое дело. И ума, и образования, и умения трудиться Вам отпущено полной мерой. Тогда почему Вы не убергли сына от пагубного пути? Задумайтесь: почему классически «трудная» семья Шмыревых и не менее классически «благополучная» семья Прохоровых, Ваша семья, вырастили, по сути, одинаково запущенных и распушенных детей?

А теперь снова давайте вернемся в небольшой зал суда, где дело подошло к кульминационной точке. Помните, мы расстались на том, что случайный прохожий, защищая доброе имя жены, посоветовал пьяной компании выбирать выражения. А затем решил поймать сквернословия и отвести его к родителям.

Мужчина побежал за одним, остальные ринулись следом. Посредине этой стаи летел Ваш сын Игорь. Полгода назад на замечание заместителя директора школы по воспитательной работе он ответил: «Ты у нас дождешься». Эта угроза была адресована не только учителю. Она касалась всякого, кто осмелится пресечь замашки хулиганской

компании: творить, что вздумается, вести себя, как заблагорассудится.

В тот зимний вечер на дикую вольницу Шмыря и К^о посягнул молодой, но крепкий, уверенный в себе мужчина, бывший десантник, по фамилии Шаров. И он «дождался».

Знаете, Сергей Гаврилович, я не могу забыть момента суда, когда жена пострадавшего дошла в своем рассказе до страшной погони. Голос ее задрожал и прервался. В зале тишина стояла совершенно мертвая. Стихи даже уличные «кореша» подсудимых, занявшие несколько задних рядов.

— Как они его били!.. В страшном сне такое не увидишь. Муж лежал на снегу, а они пинали его ногами с размаху и все старались попасть по лицу, по голове...

Превратить голову человека в футбольный мяч могут только отпетые изуверы. На несколько минут ими стали Шмырев с друзьями, среди которых едва ли не ближайшим был Игорь Прохоров.

Судья спрашивал каждого подсудимого:

— Вы же видели, что бить Шарикова мужчина не собирался. Зачем же напали на незнакомого человека?

Ни один не сказал правды. Они оказались неспособными на чистосердечное признание и осознание своей вины.

Что ж, теперь, Сергей Гаврилович, Вы знаете все. И я надеюсь, что мое письмо заставит Вас серьезно задуматься о судьбе сына. Пятнадцать лет назад начал работать секундомер, отмерявший время до преступления. Вы оставили Игоря одного в детстве и не сумели (вряд ли и пытались всерьез) найти тропинку к его душе в годы отрочества. Не поддержали его и в годы переломного, «опасного» возраста, когда подростку так необходима отцовская рука, доброе слово, благородный пример. Природа не терпит пустоты, и Ваше законное место открывателя сыну красоты мира и духовных богатств заняли случайные люди. Преступление Игоря стало закономерным финишем вашего отцовского отступничества от сына.

Но финиш этот промежуточный. Пройдет два года, на которые Игорь лишен свободы. Неизвестно каким — лучше или хуже, — но сын, несомненно, вернется домой, в свою семью. Ведь ему будет только семнадцать...

Чем Вы его встретите? Упреками и презрением; дескать, подвел семью, уронил фамильную честь? Или сумеете увидеть, оценить и осмыслить и свою долю вины в преступлении?

Нередко слышишь: какие порядочные родители и такой подонок сын. Лично я мало верю в такой расклад. Если сын растет никудышным гражданином, значит, виноваты родители, и в первую очередь отец.

К чему мне хочется Вас призвать? К большой духовной работе, имеющей точный азимут: вот мои ошибки, мои упущения, мое уклонение от долга и назначения отца. Если хотите вернуть сына к честной, нормальной жизни.

Возможно ли это? Думаю, да. Я оптимист по натуре и считаю, что на человеке никогда нельзя ставить крест. (Тем более что речь идет больше о Вас, чем о сыне. Ясно, что в пятнадцать — семнадцать измениться легче, чем в сорок.)

Любовь к ближним. Вот в чем часто спасение для оступившихся. Есть ли у Вашего Игоря это святое чувство к дому, к матери, к Вам, Сергей Гаврилович? Изначально оно, конечно, было. Но сколько его осталось на сегодняшний день? И сколько деликатных усилий Вам предстоит сделать, чтобы из тлеющих под пеплом угольков раздуть спасительное пламя?

Чужой боли, чужого страдания Игорь, увы, не чувствует напроць. Иначе бы не стал участвовать в погоне, не

смог бы «ударить два раза рукой».

Спустя месяц после преступления, когда шло следствие и обвиняемые до суда гуляли на свободе, я спросил Шмырева и Прохорова:

— Прошло достаточно времени после того вечера, когда вы совершили преступление. Наверное, вы думали о содеянном, пытались разобраться, почему так вышло? Скажите: случайно все это получилось или нет?

— Конечно, случайно, — без секунды колебания ответил Михаил. Помнится, такой же случайностью он объяснял осуждение брата: «Все сбежали, а он попался».

— Не стал бы придираться, мы бы не полезли, — сказал Игорь.

Я смотрел на угрюмое скуластое лицо Шмырева, на Вашего сына и не видел в их глазах ни тени раскаяния. Кровавый кошмар того вечера для них словно не существовал.

Можно много говорить о корнях так называемых безмотивных преступлений. Тех, когда подростки калечат человека, не зная даже его имени. Может быть, Вам пригодятся мои размышления на этот счет.

Коротко они заключаются в том, что развитие несовершеннолетних правонарушителей идет внутри порочного круга. Одна половина этой ловушки — враждебность к миру взрослых, отсутствие дорогих людей даже среди близких. Виноваты в этом, конечно, в первую очередь родители, не давшие своим детям тепла, ласки, доброты.

Вторая сторона — девальвация собственного достоинства. Как это происходит? Тоже длительный, пагубный процесс. Множество упреков, замечаний, выговоров и прочих чувствительных уколов в самолюбие получают «трудные» подростки. Месяц за месяцем, год за годом. Конечно, не сразу, но вдрог признают ребята свою второсортность. Сопротивляются, и еще как!

Бравада, грубость, дерзость — вот их защитная реакция. Любой ценой подростки пытаются поддержать свое достоинство. Но это внешне. Внутреннее самосознание уже давно отравлено баццллами неверия в себя. Такой подросток не ставит перед собой высоких целей, не стремится достичь успехов ни в учебе, ни в спорте, ни в самостоятельности... На мой вопрос: «Кем ты себя представляешь во взрослой жизни? Чему хочешь учиться?» — Шмырев пожал плечами: «Восемь бы кончить». Ни мечты, ни серьезных раздумий о будущем.

Порочный круг замкнулся. Некого любить и уважать вокруг. Пусто и внутри. Откуда же взяться чуткости, доброте, состраданию? Тем чувствам, которые встают неодолимой преградой перед посягательством на чужую жизнь, делают невозможными преступления у нормальных людей.

«Безмотивные» жестокости совершают шмыревы и прохоровы, развитие которых до скамьи подсудимых произошло внутри очерченного круга. При Вашем безвольном участии, Сергей Гаврилович, сын попал в эту ловушку. Вы в крупном долгу перед ним и, на мой взгляд, не имеете права жить спокойно, пока не поможете Игорю обрести полноценное человеческое достоинство.

...Я сидел в зале суда недалеко от жены потерпевшего. Сзади расположились родные подсудимых. «Ребята я могу простить, родителей не прощу никогда», — несколько раз на разные лады повторила Шарова. Пусть эти слова надолго лишат Вас спокойствия, Сергей Гаврилович. Вам предстоит длительная, трудная душевная работа. Желаю Вам в ней стойкости, самоотверженности и успеха.

Владимир ПОПОВ,
специальный
корреспондент «Смены»

РАЗЛИВ КЛЯЗЬМЫ.

Татьяна МАВРИНА, лауреат Государственной премии СССР:

СКАЗКИ ГО

Я родилась в старинном русском городе. Стоит он на междуречье Оки и Волги. Обилие воды, гор, оврагов, дождей... Вечный зимний иней от дыхания двух рек; старинный кремль XVI века; по горе — исторические места...

Я росла в учительской семье. Отец, сам педагог, прекрасно понимал, что «народная педагогика» плохому не научит. Нам, детям, с ранних лет покупали на нижегородских ярмарках и базарах народные игрушки, читали и рассказывали сказки.

Когда-то, как я думала в детстве, до людей, жили здесь друзья Соловья-разбойника — птица «Скворец» с семьюдесятью сыновьями и колдун, тоже птица, — «Дятел». Колдуна тут и похоронили, отсюда и сохранилось название гор — «Дятловы». Был этот колдун и предсказатель вроде Дельфийского ораку-

БРЫКОВЫ ГОРЫ.

КОВЕР-САМОЛЕТ.

ла. Он предсказал, что будет на этих горах построен каменный город. Так оно и случилось в 1221 году — стал город Нижний Новгород пограничной крепостью, это я узнала уже потом из книг.

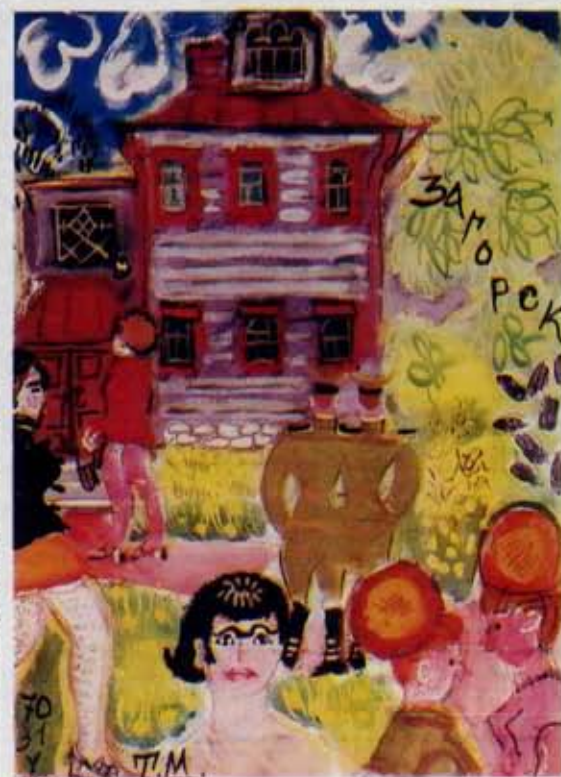
Подле дятлов и скворцов и жить как-то веселее; и веселее с этих «Дятловых гор» глядеть, как белая вода Оки вливается в желтую Волгу; и каждую весну любоваться ледоходом на реках... Лед часто трескался, и очень громко, на виду у толпы любопытных на берегу. «Река пошла!» — так у нас говорили. Лыдины

еще плывут, а через бескрайнюю реку буксирный пароход уже тащит паром, полный людей и лошадей.

Переправиться в такие дни через реку с «зимними» извозчиками, разъезжающими по своим деревням вместе с густым конским запахом, было самым любимым весенним приключением. Еще рискованнее — искупаться в мутной ледяной воде половодья. А придет лето — парусная лодка, алебастровые крутые берега Оки. Ежевика и черная смородина...

С Нижегородского Откоса, с высокого, почти отвес-

ного берега реки, по которому напрямик и спуститься трудно, с Верхней Набережной или с Венца, с Гребешка, с самой высокой Часовой горы, где кремль, всегда очень заманчиво глядеть на далекие заливные луга, а весной на разливанное море до самого села Бор, до лесов: керженских, чернораменных, ветлужских — так мы их называли. В половодье, когда переезжали на пароме бескрайние воды со льдом, бьющим о борта баржи, вылезали в грязь и дичь; до лесов идти было еще далеко и страшновато. Мы их «населяли» нестеровскими девицами в черных сарафанах. Белые платки вроспужку на спине. Летом даже

ЗАГОРСК. ВЕСНА.

РОДЕЦКИЕ МОИ

сами так повязывались. Называлось: «по-татарски», «по-скитски». А в лесах — скиты (маленькие деревянные городки) и игрушки. Скитов уже к тому времени, конечно, не было, а игрушки — семеновские и городецкие кони, упряжки — привозили оттуда, из-за Волги, зимой на Крещенскую ярмарку в Нижний. Всегда мороз. Всегда иней на Нижнем Базаре — так называлась улица внизу вдоль Волги. Выпряженные лошади в белых иголках, от инея пар стоит, кучи сена и навоза. У мужиков на усах сосульки, а брови, даже ресницы — белые, мохнатые.

Продавали всего много. Крытые холстом прилавки с яркими сладостями, кренделями, желтый или малиновый лимонад в больших графинообразных бутылках... Развал игрушек. Можно выбирать, пока не окончатся. Кони, бирюльки, ложки, желтые домики, мельницы... «пестро, красно кругом».

Вот первые вехи моей жизни. Я была уже художником и в те ранние годы...

В юности любила Врубеля, а еще раньше очень нравился В. Васнецов. Чтобы увидеть его знаменитых «Трех богатырей», тайком от родных уехала в Москву. В моем дневнике тех лет осталась запись: «Ехала, стоя в тамбуре всю ночь. Утром в Москве. Курский вокзал, торгуют ночными фиалками — большая редкость в Н. Новгороде. Очень много народа в трамваях. Извозчики и машины. Третьяковка в этот день закрыта. «Трех богатырей» и «Демона» Врубеля не увидела. Ночевать негде. Вечером уехала обратно».

В 1921 году переехала окончательно в Москву и поступила в Высшие художественные мастерские (ВХУТЕМАС). Училище находилось на Мясницкой, ныне улица Кирова.

За окном — громадные узорные кресты церкви Флора и Лавра, а в мастерских — гипсы, рыцарские латы. Так все было ново, интересно... На подготовительном отделении преподавали Синезубов и Крымов — художники очень различные по своему направлению. А потом — мастерские Федорова и Фалька. В мастерских ВХУТЕМАСа можно было писать целыми днями, пока не стемнеет. Учителя же не притесняли, не навязывали свое видение.

А еще многому можно было научиться в галереях — собраниях западной живописи — Морозовской и Щукинской и, конечно, в Третьяковке, особенно в отделе иконописи...

В 30-е годы много работала в Подмоскovie. Писала портреты, пейзажи, жанровые сценки. С 1936 года увлеклась работой над иллюстрациями к произведениям любимых мною Лермонтова, Бальзака, Анатоля Франса, Гофмана. Иллюстрации чаще всего исполняла пером и тушью на влажной бумаге.

После окончания ВХУТЕМАСа выступала со своими работами в группе «13». Художники этого объединения стремились в своих работах легко и быстро воспроизводить мимолетное событие, сценку, образ. Беглый набросок утверждался как законченное художественное произведение. Подобный метод в определенной мере развивал зрительную память, обострял и тренировал наблюдательность. Позднее, во время войны, эти навыки во многом помогли мне делать в поездках по «райгородам» беглые рисунки-наброски.

«Любить старинную архитектуру мы стали после издания Грабаря» — так еще в 1912 году сказал Билибин на съезде художников в Петрограде.

В мой «жизненный состав» любовь к старине пришла тоже из издания Грабаря. А потом этому научила война, когда погибали один за другим северные храмы. В Москве я ходила и, если удавалось, ездила по дальним и ближним улицам — рисовала, запоминала, может, впервые, разглядывала шатровые колокольни, причудливые пятиглавки, стены и башни. «Не подвело мои глаза чутье. Сказало им, куда глядеть»...

Война меня застала в Загорске. По воле судьбы я как бы встретилась здесь со своим детством — с городецкой живописью; второй раз влюбилась в ее праздничную нарядность и поняла своей нижегородской памятью, как можно по-иному, не по-

вхутемасовски смотреть на все веселыми глазами заволжских кустарей; изображать не натюрморты, а жизнь саму по себе, как она течет и утечет бесследно, если ее не зарисовать...

Наверное, потому, что Лавра так причудливо раскрашена, стоит на горке, на полгорке и под горой в овраге, напоминает Окские и Волжские откосы, она мне нравится больше других старинных городов и монастырей, и я с особым удовольствием рисую ее уже много лет подряд.

В одном очень давно прочитанном переводном романе одинокая старая женщина накрывала ежедневно на стол приборы всем умершим домочадцам и с ними разговаривала как с живыми. Мне в Загорске тоже хотелось накрывать приборы всем «предкам», дышать тем же воздухом, что и они; и видеть ту же красоту, что была сто, двести, триста лет назад. И в XVIII веке мог быть ярко-розовый платок на бабе или букет цветов на розовой, как пряник, башне — розовое на розовом; или остановится воз с сеном, где коня совсем и не видно, он вклеился в зеленую охру.

Надо думать, что в камни Сергиева Посада еще давно «вселился бес (веселый бес) и творил свои мечты». И голубые киоски и вывески не мешают их красоте. Эти две церковки Пятницкого монастыря стоят как сестрички в нарядных платьях: у одной красное, выложенное белой тесьмой, у другой белое с красной дотомканой вышивкой...

Лавру видно со всех сторон одинаково интересно. Она как бы на острове среди моря домиков, иногда очень замысловатых, с фундаментами иконостасов розового цвета, кирпичи в узор, и узор этот называется интересно: «бегунки», «поребрики». Чердаки красиво вырезаны на снежных крышах. Улицы по оврагам, заборы, огороды. Особенно я люблю разбегающиеся тропки и весь монастырь «вверх ногами» в тихом Келарском пруде. Какой-то «град Китеж» или «остров Буян». Невольно вспомнишь Пушкина, и захочется поблагодарить царевну Лебедь. Может, она все это сделала, заколдовала.

После войны мне захотелось посетить родные места. Наш пароход «бежал», как говорят волгари, «на низ». К концу третьего дня я видела городецкие ярко-белые домики, рассыпанные по горам в каком-то беспорядке за длинным затоном. Вечером все белое, как вырезанное, на сизом небе — это сверху, а на коричневых склонах еще белее. Вдоль по песчаному берегу далеко еще тянулся порядок очень тесно поставленных деревянных приволжских построек. Белые фундаменты, белые горбатые ворота. Все белое пятно на коричневом. Никакой — старинной архитектуры храмов, чудных провинциальных «ампиров», как в некоторых старых городах, где что ни постройка, то затея, издали видно что-то особенное, сделанное неспроста. Тут все домики — не дома, а домики, чаще деревянные, более или менее одноэтажные. Средняя Волга. Городец — городок любопытный и своей историей и промыслами. С парохода не видны узоры на домах, чем он так славен, а только приманчивое расположение улиц. Сумерки. Бакенцики вез фонари в лодке. Прошел пал колесами старомодный буксир — совсем с картинок городецких художников, и дым похож, вроде нарисованного, кольцами.

Наш пароход здесь не останавливался. А надо бы сойти, посмотреть все вблизи, походить по кривулям-улицам. Найти знаменитые деревни Курцево и Косково, где жили мужики-художники Мазин и Краснояр, написавшие в 1935 году не на донцах и не на досках, а просто на листках бумаги совсем взбаламутившие меня свои пышные «застолья», «тройки», «чаепития с хозяйством». Нарисовали они их для художника И. И. Овешкова, инструктора по промыслам. Он привез эти листы к себе в Загорск, где мы в 1941 году ими восхищались и любовались...

В 41-м среди чудесной загорской пестроты и красоты (несмотря на войну, ведь все равно назло всему на свете башни стояли ярко-розовые, старинные храмы — умопомрачительно прекрасные) впервые увиденные картинки городецких художников были все тем же чудом.

Я тогда еще задумала рано или поздно осуществить издание этой нижегородской живописи. Пусть «Ре-

месленники» поучат нас, художников, как совсем по-иному можно распоряжаться красками. Пусть все увидят добротную деревенскую живопись.

Тогда я, воспитанная «на французях», была очарована совсем другой, неведомой мне техникой, совсем другим способом «крашения», дающим большой звук. Без неясностей, спадов и подъемов, при экономной палитре. Очень умеренное введение графики, «обнажение приема», то есть все ясно видно, как написано, не спрятаны концы в воду, единые темпы для всего: «личного» — лицо, руки, фигура и «доли-ного» — всего остального, где всегда допускалось, по неписанным правилам, больше вольностей, чем в иконах. Тут все однозначно — на уровне законов современной живописи. Вещай их хоть рядом с Матиссом или Пикассо — не пропадут. А лучше всего поглядеть бы на городецкие донца в Третьяковской галерее, в соседстве с иконами или поближе к передвижникам, к изображениям тех самых мужиков, которые наводили однажды весь этот край совершенно своеобразной живописью.

Я не успела срисовать, а может, просто не хватило бумаги, самый интересный из листов Овешкова — «Чаепитие с хозяйством», где семья за самоваром, а по бокам вся домашняя скотина. Сложная, бытовая, немножко нелепая и трогательная сцена. Такие темы писали часто, но до нас почти ничего не дошло. Потому мне жалко ту несрисованную картинку.

Мне эти городецкие листы очень пришлось по душе и своим «весельством», как будто у них всегда «мундирный день» — праздник, «толстотрапезная гостеба». Я просто в них влюбилась, вспоминая свое детство и весь наш край...

Голубое ярчайшее небо до самого Горького, кое-где совсем малиновые от весеннего солнца полоски снега. Реки еще со льдом, и всюду грачи...

Сто лет назад (а я все прикидываю, как тут было, когда цвела городецкая живопись) в затоне стояли пароходные первенцы с величественными названиями: «Самсон», «Амазонка», «Воевода». Дымогарные трубы выкрашены в разный цвет, у каждого судовладельца свой. Дымы, наверно, сизыми кольцатыми полосами стелились по всей Нижней Слободе Городецка. У кого труба пониже, у того и дым пожиже. В семидесятых годах прошлого века в ярмарочное время Оку и Волгу около Н. Новгорода загружали суда, сверху донизу размалеванные радужными красками, украшенные флагами с картинками вроде «Похищения Прозерпины», «Прогулки Нептуна с огромной свитой nereид и тритонов» или «Ловли Кита, бросающего огромный столб воды в лодку зверопромысловников». С подписями, наверно, одна другой занятнее...

Плыли по Волге разукрашенные баржи с парусами — апостольскими скатертями, как их называли бурлаки: лады, шитики, бархоты, расшивы с длинными носами, легкие на ходу гусянки — столько названий, что и не запомнишь. Расписным, изуродованным судам никто не удивлялся: сами их делали.

Поражал пароход. Его изображали на донцах и мочесниках то в «развернутом» виде, со всеми каютами — «казенками», с чудными подписями, то сжато и коротко, черной краской, с белым колесом и трехцветным флагом на мачте; а окна, из которых на него глядят, — ампириного образца, темно-синие с белыми рамами, где-то сади парохода, а впереди лишь волны да неизменные цветы и узор «тыканьем», изображающий все что угодно: «пространство», и «воздух», и просто бордюр. На одном донце с пароходом даже гордая надпись: «Красил мастер села Косково Степан Сундуков».

И мы любуемся и городецкими нарисованными пароходами и слоистым, выветренным деревом со старых судов, изрезанным сложно заплетенными ветками, в которых так складно живут львы и русалки — «фараонки», забывая об их нездешнем происхождении. Сто раз писали про льва с «расцветшим» хвостом, что он пришел в Заволжье с владимирских и суздальских соборов с первыми князьями, с первой косой и сохой, вроде «домового оберега», с кошками на новую квартиру. Царь зверей, когда-то эмблема царей, «недреманное око» средневековых «физиологов». Тут этот гривастый спесивый и важный лев добродушно ухмыляется, высунув язык. Лев прижился за Волгой. Изображался он часто. Резной — на судах, на лобовых досках избу, расписной — на рубелях, дегах.

Лев — это понятно, но откуда фараонка? Если сравнить висащих у меня на стене деревянных резных фараонков с волжских судов, которых так хочется поглядеть, с каменным, очень древним барельефом из Малой Азии, который я видела в каталоге Берлинского музея, то видно удивительное сходство. Тамшний «фараон» держит в поднятых руках зигзаг — символ воды, а мой — виноградную лозу. Тот же жест, очень похожие фигуры.

Коротко время, очень длинен путь. Но так же изумишься, встретив на мезенских пряхках коней с греческих ваз, а на северных вышивках иранских барсов. Тоже путь не близкий...

Пока я раздумывала, мы как-то незаметно, с поля на поле, въехали в город. Небо — все тем же ровным

голубым сатином до самой земли, по-весеннему; на пыльных холмах никакого снега. Не то деревня, не то город с узкими, путанными, извилистыми улицами вдоль реки, вверх и вниз — то, что я видела еще с парохода. Очень много автобусов и знаков запрета — трудно ехать. Мальчишки нам кричат: «Прытче едче!» А нам прытче не надо. Хочется разглядывать каждый дом, ворота, лабазы, двери, полукруглые чердачные окна, калитки, замысловатые карнизы, почтовый ящик на ножках среди площади, скворечницы в виде теремов. Дома — один, другой, третий — все разные и очень милые своей простотой. Женщины одеты пестро и ярко, по сегодняшней моде.

До сих пор наш край очень любит украшаться. Деревянная резьба на домах попадается редко, больше пропиленного деревянного кружева на подзорах и наличниках. И все ярко раскрашено, ярко — это еще мало, надо сказать: ярчайше раскрашено. А на печных трубах и водостоках целые железные терема: и белка и два коня, у кого — вазон, у кого — букет цветов. Чрезмерно для человека с тонким вкусом, а я смотрю с удовольствием, с детства привыкла.

Самая знаменитая городецкая тема — это вороной конь и всадник, не то военный, не то какой-то «франт Игнашка, что ни год, то рубашка». Салоги с большим каблучком, пишут его легко, без натуги, черной краской. Как пословица или поговорка веками отточена, так и этот конь отшлифован, отработан без лишних слов и деталей, любовно, сжато, и изящно, и грубовато, по-мужичьи. С поджатой очень выразительным крючком ногой, змеино-лебединой шеей, иногда щучьей какой-то мордой. Их длинные ноги — неведомо где копыта, где бабки, где колена — живут. Об анатомии говорить не приходится. Но все эти черные крючки убедительней, по моему мнению, правильно нарисованных конских ног. Глаз — белая спираль или круг, сбруя — точками, волнистый хвост стелется по земле. Так и хочется его назвать «златогривым конем» из сказки, но гривы золотой нет (даже в сцене Ивана-царевича с серым волком). Обычно ее делали скупыми белыми штришками. Конь-солнце с солнцеподобной, веером поднятой гривой бывает лишь на более ранних инкрустированных донцах: ноги в стремительном беге — во все четыре стороны, как на детских рисунках. Живописный конь почти всегда вороной, как весенний грач на снегу. И этих коней так много, будто здешние мастера не лесные жители, а степные наездники, и конь для них — все. Вспомнить, вскормить, на коня посадить — так говорили в старину...

...На прощание мы ходили по очень древним городским валам с песчаными осыпями — любопытствующие шататели. Когда-то валы для прочности засадили соснами. Выросли они громадные, драконовидные, с искроченными ветром оранжевыми стволами. «А были и «крестовые» — целый лес».

Это меня заинтересовало — не по одному же расположению ветвей такое название! Уже дома я прочитала, что внутри валов было не то болото, не то пруд, а раньше Свято- или Светлоозеро на месте ушедшего под землю монастыря — «провалища». А «крестовые» сосны, росшие на этих валах, крестовые потому, что у их подножия крестили язычников. Они еще долго пользовались славой целебных. Поклонялись дереву и позже. В городецких донцах это поклонение дереву превратилось просто в «апофеоз» букета, потеряло всякое магическое значение, но живет с упорством народной песни или пословицы.

Одно с другим не спорит — исторические легенды, всегда поэтические народные вымыслы, рассказы «страны неправленных книг, скитов и пустынного жития» и дивная деревенская живопись, где нет и в помине лесных, легендарных тем, а все городское, заманчивое для сегодняшнего дня, редко видимое мастерами из заволжских лесов.

Богатые, фантастические букеты цветов, каких не найдешь на песчаной земле за Волгой. Птицы — не то голуби, не то райские, невиданной в жизни красоты вороньи кони, барские упряжки, купеческие пароходы, то дама в голубом кринолине с коромыслом и зелеными ведрами-ушатами, то молодцы преизрядные, или же залы, беседки, какие-то нарядные лестницы, посиделки — все веселое.

А кто людей веселит, за того свет стоит...

С 1945 года я работала над русскими сказками и сказками Пушкина в издательствах Москвы и Ленинграда. А в 1976 году Международный совет по детской и юношеской литературе наградил меня медалью Х. К. Андерсена «За международный вклад в дело иллюстрации детской книги». И по-прежнему чаще всего делаю сказки-воспоминания, свои детские радости — от них, от «скворцов» и «дятлов». Многим они кажутся сказочными, а я ведь делаю только то, что велят мне мои, уже теперь такие далекие волжские и окские берега.

Записала
Надежда ШАНИНА.

НА ПОЮ МОТИВ, СЕЛО РОДНОЕ

КЛУБ
«МУЗЫКА
С ТОБОЙ»

Владислав ШОШИН,
поэт,
доктор филологических наук

ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ

В журнале «Смена» опубликован диалог Евгения Осетрова и Владимира Лазарева «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?». Мысли, высказанные этими литераторами, существенны и актуальны. В самом деле, в последние годы рядом с музыкой возникла и все активнее отвоевывает себе жизненное пространство некая, по выражению участников диалога, «антимузыка».

В результате шкала эстетических ценностей утрачивает смысл: если прежде музыка выражала гармонию мироздания, то ныне «антимузыка» эту гармонию разрушает. Из друга музыка превращается в недруга. Помню, во время V съезда писателей РСФСР слова С. Михалкова о неблагополучии в области песни вывалили бурные аплодисменты заполненного зала Большого Кремлевского дворца. Потом в центральных газетах об этом же писал композитор А. Новиков и певица Л. Зыкина. Вот, однако, и ныне там.

Меня спросит: «Что вы конкретно предлагаете?» В «Литературной газете» есть рубрика «Если бы директором был я». Так вот, «если бы директором был я, то я собрал бы в Москве совещание с привлечением специалистов и пропагандистов музыки, писателей, музыкантов, работников культуры».

Не секрет, что в эфир нередко проникают ремесленники от песни. А с ними и такие поэты, чьи строки могут существовать только с музыкой, никакого самостоятельного значения не имея. Против таких деятелей в свое время прозорливо предостерегал еще мастер песни Михаил Исаковский.

Что делать с ремесленниками? И здесь я могу ответить. В Ленинграде, например, был конкурс на лучшую песню о Балтийском судостроительном заводе. Несколько работ было премировано. Авторы пожелали, чтобы их творения были исполнены по радио. Это, однако, оказалось невоз-

можным, ибо тексты были весьма несостоятельны. Почему они были одобрены? Да потому, что в жюри конкурса не было ни одного поэта.

Мысль, таким образом, возникает сама собой. Нужно усилить художественные советы при радиокомитетах и телевидении, ввести туда опытных и авторитетных мастеров. Они вполне могут, особенно в крупных центрах, рекомендовать для исполнения высокохудожественные вещи. Вот еще одно конкретное предложение.

Бесспорно, что с «антипеснями» бороться можно и нужно не диалогами и призываниями, а прежде всего песнями. Так задача отбора перерастает в задачу пропаганды. По плечу ли она нам? Разве можно ответить отрицательно? Но необходимы заинтересованность, добросовестность, принципиальность, целеустремленность, последовательность. Радио должно, на наш взгляд, не только повторять уже известные песни, а и почаще исполнять новые.

Но вот молодой талантливый композитор приносит на радио свое новое вокальное произведение. Худсовет в восторге. Песня исполняется немедленно. А затем... Затем ее кладут в долгие ящики фонотеки. Почему?

Очень хорошо, что в Москве создан совет по песне, но хотелось бы, чтобы он был более активен. Чтобы он принял на вооружение высказанные пожелания многих участников дискуссии в «Смене». Может быть, стоит провести широкое совещание в Москве по вопросам песни, с участием деятелей искусства и литературы различных регионов страны?

Вспомним первый съезд советских писателей. Ведь именно он в свое время дал толчок развитию песенного искусства. На обильный восторг после съезда конкурсе поступило более четырех тысяч песенных текстов, среди которых были «Конармейская» А. Суркова и «Партизан Железник» М. Голодного, сразу вошедшие в наш золотой фонд.

В нашей стране музыка, как и искусство вообще, принадлежит народу. Музыка и песня — составная и важная часть нашей идеологической работы. Заниматься этой работой надо квалифицированно, заинтересованно и последовательно, отстаивая гражданственность, художественность и высокий музыкальный вкус.

ВЕРНУТСЯ ЛИ В ПЕСНЮ
МЕЛОДИЯ И СМЫСЛ?

Читательская дискуссия

Несколько лет назад, выступив в телевизионном конкурсе «С песней по жизни», Надежда Чепрага получила приз за мастерство и телегеничность. Под «телегеничностью» подразумевалось, кроме внешнего обаяния, умение вести себя на сцене, манера держаться, а уж на этот счет у Чепраги существуют твердые принципы: «Стараюсь быть на сцене такой, какая есть. Зритель чувствует, когда ты скромна, а когда развязан. И я тоже моментально чувствую реакцию зрительного зала. Убеждена, что «мой» слушатель больше любит голос, образ песни, а не гимнастику на сцене».

Артистка избегает громкого музыкального сопровождения, грубых, форсированных звуков. Музыка ее песен — это радость, раздумье...

Певицу связывает многолетняя творческая дружба с народным артистом Молдавии, лауреатом Государственной премии республики композитором Евгением Догой, который впервые увидел ее на телеэкране в музыкальной передаче «Карусель». Широта диапазона голоса, манера исполнения, близкая к народной, словно согретая горячим солнцем, привлекли композитора. «Веселая свадьба», «Струны гитары», «Весна — ровесница любви», «Мне приснился шум дождя», «Человеческий голос»...

Трудолюбие и дисциплинированность дают ей возможность вести скрупулезный поиск выразительных средств на сцене, не улекаясь внешними исполнительскими эффектами.

А «способной девочкой» Надю считали еще в родном ее селе Распоены, где будущая артистка удивляла и радовала односельчан звучным, мелодичным «мурлыканьем», как называла это мама. Школьный учитель Петр Селиверстович Жемна обратил внимание на одиннадцатилетнюю певицу на одном из пионерских сборов в лесу, когда она запела у костра. С того вечера он стал заниматься с девочкой. Надя выступала в школьном ансамбле «Думбрэвица», участвовала в районных смотрах самодеятельности. Однако родители, колхозники, мечтали видеть ее не артисткой, а учительницей. После школы отправили дочку в Белцы поступать в педагогический институт... И тут Наде пришлось пойти на хитрость. Сообщив отцу, что она якобы провалилась в педагогический, девушка поехала в Кишинев и поступила в музыкальное училище имени Няги.

Там ей пришлось начинать с нуля. На первых порах сплошные огорчения! Ее голос, привыкший к свободе, к бескрайнему раздолью родных полей и гор, отказывался служить, повиноваться ей, уместяться в строгие ученические рамки... Но ее упорства хватило бы на десятерых.

И результаты неустанной работы сказались скоро: на фестивалях в Болгарии

и в ГДР, а затем в парижском зале «Олимпия», где юная певица была единственной самодельной исполнительницей среди других участников концерта. Став солисткой Молдавского радио и телевидения, Надежда выступала на Всемирных фестивалях молодежи и студентов в Берлине и Гаване, в Сопотском песенном конкурсе. И везде, где бы Чепрага ни пела за рубежом, после концертов ее окружали восторженные зрители: «Мы увидели и услышали настоящую Молдавию!»

Молдавская манера пения специфична, обладает рядом самобытных вокальных приемов, необычайно развитой импровизационной основой, разругим ритмом... Все это демонстрирует заслуженная артистка Молдавской ССР Надежда Чепрага. Теперь ее приглашают на песенные фестивали не только как участницу, но и как почетного гостя наряду с другими прославленными советскими певцами. Для нее пишут песни Пахмутова, Паулс, Теодорович, Мажуков, Амирханян...

Более всего волнует Чепрагу проблема оригинального репертуара. Своего. В связи с этим она нередко отказывается то от съемок в кино, то от участия в телепередачах. Не хочет и не может браться за все сразу. Не хочет торопиться, хотя и говорит о том, что у певицы короткий век. Но, по ее мнению, и за этот недлинный век все равно можно быстро надоесть, наскучить слушателю, если не обрести своего лица (или вдруг потерять его), не найти свою песню.

Она не спешит. Наверное, все-таки именно от своих односельчан переняла певица ту основательность и неспешность, благодаря которым — в немалой степени — ей по сию пору удается избежать штампа, этой опасности, которая угрожает популярным исполнителям. Неспешность, взвешенность не только в выборе произведения, но в исполнении его помогают певице придать любому сочинению (даже если оно не новое) свежесть, возратить первоизданность. А песня, написанная специально для Чепраги, неизбежно становится как бы ее собственной, неотделимой от певицы, ее голоса, всего облика.

Она не спешит. А надр так много успеть!

— Пробую сама писать музыку. Особенно тянет сесть за фортепиано, когда слушаешь блеклых, неинтересных песен...

Одно из недавних сочинений артистки — песня «В краю родном» — пользуется популярностью в Молдавии, ее поют и профессиональные и самодеятельные певцы, она победила на нескольких республиканских песенных конкурсах.

— Не дает мне покоя мечта, — говорит Надежда, — организовать этнографический ансамбль, театр народной песни. В поездках по республике я собрала десятки забытых песен. Считаю, что любой — самый современный — эстрадный певец не имеет права отрывать от корней, от народного искусства.

Виталий КРЕТОВ,
руководитель ансамбля
«Лейся, песня»

**ЛЮБИТЕЛЬ МУЗЫКИ
РАССУДИТ**

Не будет преувеличением сказать, что основу молодежной популярной музыки составляют вокально-инструментальные ансамбли и что именно они пользуются преимущественным вниманием у молодежи. Ведь когда в конце шестидесятых годов появились первые коллективы нового музыкального направления, стало ясно, что именно молодежь, которая остро реагирует на все новое, станет той многомиллионной армией слушателей, которая обеспечит развитие этого жанра.

Несложность жанра ВИА — незамысловатые мелодии, простота гармонических ходов, когда слушатели могли сразу же после концерта подобрать понравившиеся песни, сиюминутная напевность и теплота — все это в начале шестидесятых годов обеспечило успех ВИА. Но через несколько лет стали заметны и недостатки — слепое копирование друг друга. Появились кочующие из коллектива в коллектив затасканные мелодии, часто весьма банальные штампы. Появилась беспомощность в создании интересных и оригинальных программ. Добавим к этому и невыразительные тексты, либо плоско юмористические, либо сентиментально-псевдолирические («Ты не пришла, ла-ла, и небо облака закрыли...»). Происходило обесценивание чувств, эмоций, мыслей. И долгие годы «облачно-телефонный» мир ВИА оставался неизменным...

На фоне «буксующих» вокально-инструментальных ансамблей внимание стали привлекать музыкальные коллективы нового поколения — группы, которые еще совсем недавно развивались параллельно с ВИА, но в самодеятельности. Однако в начале восьмидесятых они все чаще стали выходить на профессиональную сцену. Резкая, созвучная ритмике нашего времени музыка, часто опирающаяся на традиции классической и современ-

ной симфонической музыки, джаза, высокий инструментальный уровень, привлекала внимание многих слушателей. Но и эти коллективы не смогли избежать излишней дидактичности в текстах песен и неумеренного пользования световыми и шумовыми эффектами, чрезмерной громкости, порой совершенно неоправданной...

Но их успех заставил многих ветеранов ВИА почувствовать необходимость перемен. Такие ансамбли, как «Веселые ребята» или «Самоцветы», смогли совершить рывок вперед в творческом отношении и занять промежуточное место между «защитами» ВИА и группами. Однако мне хотелось бы высказать мысль, что, по-моему, эти группы отнюдь не являются антиподом ВИА. Просто это новое поколение молодежных музыкальных групп, виток в развитии жанра популярной музыки. И этим вполне объясняется полноправное их положение в общем русле советской музыкальной эстрады.

Во многих дискуссиях слышится нарекание, что на концертах эстрадные группы злоупотребляют всевозможными эффектами: дымом, лазером, разноцветными многочисленными прожекторами. Многие считают, что подобной театральной атрибутикой не имеет смысла пользоваться. Думаю, что это не совсем так. Ведь искусство не может стоять на месте, оставаться в неизменных, застывших формах. Именно на стыке различных стилей и жанров искусства могут рождаться новые и оригинальные формы. Недавно, к примеру, был я на премьере новой программы Государственного ансамбля народного танца под руководством И. Моисеева. Это был тончайший, удивительнейший сплав хореографии и пантомимы, прекрасного актерского мастерства наших ведущих танцоров. А все праздничное зрелище дополняли колоритные костюмы, искусство «вписанные» в представление самые современные световые эффекты, в том числе и дым. Главное, чтобы эти эффекты были использованы с умением и подлинной выдумкой, тогда они не будут самоцелью, но одним из компонентов молодежного музыкального зрелища.

Как у любого из видов искусства, перед нашим жанром стоят творческие задачи — от серьезного разговора о самых актуальных проблемах современности до юмора, иронии. Одним словом, и развлекательная сторона отнюдь не чужда ВИА.

Дискуссия в «Смене» называется «Вернутся ли в песню мелодия и смысл?», и некоторые мнения мне кажутся неубедительными. Ведь душа песни — мелодия, и любой музыкант знает, что без мелодии песни нет. Другое дело, что некоторые сегодняшние песни как раз и привлекают своей яркой мелодикой, теплотой.

Кажется мне, что и смысл в сегодняшних песнях гораздо больше, чем в предыдущем десятилетии. Современные композиторы и исполнители активно работают в жанре современной политической песни — мы знаем много интересных работ антивоенного звучания, патриотической тематики, песен, где по-настоящему ярко и убедительно раскрывается тема солидарности молодежи в борьбе за мир, за гуманистические идеалы. Есть интересные песни и о поисках молодыми своего места в жизни (над одной из пластинок с такими мелодиями, «Это ты — наша молодость», недавно работал и наш ансамбль по приглашению фирмы грамзаписи «Мелодия»).

Все это наглядно показывает, что нашей молодежной музыке по силам самые серьезные задачи воспитания молодого поколения, если за любимой слушателями формой стоят серьезный смысл, талант композиторов и исполнителей, искренность, четкая гражданская позиция. К примеру, ансамбль «Лейся, песня» недавно выступал по линии дружбы в Демократической Республике Афганистан, где нашими слушателями были и солдаты нашего ограниченного контингента войск и молодежь дружественной страны. С одинаковым успехом принимали они и патриотическую песню «Родная земля», и антивоенный плакат «Нам нужен мир», и уже упоминавшуюся «Это ты — наша молодость». И каждый из этих серьезных номеров программы нашего коллектива имел неизменный успех. Мне хочется высказать мнение, что дальнейшее развитие нашего жанра — в интересах нашей молодежи, ее патриотического и эстетического воспитания, ее досуга. Молодежи, вносящей свой вклад в развитие нашего общества, молодежи, для которой должны работать все мы — артисты, исполнители советской популярной музыки.

**Берегите
тишину**

Меня возмущает и удивляет то, что за последние годы появилось много песен, которые только портят нервы. Что это за песни? Они монотонны, крикливы, никакой мелодии, зачастую назойливо повторяется одна и та же фраза много раз. За созданием песен нужен контроль со стороны настоящих мастеров музыки, а также и поэтов, мастеров песенного жанра.

Фаина АНТОНОВА,
д. Усвяты Смоленской обл.

**Песня и жизнь
неразрывны**

Мне 17 лет. Я родилась в семье, где любят и ценят хорошую песню. У нас сохранилось много пластинок с песнями 50—60-х годов. Некоторые из них я полюбила уже в трех-четырёхлетнем возрасте. Вряд ли я что-то тогда понимала, но очень любила их слушать и часто просила маму поставить песни в исполнении Р. Лоретти. Они до сих пор в моей памяти.

Сейчас колоссальное количество песен, которые исполняются бесчисленным количеством певцов и ансамблей. Но вот все ли песни достойны массового тиража? Отнюдь нет. Многие не запоминаются и не могут запомниться, ведь в них нет главного: мелодии и смысла, а у певцов часто нет нужного мастерства, чтобы помочь слушателю разобраться в «слепке» из слов и нот.

Часто приходится слышать: «Сейчас другое время».

И все же на вечерах и праздниках по-прежнему поются «Подмосковные вечера» и «Костры горят далекие», «Ой цветет калина» и «Если б гармошка умела» потому, что авторы этих песен ничего сверхъестественного не писали. Авторы выражали в своих песнях чувства, знакомые всем людям, ведь песня и жизнь неразрывны.

Людмила ЗАДОНСКИХ,
Новосибирск

ИГРАЕМ В СПРАВИНТЪ

Оставалось надеяться на телеграфный стиль Стаса. Я тоже настроился говорить в его манере, сжато, по возможности без эмоций. Что из этого получилось, видно из стенограммы нашей беседы.

СТАС. Угощайся.

Я. Благодарю, я сът.

СТАС. А я перекушу. Не обедал сегодня... (поедая бутерброды).

Что-то ты невеселый сегодня, а, Вальдемар? Нервничаете?

Я. Не вижу причин.

СТАС. Вот и я думаю, с чего бы это...

Я. Просто у меня мало времени.

СТАС. У тебя? Или у машинки, которая стрекочет в твоей сумке?

Я (после паузы). Нет у меня никакой машинки.

СТАС. Небось, еще на улице включил?

Я. Зачем ты меня позвал? Упражняться в остроумии?

СТАС. Куда мне. Шутник у нас ты... Между прочим, с Герасем тоже твоя шутка?

Я. При чем тут Герась?

СТАС. Я думал, ты мне расскажешь. Это не меня, а тебя видели здесь вчера в семь вечера.

Я. Ну и что? Горло зашел промочить. Разве запрещено?

СТАС. Да нет. Витек вон говорит, что вы вместе из бара вышли. А через десять минут Герася в морг увезли. Странное совпадение. Ты не находишь?

Я. В совпадениях всегда есть что-то странное. Не исключено, что в это же время где-то поблизости был ты или твои люди. Такое совпадение тоже вполне возможно.

СТАС. Вот ты как повернул? Резонно... Ты только не учел одной мелочи. Герась был моим человеком. Со всеми потрохами. Понял? Живой он был для меня полезней, чем мертвый. К тому же не меня, а тебя видели с ним последним. Витек на всякий случай записал адреса всех, кто был в «Страусе».

Я. Это все, что ты хотел мне сказать?

СТАС. А ты не горячись... (покончив с бутербродами). Кстати, когда будешь уходить, пленочку все-таки оставь. Она мне пригодится.

Я. Какую пленочку?

СТАС. Ту самую... (наливая в рюмки «Чинзано»). Боюсь, Вальдемар, ты плохо кончишь. Сначала Кузя. Вчера Герась. На твоем месте другой бы давно смотался отсюда. Рискованно работаешь... Впрочем, я это так, к слову—у каждого свой метод.

Я. Твой метод я уже изучил.

СТАС. Неужели?

Я. Представь себе. Не так уж это сложно.

СТАС. Особенно если тебе помогает такой трепач, как наш покойный друг. Ты это хотел сказать?

Я. Надеюсь, ему нашли замену, прежде чем убрать.

СТАС. Это ты мне?

Я. А то кому же?

СТАС. Ну ты даешь! Мне бы твои нервы. Повторяю: живым он был мне полезней.

Я. Еще бы, не самому же теперь торговать на «сходняке», унижаться из-за каждого червонца.

СТАС (неожиданно со злобой). Заткнись! Мой бизнес ничем не хуже твоего. Зато я не перехватчик, как некоторые!

Я. Не понял.

СТАС. Сейчас поймешь... (более миролюбиво, доливая в рюмки). Давай-ка лучше выпьем. Прозит!

Я. Прозит...

СТАС. ...Ну вот. Теперь можно переходить к деловой части. Ты обдумал мое предложение?

Я. Да.

СТАС. И что скажешь?

Я. В принципе я не против.

СТАС. Что значит в принципе?

Я. Это значит, я не против заплатить, но сначала хочу знать, за что выкладываю монету.

СТАС. За информацию, Вальдемар. За информация.

Я. Пустой номер. Я не плачу за информацию. Я в ней не нуждаюсь.

СТАС. Ты-то не нуждаешься. Но в ней нуждается кое-кто другой.

Я. Вот пусть другой и платит.

СТАС (напористо). Деньги заплатишь ты.

Я. Вопрос прежний: за что?

СТАС. Хотя бы за возможность дранануть отсюда.

Я. А с чего ты взял, что я хочу дранануть? Мне и здесь нравится: море, солнышко светит, друзья вот угощают...

СТАС. Не ломай комедию. Мне все известно.

Я. Неужели все? Уважаю людей, которым все известно.

СТАС. Выходит, ты ничего не понял. Я знаю, откуда у тебя валюта.

Я. Это уже серьезней. Откуда же?

СТАС. Из «Лотоса». Сказать, в чем она упакована?

Я. Попробуй.

СТАС. В парусиновые мешочки. Продолжать?

Я. Разумеется. Это страшно интересно.

СТАС. Это гораздо интересней, чем ты думаешь. Пятнадцатого вы с Кузей грабнули ресторан и валютный бар. Потом ты избавился от него и сейчас сбываешь выручку. Достаточно?

Я. Еще, если можно. И, пожалуйста, поподробней насчет моего участия в этом деле. Меня, правда, там не было, но это, как я понимаю, неважно.

СТАС. Все острить? Я предвидел и это возражение.

Я. Тем лучше.

СТАС. Дело с «Лотосом» одному не повернуть, а почему—ты знаешь лучше меня.

Я. Не вижу связи. Нельзя ли пояснее?

СТАС. Продолжайешь темнить? Ну-ну, слушай. Я перебрал всех возможных партнеров Кузи. Всех до единого. И понял, что с ним был кто-то, кого я не знаю. Когда встретил тебя, все стало на свои места.

Я. А свою кандидатуру ты случайно не забыл рассмотреть?

СТАС. Если бы в «Лотосе» был я, то сейчас нашел бы собеседника поумнее.

Я. Ого! Я ведь могу и обидеться.

СТАС. Ладно, извини. Я не со зла.

Я. Ты дерьмо. Был и останешься дерьмом. Извини, я тоже не со зла... Продолжим?

СТАС. За это ты тоже заплатишь.

Я. Я не заплачу тебе ни шиша. Всей твоей информации грош цена.

СТАС. Это почему?

Я. Потому, что я не знаю никакого «Лотоса», никогда там не был и никаких парусиновых мешочков в глаза не видел. Так что спасибо за содержательный разговор. Если у тебя все—я пойду.

СТАС. Счастливого пути. Один вопрос на прощание.

Я. Хоть десять.

СТАС. Когда звонишь по ноль-два, необязательно называть имя, не так ли?

Я. Ну?

СТАС. Тогда прими дружеский совет: не ходи на Приморскую. Там тебя будут ждать дяди с суровыми лицами. В аэропорту тоже. Ну и на вокзале, естественно. Если они спросят, где ты взял валюту—не теряйся. Скажи, что нашел... (вытаскивает из кармана «вечерку» и тычет пальцем в статью). На пляже. У санатория имени Буденного. Они поверят.

Я (после паузы). Что ж, может, ты и прав. Лучше, если валюту я продам тебе, всю, оптом.

СТАС. Слава богу, до него дошло!

Я. Я согласен сбросить в цене, если...

СТАС. Не сбросить. Отдать.

Я. Хорошо, пусть отдать, раз тебе так больше нравится. Я согласен отдать немного при условии...

СТАС. Без всяких условий. Ты отстегнешь мне две трети!

Я. Что?!

СТАС. Две трети от общей суммы.

Я. Ты в своем уме?!

СТАС. Успокойся. Я не сказал главного. Ваша с Кузей операция от первого и до последнего шага моя идея. А за идеи, дорогой Вальдемар, надо платить. Как видишь, я требую только

то, что принадлежит мне по справедливости.

Я. При чем тут ты? План разработал Сергей.

СТАС. Заблуждаешься. Это он тебе так сказал. План разработал я. А он его украл. И оставил меня с носом.

Я. Впервые об этом слышу.

СТАС. Я всегда подозревал, что наш тихоня ведет двойную игру. Теперь ты, надеюсь, в этом убедился?

Я. Лирика. Где доказательства?

СТАС. Я знаю каждый ваш шаг. Какие еще нужны доказательства?

Я. Чепуха, сказать можно все.

СТАС. Я предвидел и это твое возражение.

Я. Предупреждаю—поверю только фактам.

СТАС. Хорошо. Я назову одну деталь. И ты поймешь, что мне известно все остальное. Согласен?

Я. Говори.

СТАС. Английский замок. Ты открыл его изнутри. Я (после паузы, нерешительно). Предположим. И что дальше? (В это время в зале появился Витек.)

ВИТЕК. Шеф, извини, но его к телефону.

СТАС. Кого его?

ВИТЕК (кивая на меня). Его. Женский голос. Володу, говорит, очень нужен.

СТАС (поднимаясь из кресла). Ты не против, если трубку возьму я?

Я. Против.

СТАС. Вот и прекрасно. Скажу, что ты занят. А ты поразмысли, Вальдемар. Стоит ли упираться...

С этими словами он нырнул под стойку.

— У тебя есть сигареты?—спросил я у Витьки, оставшегося меня сторожить.

— Найдутся.

Он повернулся ко мне спиной, подошел к полке, достал блок сигарет, а я, не теряя ни секунды, запустил руку в сумку, остановил магнитофон и сменил кассету.

Все вышло, как планировалось. Нина позвонила с точностью до минуты. И хотя последовавшую за ее звонком паузу я предполагал использовать несколько иначе и снова поставить магнитофон на запись, делать этого не стал.

Витек кинул через стойку нераспечатанную пачку «Кемел» и спросил вполголоса:

— Ты не раздумал? Завтра принесут Грюндиг.

— Стерео?—в тон ему поинтересовался я.

— Стерео, стерео,—заверил бармен.—Значит, доворачивайся?

— Боюсь, ничего не выйдет. Кажется, я вылетел в трубу.

Он понизил голос до шепота:

— А ты не дрейфь, босс уступит. Обещай половину, он согласится. Куда ему деваться?

— Подслушивал?

— Тут акустика хорошая.—Он подмигнул игриво, и мне захотелось слегка подпортить ему настроение: нагубить или, скажем, дернуть за бабочку.

— Вчера сразу после Герася кто-нибудь выходил отсюда?

— Ты о чем?—растерялся он.

— О том парне, что здесь ошивался.

Ответить Витек не успел—в зал вернулся Стас. В полумраке—бар освещался одним фонарем, горевшим где-то позади стойки,—его лицо было похоже на большой плоский блин, в нижней части которого зияла щель, долженствовавшая изображать улыбку.

— Твоя звонила,—небрежным взмахом руки он отправил Витьку в подсобку.—Беспокоится. Просила передать, что ждет.

Стас опустился в кресло и закинул ногу за ногу. На нем были те же брюки, что и вчера, только штюпки видно не было.

— Ну что, Вальдемар, поразмыслил?—спросил он.

— Дай прийти в себя.—огрызнулся я.—Деньги не рыба, не протухнут.

— Ну-ну, шевели мозгами. Я не тороплю.

Обнадеженный моей покладистостью, он прямо-таки раздувался от самодовольства.

— Вчера, если помнишь, ты говорил, что я должен тебе доверять. Что у меня нет другого выхода. Дело, дорогой Вальдемар, не в выходе. Просто я тебя, вычислил. А вот у тебя выхода действительно нет. Ты парень тертый, должен соображать: твой отказ вынудит меня принять ответные меры. Один звонок, и через полчаса ты не выберешься из города и на подводной лодке. А еще через час, максимум через два тебя уже будут допрашивать в эмвэдэ. Ты потеряешь все. Все, до последнего цента. Ты хочешь все потерять?

— О двух третях не может быть и речи.—буркнул я.—Это наглый грабег.

— Понимаю, тебе обидно, но что делать? Мне, думаешь, не обидно было? Целый год вынашивать план, уговаривать этого мозгляка, а в итоге получить шиш...—Он мельком посмотрел на лежавшие передо мной сигареты.—Разве ты куришь?

— Только когда встречаюсь с вымогателями.—Я взял протянутые Стасом спички, прикурил и, не затягиваясь, выпустил дым.

— Две трети—это много,—повторил я.
— Много,—охотно согласился Стас.—Конечно, много. Но посуды сам. Если б не я, не видать вам этих денег как своих ушей. И потом, кто мне возместит убытки? Кто заплатит Кузины долги? Знаешь, сколько я в него вложил? Пять тысяч.

Я уловил чуть заметное колебание, с которым он назвал сумму долга, и возразил, чтобы подтвердить свою компетентность:

— Имей совесть! Откуда пять?

— Пусть не пять. Пусть три с половиной. Какая разница? А моральный ущерб? Кто мне возместит моральный ущерб? Кузя доил меня как хотел. Я ему ни в чем не отказывал. Давал по первому требованию. И вот благодарность. Украл идею, которой цены нет, обвел вокруг пальца...

Вчера я уже слышал нечто подобное из уст Витьки. Он тоже обвинял Кузнецова во всех смертных грехах, но не успел сказать, в чем, собственно, они заключаются. Стас восполнил этот пробел. Размягченный перспективой получить крупный куш, он утратил былую сдержанность и выкладывал все новые подробности:

— Предлагал ему как человеку. Обделаем дельце—выручку пополам. Фифти-фифти. Забирай свою долю и мотай на все четыре стороны. Хоть на Камчатку. Что его держало? Детей нет. С женой не клеилось. А с таким капиталом везде бы пристроился. Жил бы как король. Нет, отказывался, чистолю из себя строил. Тоже мне, шериф задрипанный. И так его умолячил и этак. Ни в какую. Тогда я ему условие поставил. Или долг отдавай, или соглашайся. И срок назначил—пятнадцатое. А он видишь что выкинул, идеалист наш! Кусок пожирней взять захотел. Сколько он тебе выделил?

Я не ответил, однако Стаса это не смутило.

— Не хочешь, не говори. И так ясно, что половина его не устраивала. Половину и я ему давал...—Он вздохнул.—Эх, Кузя! Жадность одрела. Послушал бы моего совета, может, до сих пор был бы жив...

— Письма на Приморскую ты писал?—спросил я.—С буквами из газет?

— Это так, каприз художника.—Он допил свой «Чинзано» и посмотрел на часы.—О, пора. Итак, дорогой Вальдемар, я весь внимание. Что скажешь? В свое время я сдавал экзамен по финансовому праву, но мой личный коммерческий опыт был слишком мал, чтобы тягаться с таким асом. Впрочем, в подобных сделках особенно больших знаний и не требуется.

— Двадцать процентов,—сказал я.

— Это несерьезно,—мгновенно отреагировал он.

— Двадцать, и ни одним больше.

— Однако ты скуп.

— И на том скажи спасибо. Замок-то все же я открывал, а не ты.

Очевидно, последняя реплика мне удалась: Стас перестал спорить и изменил тактику.

— Хорошо,—сказал он.—Есть другой вариант. Надеюсь, он тебе больше понравится. Слышал о таком понятии—файр плей?

— Честная игра,—перевел я.

— Вот именно. Я предлагаю тебе честную игру и не претендую на всю сумму. Я согласен ограничиться валютой. Она перейдет ко мне полностью. Все, что вы взяли в советских дензнаках, остается тебе. Ну как?

Это предложение только выглядело уступкой. Несомненно, оно и было тем единственным вариантом, на который он делал ставку с самого начала. Не вызвала сомнений и подоплека его «честной игры»: просто Стас не знал, какая часть выручки была в наших деньгах, понимал, что здесь его легко надуть, зато с моих собственных слов знал, сколько у меня валюты, и решил заполучить ее полностью. Он понимал и то, что я догадываюсь об этом, и теперь боялся напориться на отказ.

— Ну что, по рукам?—Он начинал нервничать.—Прости, но я вынужден напомнить тебе про телефон. Ноль-два никогда не занято.

Делать нечего, надо было соглашаться, вытребовав взамен наиболее выгодные для себя условия.

— Черт с тобой,—сдался я и для достоверности добавил:—Подавись своей валютой.

— Вот и отлично. Значит, по рукам?

— По рукам,—сказал я, ломая голову над тем, как оттянуть исполнение этой утопической сделки на предельно возможный срок.

— О'кей.—Стас не скрывал своего торжества и щелкнул костяшками пальцев, подытожив таким образом завершение основного этапа переговоров.—Остаются чисто технические детали,—сказал он.—Когда? Где?

— Во вторник. Здесь, в «Страусе».

— Во вторник?—Круглое мучнистое лицо по ту сторону стола вытянулось и приняло форму эллипса.

— Нет, Вальдемар,—отрезал он.—О следующей неделе не может быть и речи. Столько ждать я не могу. Ты отдашь валюту сегодня. Не позже десяти вечера.

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

— Да пойми ты, нет у меня денег! Что я, по-твоему, за пазухой их держу, с собой таскаю? Спрятаны они! Ехать за ними нужно.

Он думал не меньше минуты. Потом выдал результат.

— Я дам тебе отсрочку. На одни сутки. Но завтра деньги должны быть здесь. Это—последнее мое слово.

— Я не управлюсь.

— Это уже не моя забота.

Как и вчера, он вновь напомнил мне зверька неизвестной породы, зверька злого, агрессивного. Я представил, что точно так же, возможно, в этой самой обстановке и в тех же самых выражениях, он диктовал свои условия Кузнецову, назначая крайнюю дату возвращения долга—пятнадцатое сентября. При мысли об этом у меня по спине пробежал холодок.

— В твоём распоряжении вечер и весь завтрашний день. До двенадцати ночи...

— ...И никакой слезки,—ввернул я,—ни сегодня, ни завтра. Это—мое условие.

Стас смерил меня своими бесцветными, рыбьими глазами.

— Слезки не будет. Хватит с меня Герася. Пусть за тобой эмвэдэ следит... Витек!—позвал он. Бармен тотчас возник у бамбуковой перегородки.—Проводишь нашего друга через двор. Так верней.—И, обращаясь ко мне, кивнул на сумку:—Ну а теперь выкладывай свой агрегат.

— Какой еще агрегат?

— Давай, давай, не стесняйся.

Я хотел встать, но он, перегнувшись через стол, сжал мою руку в запястье.

— Не заставляй нас применять силу.

— У меня там действительно магнитофон, но я не записывал...

— Тем более не вижу причин расстраиваться. За кассету я тебе заплачу. При расчете. Не волнуйся. Я с кислой миной вытащил магнитофон. Стас извлек из него кассету, покрутил ее в руках.

— Сколько же ты хотел с меня за нее содрать?—расплывшись он в улыбке и небрежно сунул кассету в нагрудный карман.—Ладно. До завтра, Вальдемар. Не теряй времени. Деньги принесешь сюда. В любое время. Скажешь Витьку, он знает, где меня искать.

Я положил магнитофон в сумку и, не попрощавшись, вышел вслед за барменом.

Он провел меня через подсобное помещение, и, скрежетнув засовом, открыл обитую железом дверь. Мы вышли во двор.

Туман сгустился. В сплошной серой пелене едва проглядывали потерявшие четкость силуэты домов. Во дворе, почти впритык к двери, стояла автомашина. Она тускло блестела от осевшей на нее водяной пыли.

— Твоя или Стаса?—спросил я.

— Моя.—Витек глянул вверх и сплюнул под ноги.—Ну и погодка, черт ее дери. Семи нет, а уже темнеет...—Он потоптался в нерешительности.—Ну что, я пошел?

— Погоди,—остановил его я.—Ты так и не ответил на мой вопрос. Стас говорит, что ты всех переписал, что вчера в баре сидел.

— Ну и переписал, тебе-то что?

— Дружка своего тоже туда включил?

— Да какого дружка?

— Того, что весь вечер пьяненьким прикидывался. Он выходил после Герася? Да или нет?

— Никто не выходил,—буркнул он.—А в чем, собственно, дело?

— Не понимаешь?—Я слегка поправил бабочку на его шее.—Запомни и боссу своему передай: Герася убрал не я, но я знаю, кто это сделал.

— Кто?

— Его убрал кто-то из ваших людей.

— Уж не я ли?

— Очень может быть.

— Но-но, ты не очень...—Витек с опаской коснулся по сторонам.—Я к этому делу ни с какого бока, понял? У меня свой потолок.—Он повторил знакомое движение, отмеряя расстояние снизу до собственной макушки.—Я в ваших делах не волоку, и нечего меня путать. Сами разбирайтесь. И вообще... Пошел я, сыро здесь.

— Топай,—сказал я, слегка оттеснив его к двери.—А то еще Стас уши надерет. Куда ты без ушей годеи-то будешь?

Он попятился, юркнул в щель и захлопнул за собой дверь.

Я подождал, пока громыхнет засов и, убедившись, что вокруг тихо, двинулся вдоль машины.

Видимость была ниже среднего, и для верности я помог себе руками. Сетка радиатора была безукоризненно ровной. Таким же ровным было и правое переднее крыло. Я провел ладонью по бамперу. С края на его поверхности имелась неровность.

Рискуя быть пойманным на месте, я опустился прямо на асфальт и тщательно, сантиметр за сантиметром, прощупал вмятину. Она была неглубокой и продолговатой—именно такой, какая должна была остаться после столкновения с Герасем.

Аудиенция, которой удостоил меня Стас, не обманула моих ожиданий. Скорее наоборот. За последний час я узнал больше, чем за предыдущие три дня. Однако, чтобы переварить все эти сведения, требовалось время. И не только время. Нужен был опыт, недостаток которого я ощущал как никогда остро.

«Как получилось,—думал я, шагая вверх по пустынному переулку,—как получилось, что посланный со скромным заданием выяснять круг знакомых покойного, я незаметно для себя оказался в роли его двойника? Именно двойника. Ведь, по сути, я втянул-

ся в те же отношения, что связывали его с «невидимками», на мне сосредоточились интересы тех же самых людей: Стас требует денег, Вадим дает мудрые советы, Витек предлагает новую модель магнитофона, Топик бравирует своей честностью, и мне, как, вероятно, и Кузнецову, трудно определить, кто из них ведет двойную игру, кто хладнокровно обдумал и рассчитал каждый свой шаг, в точности повторенный пятнадцатого сентября...

Из всех его друзей самым загадочным был, пожалуй, Витек. Он относился к числу близких знакомых Сергея — Кузнецов был его постоянным клиентом. Такая ли уж он мелкая сошка, какой хочет казаться? Что, если потолок, который он сам себе определил, на самом деле намного выше, чем у всех остальных в этой разномастной компании? Его склонность к подслушиванию не оставляет сомнений, что он был в курсе планов своего босса, ему было известно и условие, поставленное перед Кузнецовым. Но коли так, версия, придуманная в порядке бреда утром в парикмахерской, не столь уж бредовая, и Витек вполне мог быть человеком, открывшим английский замок, о котором в порыве откровенности поведал мне Стас...

Я остановился на углу. Здесь туман был не таким плотным. Местами в его разрывах проглядывали черные лоскуты неба.

Вчера где-то неподалеку отсюда нашел свой конец Герась. Наверно, поэтому место показалось мне глумливым и угрюмым.

Я ступил на бульварный мостовой и почти сразу услышал за спиной шум мотора. Оглянувшись, увидел свет фар.

Окруженные голубоватым ореолом, они пробивали толщу тумана и светили прямо в лицо.

Зрение и слух обострились до предела. Я перешел на тротуар и заставил себя идти в прежнем темпе, но, даже отвернувшись, продолжал видеть светящиеся в спину фары и то, как машина, переваливаясь через бордюр, выезжает на тротуар. «Сейчас он прибавит скорость, и все повторится», — мелькнуло в голове.

Я шел и смотрел на свою тень. Отраженная стеной тумана, она на глазах делалась короче, резче, отчетливее.

Шум мотора становился все громче, пока не превратился в оглушительный рев. А может, мне только казалось. Сдается, я слышал, как в недрах двигателя стучат поршни и взрываются в камерах сгорания пары бензина.

Машина мчалась прямо на меня. Еще немного, и удара не избежать.

Я обернулся.

Фары были уже в считанных метрах. Они слепили, надвигались с неумолимостью секиры в руках палача. «Легковая», — мелькнуло в последнюю секунду.

Оттолкнувшись, я что было сил прыгнул вправо и откатился к стене дома. В следующее мгновение меня обдало запахом выхлопных газов. Смерть пронеслась мимо.

Я вскочил было, но резкая боль в колене и в правом предплечье удержала на месте. Приподнявшись, успел увидеть, как исчезает в конце переулка темный силуэт — стукот материи, чуть не лишивший меня жизни.

Мышцы оцепенели. С минуту я лежал неподвижно, точно набитая ватой кукла. Потом ощутил жжение в руке. Ладонь была изодрана до крови. Колено, кажется, не пострадало. Опершись о стену, я кое-как поднялся и прислонился к фасаду здания.

В переулке стояла тишина. Ни шагов, ни шума машин, ни малейшего колебания воздуха. Лишь туман, словно живое существо, стягивал вокруг меня свою непроницаемую оболочку.

Не знаю, явилось ли это прямым результатом падения, только я вдруг ясно понял, что человек, сидевший за рулем автомашины и желавший спровадить меня на тот свет, как вчера в это же самое время спровадил туда Герася, панически боится моих контактов с людьми, знавшими о плане ограбления «Лотоса». В этом суть! Суть и разгадка вчерашнего убийства и сегодняшнего покушения.

Но он опоздал. Стас намекнул, что по названной им детали можно догадаться обо всем остальном.

Я уже знал эту деталь, знал, где мне ее искать.

Глава 6

1

Несмотря на распухшую ладонь, ноющую боль в плече и пригоршню иголок, сверливших мой коленный сустав, я пошел не на Приморскую, куда намеревался идти сначала, а на Главпочтамт.

Для этого понадобилось сделать солидный крюк. Это меня вполне устраивало. Хотелось привести мысли в порядок, без спешки, не торопясь обдумать свои дальнейшие действия. Кроме того, я давно не получал вестей из дома, и интуиция подсказывала, что на почте меня ждет письмо.

Предчувствие не обмануло: в окошке «до востребо-

вания» мне выдали письмо. Штемпель на конверте свидетельствовал, что оно пришло накануне, в четверг.

Я смотрел на исписанную размашистым почерком страничку и чувствовал, как к горлу подкатывается предательский ком. Видно, сказалось напряжение последних часов. Еще немного, и я бы заревел, до того сильно потянуло меня домой, к маме, в тихую, уютную квартиру на четвертом этаже блочной пятиэтажки...

Я спрятал письмо в карман и, чтобы хоть в какой-то мере застраховать себя от неприятностей, подобных той, что случилась в Якорном, проскользнул на служебную лестницу и вышел через запасной ход. Попетляв переулками, вывернул на бульвар в двух кварталах от почтамта.

Уже сидя в автобусе, который вез меня на Приморскую, и потирая ушибленное колено, я прочитал письмо и решил, что завтра же напишу домой. В крайнем случае послезавтра.

...

Проблема, которую я собирался решить сегодня вечером, была не из легких.

Как попасть в «Лотос», оставаясь не замеченным для персонала гостиницы и для ее постояльцев, — вот вопрос, на который мне предстояло ответить.

Не я первый ломал голову над этой задачей. До меня ее пытались решить многие, в том числе и ведущий дело следователь. Он тоже искал лазейку: вооружившись секундомером и линейкой, пункт за пунктом изучал маршрут Кузнецова, моделировал его возможные отклонения, но в результате ни одна из его комбинаций не выглядела достаточно убедительно.

И все же лазейка была! После рандеву в «Страусе» в этом не оставалось никаких сомнений.

По дороге сюда я тоже перебирал варианты, но как бы далеко ни отклонялся в своих поисках, мысли, словно лошадки в карусели, вращались вокруг одной, выросшей до значения символа детали — двери с английским замком.

«Фокус в том, — рассуждал я, — что она запирается на ключ, а открыть ее можно без ключа, надо только зайти с внутренней стороны. Стас уверен, что это сделал я. Он думает, что я был соучастником ограбления, что Кузнецов посвятил меня в тайну, и теперь ждет платы за реализацию своего плана. Что ж, пусть ждет. А я тем временем должен отыскать эту самую дверь. Отыскать во что бы то ни стало!»

Вид у «Лотоса» и впрямь был таинственный. Его зыбкие, размытые туманом огни манили, притягивали и в то же время казались ненастоящими, висящими в пустоте, почти нереальными.

В «Лотосе» три двери. Основная и две запасных. Неделю раньше все три осматривал следователь, но между мной и им есть разница: он ничего не знал об английском замке и искал выход, через который Кузнецов выскользнул из гостиницы. Я же хотел найти вход, которым собирался воспользоваться Стас и которым вместо него воспользовался кто-то другой...

Центральный вход я исключил. Эти двери практически не запирались, и, хотя швейцара нетрудно отвлечь, не думаю, чтобы Стас строил свой план в расчете на случайность.

Две другие двери, наоборот, были заперты постоянно. С них-то и надо было начинать.

Я пересек дорогу и прошелся вдоль торцевой стены гостиницы.

Двустворчатая прозрачная дверь из толстого стекла была врезана в такую же прозрачную стену. Справа от меня тянулся ряд игровых автоматов. В центре вестибюля, опоясывая спуск в валютный бар, стояли каменные вазоны с цветами. Слева — перегородка из полированного дерева, за которой находился кабинет директора, бухгалтерия и другая экскурсий.

Дверной замок был также на виду. Наброшенный с внутренней стороны двери, он представлял собой две стальные пластины, перекинутые через ручки и стянутые по бокам толстыми болтами. Нет, эту дверь тоже придется исключить.

Я дошел до угла и остановился у высокой, с человеческий рост изгороди. Дождь, когда поток пешеходов немного схлынет, раздвинул ветки и ринулся сквозь колючий кустарник.

Участок позади гостиницы смахивал на узкий, прорубленный в скалах тоннель: по одну сторону вздымались этажи «Лотоса», по другую стоял глухой кирпичный забор. Сверху и впереди — ничего, кроме серого месива тумана.

Держась поближе к стене, я добрался до запасного выхода.

Дверь помещалась в неглубокой нише. На ней, продетый в массивные стальные скобы, висел амбарный замок.

Я взял его в руки, попробовал на вес, подергал, испытывая на прочность, и понял, что и от этого варианта придется отказаться. Тяжелый, тронутый ржавчиной замок, казалось, висел здесь тысячу лет и

намертво сросся с дверью. Открыть его можно было разве что с помощью динамитной шашки.

Выходит, Стас обманул! Не кувалдой же взламывать эту проклятую дверь?!

Учитывая, что замок не имел никакого, даже самого отдаленного отношения ни к Англии, ни к английской системе запоров, что дверь, на которой он висел, ведет не в холл, а в служебное помещение, что Кузнецов не мог... Стоп! А при чем здесь Кузнецов? Ведь это я должен был помочь ему выбраться наружу!

«Наконец! — пробурчала половина моего я, всегда трезвая и рассудительная. — Поглупел ты, однако. Тут мозгами шевелить надо, а не кувалдой».

«Заткнись!» — оборвал я, но сидевший во мне чревоугодник не унимался.

«Интересно, чего ты ждал? Ковровой дорожки у входа? Транспаранта «Добро пожаловать»? Тебе надо войти в гостиницу, так за чем же останова?»

«Но ведь за дверью бухгалтерия», — возразил я.

«Ерунда, — тут же нашелся он. — В десять вечера там никого нет. Рабочий день заканчивается в шесть. И в бухгалтерии, и в бюро, и у директора. Не веришь — проверь. Сейчас восемь, и там ни души».

«Ну хорошо, а замок?»

«А что замок? Замки на то и существуют, чтобы их открывать. Поставь себя на место Стаса. Как, по-твоему, остановит его такая мелочь?..»

Не скажу, чтобы перепалка с самим собой рассеяла все мои колебания, но другой возможности проникнуть в гостиницу действительно не было.

Я пошарил в карманах. В одном из них обнаружил брелок, который купил днем в «Канцтоварах».

Сердце, пронзенное стрелой. Как раз то, что нужно.

Я сунул наконечник стрелы в дверной зазор и нажал, чтоб его загнуть. Раздался щелчок, и брелок сломался. Чертыгнувшись, я отбросил его в сторону. У забора в куче хлама под руки попался обломок доски с торчавшим из него гвоздем. Я загнул его под прямым углом, вытасил и кинулся к двери.

Едва моя самодельная отмычка погрузилась в замочную скважину, во мне возникло вполне определенное чувство, что я иду по верному следу. Больно велико было несоответствие между внушительными габаритами старого, изъеденного ржавчиной замка и той легкостью, с какой пришел в движение его механизм. Внутри, мягко пощелкивая, прокручивались невидимые детали. После нескольких холостых оборотов гвоздь уперся во что-то твердое. Небольшое усилие, и замок, клацнув, повис на разомкнутой дужке.

Даже в Якорном, под слепящим светом фар, я не испытывал такого напряжения. Руки дрожали, пульс наверняка перевалил за сто двадцать. На лбу выступила испарина. Я огляделся по сторонам. На миг почувствовал, что по забору скользя луч фонарика, но, присмотревшись, увидел, что это, потревоженные порывом ветра, перемещаются в темноте ключья тумана.

Дверь отворилась бесшумно. Вероятно, ее петли были смазаны столь же обильно, как и механизм замка, который, предварительно осмотрев, я сунул в сумку.

Внутри было темно. Слово в бутылке из-под туши. Я зажег спичку.

Она осветила тесную клетушку, доверху забитую пыльным гостиничным инвентарем. По стенам плясали причудливые тени. Духота стояла неимоверная: просто нечем дышать.

За первой в ход пошли еще три спички, однако ничего, кроме пыли и покрытого паутиной хлама, я не обнаружил. Ни следов на полу, ни окурков, ни парусиновых мешочков.

Само собой, до меня тут побывал следователь. Но на его схемах кладовая почему-то отсутствовала. Может, его ввел в заблуждение вид замка, залежи старой рухляди или массивный крюк, имевшийся с внутренней стороны двери, ведущей отсюда в бухгалтерию? В смысле надежности все это выглядело весьма убедительно. Особенно если учесть, что существование сообщников покойного кассира до последнего времени стояло под большим вопросом.

Я откинул крюк и вошел в бухгалтерию.

Здесь было не так темно. Перегородка, отделявшая помещение от гостиничного вестибюля, не доставала до потолка, и горевшие по ту сторону лампы отбрасывали сюда неяркий свет. Из-за стены доносился приглушенный вой сирен, треск выстрелов, рев раненых животных — фонограмма, под которую в зале работали игровые автоматы.

Я прошел между двумя парами симметрично расположенных столов и остановился у двери. Чуть выше дверной ручки я увидел то, ради чего затеял свое рискованное предпринятие и за что часом раньше чуть не заплатил жизнью в Якорном переулке...

Телефон зазвонил внезапно и, как мне показалось, очень громко. Последовала короткая, в доли секунды, пауза. Потом снова раздался бьющий по нервам зуммер.

Случайность? Неправильно набранный номер? Или кто-то подает мне сигнал, предупреждающий об

опасности? А может, меня пугали? Пугали, давая понять, что знают, где я нахожусь.

Звонк следовал за звонком. Один требовательней другого.

На пятом сигнале телефон смолк.

Я осторожно поднял трубку, прижал ее к щеке.

— Бухгалтерия? — спросил женский голос.

— Нет. Вы куда звоните? — Второй голос, тоже женский, раздался у самого уха, он принадлежал кому-то из работников «Лотоса», с чьим аппаратом был параллелен телефон бухгалтерии.

— Мне нужна Люба.

— У нас такой нет.

— Это бухгалтерия ресторана «Восход»?

— Вы не туда попали. Перезвоните.

Дождавшись коротких гудков, я повесил трубку. Люба из ресторана «Восход».

Ошибка? Или все же предупреждение, имевшее целью нагнать на меня страху? Она спросила бухгалтерию. Не исключено, что сейчас где-то поблизости, у телефонной будки, стоит некто и выспрашивает подробности у звонившей сюда девушки. Он остановил ее на улице, дал телефон и попросил набрать номер, надеясь, что я сдуру схвачу трубку... Ладно, это будет нетрудно проверить, лишь бы только выбраться отсюда.

Я присел в кресло. На столе у письменного прибора лежала стопка аккуратно нарезанной бумаги для заготовок. Я взял ручку и нарисовал на четвертинке листа срез первого этажа. Потом прилегающие к «Лотосу» улицы, забор и кладовую. Пунктиром обозначил свои передвижения, а сплошной линией передвижения кассира и недостающую часть его маршрута.

В этот раз схема получилась куда обстоятельней. Можно было сматывать удочки — проторчи я здесь хоть до утра, ничего сверх того, что узнал, все равно не узнаешь. Но что-то меня удерживало. Очевидно, тот самый опасный отрезок пути, который начинался за дверью. Хотелось испытать на собственной шкуре, как это происходит в действительности.

Сжигать схему я не стал — не те условия, — сунул ее в карман и подошел к двери. С прикипленного к двери календаря улыбался Буба Кикабидзе.

Я повернул ручку замка против часовой стрелки до упора, поставил ее на предохранитель.

Можно было открывать.

...

В вестибюле я провел в общей сложности минут пятнадцать.

Убедившись, что мой выход из бухгалтерии остался незамеченным, я обошел зал по кругу.

Если в плане Стаса и имелись слабые места, то их следовало искать не здесь: администраторская стойка находилась слишком далеко — отсюда опасность не угрожала; со стороны швейцара и подованно — его заслонял выступ стены; расположение автоматов тоже оказалось идеальным: играющие стояли спиной к бару и не могли видеть выходящего оттуда кассира. Ко всему прочему лестницу ограждали каменные вазоны с цветами, что также сокращало сектор обзора.

Знакомство с планировкой и ее особенностями заняло от силы пять минут. Остальные десять я провел у аттракционов, в непосредственной близости от спуска в питейное заведение.

За все время, что я торчал у входа в ресторан, на меня обратили внимание лишь однажды. Молодой финн с длинными волосами и облупленным носом, как видно, приняв меня за соотечественника, приостановился на верхней ступеньке винтовой лестницы и обратился ко мне с короткой фразой, сопроводив ее жестом, который на всех языках означал одно и то же — приглашение к выпивке. Я отказался, и он нетвердой походкой двинулся вниз, откуда доносился гул голосов и всплески музыки.

Пора было двигаться и мне. Все, что нужно, я уже выяснил. Очередной кубик лег в предназначенное ему место, в точности совпав по рисунку с остальными.

Снаружи было по-прежнему пусто, ни души.

Отсюда громада «Лотоса» выглядела необитаемой. Где-то наверху в нескольких окнах горел свет, да и тот походил на пятна, лишь по случайности не затухавшие темнотой.

Восемь — время вечернего моциона. Время, когда дома пустеют, а улицы переполнены. Это подтвердилось, едва я свернул за угол.

Приморская была забита до отказа. Блестели лаком крыши автомобилей, сияли иллюминацией деревья, с террасы кафе неслась музыка. Праздник продолжался.

Я смотрел на катящиеся по тротуарам потоки и думал о том, какое нелегкое, наверно, это дело — жить тут постоянно. Со всей страны съезжаются сюда люди. Веселые и беззаботные, разные и в то же время одинаковые в своем стремлении отдохнуть, набраться новых впечатлений, они заполняют парки и пляжи, рестораны и концертные залы. Расточительные, легкомысленные, они не отказывают себе в развлечениях, не стесняются в средствах. Оно и понятно: отпуск бывает раз в году. Закончился срок, и они разъедутся по городам и весям, вернутся к своим повседневным делам и заботам. Но на смену им придут другие. Колесо снова закрутится. Снова будет греметь музыка, будут снова официанты, снова праздными толпами будут переполнены пляжи и увеселительные заведения. Каково же тем, кто дышит этой атмосферой чуть ли не с рождения, кто окружен ею изо дня в день, из года в год? Хорошо, если понял, что праздников без будней не бывает, что отдых не профессия, а награда за труд. А если нет? Если не понял и принял эту сторону жизни за норму? Не то ли произошло с Сергеем? Выиграл крупную сумму, решил начать «новую» жизнь, а там пошло-поехало: появились запросы, которых раньше не было, друзья, взявшиеся удовлетворять эти запросы, «лишние деньги», без которых уже не обойтись и запас которых пополняет безотказный Стас... Его гардероба хватало бы, чтобы одеть целую роту, аппаратурой можно оснастить студию звукозаписи, а аппетиты все растут. Но вот кормушка захлопнулась, пришел момент расплачиваться за свои неизмеримо возросшие потребности. Праздник кончился, предъявлен счет.

Туман слегка рассеялся.

На крыше гостиницы, отбрасывая сполохи света, зазывно мигал гигантский рекламный куб: «Играем в «Спринт»!», «Играем в «Спринт»!», Синий, красный, желтый.

Я перешел через дорогу и оказался на другой, менее людной стороне бульвара. Под гирляндой из разноцветных лампочек сидела знакомая бабуся

со своими допотопными медицинскими весами.

Она взглянула поверх пластмассовой оправы, в которой сидели круглые, с палец толщиной стекла.

— А-а, старый знакомый. Пришел, значит? Может быть, лотерею возьмешь? Тираж скоро.

Я не суеверный, но невольно вспомнил Герася и билеты, не принесшие ему счастья.

— Спасибо, бабушка, в следующий раз. Не разменяйте мне двухкопеечными? Позвонить надо.

— Все торопишься? — Она поднесла к лицу коробку с мелочью. — Разменяю, чего же не разменять? — И, отсчитав в ладошку пять монет, протянула их мне. — Держи. Только в первой будке не звони, испорчен там телефон.

— Спасибо.

— Не за что. Беги, сынок, твое дело молодое.

Справочное отозвалось быстро и так же быстро выдало номер ресторана «Восход».

— Скажите, пожалуйста, Люба сегодня работает? — спросил я у поднявшего трубку мужчины.

— Возможно, — последовал ответ. — Какая, собственно, Люба вас интересует?

— Люба из бухгалтерии, — уточнил я.

— В нашей бухгалтерии Любы нет. И не было.

Я нажал на рычаг. Никакой Любы в «Восходе» нет. Как и следовало ожидать, это был лишь предлог. Телефон в «Лотосе» зазвонил неспроста.

Я опустил в прорезь еще одну двушку и набрал знакомую комбинацию цифр.

Трубку снял Симаков.

— Слава богу! — воскликнул он, услышав мой голос. — Как ты, Сопрыкин?! Жив, здоров?

По тону можно было догадаться, что ему уже известно о событиях в Якорном.

— В полном порядке, товарищ подполковник.

Он великодушно не заметил оплошности, пропустив «подполковника» мимо ушей.

— Ты где был? Мы потеряли тебя у почтамта.

Ага, стало быть, я ушел не только от «чужих», но и от страховавших меня своих. Нужно отдать должное — за все эти дни я ни разу не почувствовал их дружеской опеки и даже забывал порой, что, как у альпиниста, к моему поясу постоянно подстегнут страхующий фал.

— Через четверть часа я буду ехать по бульвару в сторону центра. «Москвич» красного цвета с противотуманными фарами. Понял?

— Понял.

— Все, до встречи. — И он отключился.

Я снова наткнулся взглядом на старушку.

— Скажите, бабушка, вы случайно не знаете, где здесь автостоянка поблизости?

— Случайно знаю. У тебя что, машина есть? — с сомнением поинтересовалась она.

— Не у меня, у друга.

— Как завернешь за гостиницу, там автобусная остановка будет. Три остановки проедешь — так и уткнешься в автостоянку.

— Был он там, друг-то. Мест, говорят, нет, все заняты. А ему неподалеку надо. Может, другую какую знаете?

— Нет, милоч, другой не знаю.

— А что, если он за гостиницу машину поставит? — Я показал пальцем за спину. — Как думаете, не прогонят?

— Как же он ее поставит, ежели туда мусорник в день по два раза приезжает?..

Продолжение следует.

ШАХМАТЫ

Под редакцией
гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Заслуженный
деятель
искусств

Этого почетного звания был удостоен в 1928 году основоположник современного шахматного этюда **Алексей Алексеевич Троицкий** (1866—1942). В этом знаменательном факте содержалось не только признание выдающихся заслуг нашего замечательного этюдиста, но и признание за композицией прав шахматного искусства!

Своим ярким, самобытным творчеством и глубокими теоретическими работами Троицкий заложил основы современного художе-

ственного этюда, обогатив теорию и практику композиции целым рядом новаторских идей и замыслов, которые до сих пор питают работы современных составителей шахматных этюдов. Среди них: тема доминанции, патовые идеи, превращение пешек в слабые фигуры, позиционная ничья, задачные матовые комбинации и другие идеи. Как художник Троицкий большое внимание уделял простоте и естественности начальной позиции этюда, полнокровной, живой борьбе сторон со взаимными шансами, стройнейшей экономии средств, яркости авторского замысла.

Художественные принципы Троицкого получили дальнейшее развитие в творчестве последующих поколений советских этюдистов, что привело к бурному развитию этюдной композиции в СССР, прочно завоевавшей ведущее место в мире.

За почти полувековую композиторскую деятельность Троицкий составил свыше тысячи этюдов, многие из которых были отмечены высокими отличиями на конкурсах. Приводим три из них.

«Шахматный листок», 1929
1-й почетный отзыв

Выигрыш

Само задание в этой позиции выглядит фантастическим. Здесь уместно напомнить, что Троицкий был блестящим аналитиком и внес огромный вклад в теорию эндшпиля.

1. Ch6 Kpg8. Если 1... c5, освобождая слона a8, то 2. Kb5 Kpg8 3. Kd6, и черный король — в матовой сети. 2. Ke4 Kpf7 3. Ke5! Теперь в «матовой сети» — черный слон. 3... Kpg6 4. Cf8 h5 5. Kpc2 Kpf5 6. Cd6

Kpg4 7. Kpd2 Kpf3 8. Kpe1 Kpg2 9. Ce7 Kpg3 10. Kpf1 Kpf3 11. Cd6 Kpe3 12. Ce5 Kpd2 13. Kpg2 Kpc2 14. Kph3 Kpb1 15. Kph4 Kpa2 16. Kp:h5 Kpa3 17. Cc3!, и белые выигрывают, так как черный король не в силах помочь своему заточенному в угол слону.

«Задачи и этюды», 1928
3-й приз

Ничья

1. Cb4 + Kpb3! После 1... Kp:b4 2. Kd3 + Kpc3 3. K:f2 fe 4. Ke4 + Kpd3 5. Kf2 + Kpe3 6. Kq4 + белые дают вечный шах. 2. K:f3! f1f + 3.

«Новое время», 1895

Выигрыш

1. Ch6 + Kpg8 2. g7 Kpf7. В случае 2... e6 + белые выигрывают прозаически: 3. Kpd6! Kpf7 4. Kpe5 Kpg8 5. Kpf6 и т.д. Теперь же выигрыш пешки «e» приводит только к ничье. Что делать? 3. g8f +!! Жертвуются «последняя надежда» — белые! 3... Kp:g8 4. Kpe6! Kph8 5. Kpf7 e5 6. Cg7 +! Торжество творческой фантазии!

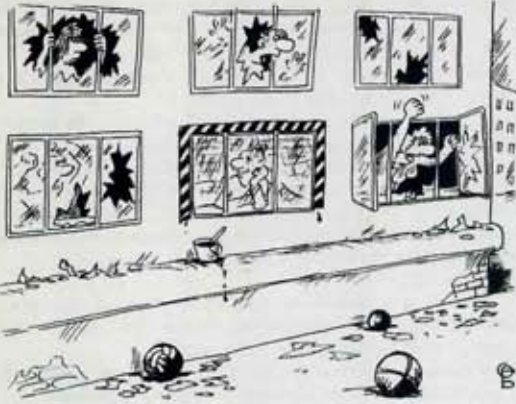

Рисунок Олега БРИГА, Краснодар

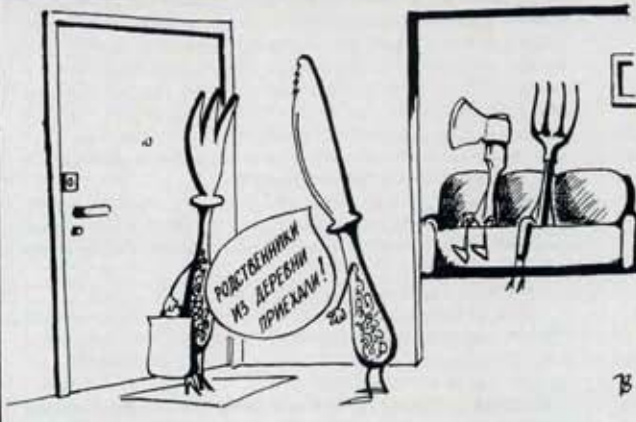

Рисунок Владимира СЕРЕБРЯКОВА, Вильнюс

Рисунок Владимира СЕМЕРЕНКО, Ленинград

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

Итоги третьего тура

Вот и заканчивается очередной год у любителей путешествовать в мир знаний. «Но мы с вами не прощаемся,— пишут многие читатели в редакцию «Смены».— Просто мы уходим на своеобразные каникулы до следующего конкурса эрудитов». Даже те, кому в силу различных причин стало трудно отвечать на вопросы, пишут, что они все-таки не расстанутся с занимательной игрой. Постоянный участник наших конкурсов Н. Котов из Бирска говорит, например: «В дальнейшем буду следить за поисками молодых. Им участвовать в таких конкурсах просто необходимо, если они хотят идти в ногу со временем. А редакцию еще раз благодарю за то, что она уже много лет водит нас по тропам знаний».

Подборка вопросов третьего тура понравилась практически всем его участникам. Учительница из села Дубасово Владимирской области Н. Матросова оценила их так: «...разнообразны по тематике и, на мой взгляд, рассчитаны на широкого читателя, а не только на признанных эрудитов». «При работе с литературой над вопросами викторины,— рассказывает читатель А. Дудник из Днепрпетровска,— встречались очень интересные сопутствующие факты. Так, в книге Бобошова «Это интересно знать» находишь пример использования самой маленькой рыбки длиной 6—8 миллиметров, обитающей на Филиппинах, как женское украшение. Оказывается, модницы носили серьги в виде миниатюрного аквариума... И еще узнал, что, кроме Бангкока, есть по крайней мере еще одна «Восточная Венеция». Это город Кампонг-Айр в султанате Бруней на севере острова Калимантан. Большой город, целиком построенный на воде, известен со времен Магеллана».

Читатели уточнили, что последний вопрос можно было задать иначе, поскольку по имени селения Иттербю названы четыре химических элемента— иттербий, иттрий, тербий и эрбий.

Мы рады, что многие участники третьего тура успешно справились с большинством вопросов. Тщательно проанализировав все присланные работы и при равных результатах отдавая предпочтение новичкам, жюри подвело итоги. Полностью и точно ответила на все вопросы только читательница Т. Козлова из г. Горького. Она награждена трехтомником С. Есенина. Его же получает Н. Авилова из Белгорода, Ю. Бабин из Донецка, Д. Гавриленко из деревни Вишни Могилевской области и В. Власенко из Хабаровска. Ф. Моренец из г. Жданова отмечен книгой «Божественная комедия» Данте. Читатели А. и О. Блиновы из Свердловска, А. Василенко из села Песчаное Черкасской области, девятиклассница Е. Довженко из Ключей Камчатской области, А. Лосовик из Бобруйска Могилевской области, Т. Остапенко из Донецка, Т. Ситникова из Глазова Удмуртской АССР, десятиклассник М. Трифонов из Омска, Е. Чарун из Донецка и Е. Чернышева из пос. Купьянск-Узловый Харьковской области награждены книгой «Верное сердце», посвященной 60-летию «Смены». Все названные призы отмечены также Почетным дипломом «Смены».

Почетный диплом получают, кроме того, читатели Д. Аминов из Северодонецка Ворошиловградской области, семья Архиповых из Перми, Ю. Бородавский из Ленинграда, Н. Гольцман из Петродворца Ленинградской области, И. Грицкова из Ульяновска, А. Драчев из Красноармейска Донецкой области, В. Киселев из Свердловска, С. Конарев из Ростова-на-Дону, Е. Королева из Севастополя, Е. Марточкина из Краснодара, Б. Петров из Чебоксар, А. Польшивный из села Чубаревка Запорожской области, П. Романцов из Ростова-на-Дону, В. Тарабурин из пос. Пененга Мурманской области и Т. Шестопал из Смелы Черкасской области.

Поздравляем призеров и благодарим всех участников третьего тура. Называем некоторые источники вопросов: Ю. Андреев «Скажу тебе, сын...», Киев, 1981; «Страны и народы», том «Юго-Восточная Азия», М., «Мысль», 1979; В. Мезенцев «Энциклопедия чудес». Книга I. М., «Знание», 1983; Е. Журавлева «Владимир Маковский», М., «Искусство», 1972; В. Моложавенко «Жаркое солнце Сурхана», М., «Мысль», 1982; Советский энциклопедический словарь: Политический словарь, М., 1980; журналы «Музыкальная жизнь» № 7 за 1965 год, «Советская женщина» № 9 за 1983 год, «Техника — молодежи» № 4 за 1980 год, «Вокруг света» № 4 за 1981 год, «География в школе» № 5 за 1983 год.

А теперь сверьте свои ответы с нашими:
1. 19 ноября 1919 года В. И. Ленин посетил квартиру своего соратника А. Д. Цюрупы, большого любителя музыки. В тот вечер здесь играл 46-летний пианист. Владимир Ильич остался очень доволен его игрой. Назовите пианиста и произведения, исполненные им в тот вечер.

— Пианист Г. Р. Романовский. Он исполнил произведения И. С. Баха, «Лесного царя» Шуберта-Листа, «Патетическую сонату» Бетховена.

2. Три бессмертных имени соединились на этой горе у могучей реки. Три памятника воздвигли им благодарные потомки. Поэт, писатель и боец, юный герой... Назовите их.

— В городе Канев на Тарасовой горе находятся памятники Тарасу Шевченко, Аркадию Гайдару, погибшему недалеко от этого места, и руководителю «Молодой гвардии» Олегу Кошевому, который учился в местной школе.

3. Он взлетел к звездам точно в том году, какой вычислил для себя, будучи еще десятилетним мальчишкой... А во время Великой Отечественной войны его, юного разведчика, расстреляли эсэсовцы. Однако он, тяжело раненный, выжил. Стал

космонавтом. Назовите этого космонавта и книгу, которая пробудила в нем мечту о космосе.

— Летчик-космонавт СССР К. П. Феоктистов. Летом 1942 года его схватили фашисты и вместе с другими расстреляли, но ему, раненому, удалось выбраться из ямы и спастись. Мечту в нем пробудила книга Я. Перельмана «Межпланетные путешествия».

4. В нашей стране растет единственное в мире Дерево дружбы, дерево-сад. Где именно и кто его вырастил? Из каких мест прислана земля, на которой оно растет? Какие плоды можно сорвать с этого дерева? Чьи имена можно на нем прочитать?

— Это дерево растет в Сочи. Его посадил Ф. М. Зорин. Сейчас его хозяйка — агроном Л. М. Дмитриенко. Дерево цитрусовое, на нем растут мандарины, лимоны, апельсины, кинканы... Оно растет на земле, присланной из Горок Ленинских, из мест в Англии, связанных с жизнью К. Маркса, с болгарской Шипки, из Сталинграда, Освенцима, Хиросимы... На алюминиевых кружочках, висящих на ветках, можно прочитать имена тех, кто их привил. Это Юрий Гагарин, Давид Сикейрос, Хо Ши Мин, Валентина Терешкова, Ван Клиберн...

5. Одного из самых образованных людей своего времени, государственного деятеля и адмирала, уважала и любила Елизавета Александровна Арсеньева, бабушка М. Ю. Лермонтова. В его честь написаны две оды. Он проявил редкое мужество на одном из политических процессов. Назовите этого человека, политический процесс и авторов од.

— Николай Семенович Мордвинов, единственный из 72 членов Верховного уголовного суда по делу декабристов, не побоявшийся царского гнева, высказался против их казни. Еще раньше в его честь написали оды П. Плетнев и К. Рылеев.

6. Очень часто в печати А. В. Суворову приписывают высказывание «Тяжело в ученье — легко в бою». Но в бою легко не бывает, и великий полководец это, конечно, понимал. Как же он сказал на самом деле?

— «Тяжело в ученье — легко в походе».

7. Музыка для национального гимна этой страны в Азии написана русским композитором. Кем? Столицу этой страны называют «Восточной Венецией» или «городом-амфибией». Почему?

— Музыку для гимна Таиланда написал композитор П. Шуровский. Столица страны Бангкок стоит на берегу реки Чао-Прая, в 25 километрах от ее устья. Сложная сеть каналов — «клонгов» связывает городские кварталы с рекой. Поэтому европейские путешественники и назвали Бангкок «Восточной Венецией». А городом-амфибией его называют потому, что лодок в нем больше, чем домов.

8. В мировой истории известен редчайший случай наказания реки. Как она называлась, от кого и какое наказание понесла?

— Это Диала, приток Тигра. В одном из походов персидского царя Кира II в ней утонул его конь, и разгневанный повелитель приказал казнить реку. Было вырыто 360 каналов — и Диалы на долгие столетия не стало.

9. Самая маленькая в мире рыбка живет в озере на одном из крупных островов. Назовите эту рыбку, озеро и остров.

— Синаралан. Черноглазая малютка не вырастает больше 8 миллиметров. Водится она в озере Бухи на юге острова Лусон, крупнейшем из Филиппинских.

10. До недавнего времени считали, что самая северная точка суши — остров Кофейного клуба в Гренландии. Однако последние исследования внесли поправку. Как назвали самую северную точку суши? С чем это название связано?

— Самая северная точка суши — остров Одак. Он назван так в честь героя гренландского народа Одака, который сопровождал Роберта Пири в его экспедиции к Северному полюсу. Интересно, что остров открыт ровно сто лет спустя после рождения Одака.

11. На юбилейной передвижной выставке особое внимание посетителей привлекла одна из картин. О ней много писали. Иные видели в ней «сборище нигилистов», другие связывали ее содержание с живой действительностью. Для трех персонажей картины прототипами и моделями послужили люди, хорошо известные в литературных и художественных кругах России. Назовите картину и этих людей.

— Картина В. Маковского «Вечеринка» (1897). Ему позировали скульптор А. С. Голубкина (женщина в темном платье, стоящая у стены), художник А. И. Лажечников (студент-медик, сидящий во главе стола), писатель А. М. Жемчужников (старик с окладистой бородой, в красной рубашке).

12. Какой город называют городом самого жаркого лета в нашей стране? Жарче, чем здесь, бывает лишь в Ливийской пустыне и в северных районах Австралии. Какая самая высокая температура зарегистрирована в этом городе?

— Термез, центр Сурхандарьинской области Узбекистана. Самая высокая температура, отмеченная здесь, — 55 градусов Цельсия в тени.

13. Какие три химических элемента названы по имени одного населенного пункта? Где он находится?

— Иттербий, иттрий и эрбий — по имени селения Иттербю на острове Руслаген в Швеции.

Редакция благодарит всех читателей, принявших участие в конкурсе эрудитов.

2 шашечная ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера
Виктора КРАМАРЕНКО

ПРОВЕРЬТЕ РЕШЕНИЯ

I тур. И.Кобцев (Днепропетровск). 1. d2-c3 f5-e6 2. h4-g5 h6-f4 3. c1-d2 a3-e3 4. f2-g3 d4-b2 (или f4:h2) 5. e1-f2 f4:h2 6. f2:a1x.

2. 1. g3-f4 e5:e1 2. e3-d4 c5:e3 3. d2:a7 e1:a5 4. c1-d2 a5:e1 5. a7-f2 e1:g3 6. h2:f4x.

II тур. 1. Али Абидин. 1. 28-23 19:28 2. 30:19 14:23 3. 34-29 23:34 4. 39:30 28:37 5. 41:1x.

2. В. Муляр. 1. 38-33 39:28 2. 42-38 31:24 3. 36:31 26:37 4. 41:34 22:31 5. 46-41x.

III тур. В. Белоусов. 1. e3-d4 c5:c1 2. a3:e7 c1:a3 3. f2-g3 f8:d6 4. a1-b2 a3:c1 5. c3-b4 a5:c3 6. g5-h6 c1:g5 7. h6:h6 h2:f4 8. h6:a7x.

А. Головань. 1. d4-c5 f6:f2 (или b5:f2) 2. g1:e3 b6:f2 3. d2-e3 f2:d4 4. c1-b2 a3:g5 5. h4:g1x.

IV тур. Матюшевский-Григорьев. 1. 27-22 12:29 2. 36-31 23:32 3. 37:28 26:46 4. 34:23 25:34 5. 40:20 14:25 6. 23:5 46:23 7. 5:46x.

Романов-Матюшевский. 1. 26-31 2. 37:26 23-28 3. 32:23 (или 33:22) 18:29 4. 33:24 17-21 5. 26:6 7-11 6. 6:17 12:45x.

V тур. В. Свизинский. 1. 1. c3-b4 b5-c5 2. b4:d6 e7:c5 3. d4:b6 f6:f2 4. d2-e3 f2:d4 5. b6-c7 g5:e3 6. c7-d8 f8-e7 (лучшее) 7. d8:c1 g7-f6 8. c1-d2x.

II. 1. f4-g5 h6:d2 2. e1:c7 c5:e3 3. f6-g7 b8:d6 4. g7-f8 d6-e5 (если 4. d6-c5, то 5. f8:b4 e3-f2 6. b4-c5x) 5. f8-g7 e5-f4 6. g7-h6 h4-g3 7. h6-g5 f4:h6 8. h2:d2 h6-g5 9. d2-e3x.

VI тур. I. Мозер (Голландия) 1941 г. 1. 19-13 25-30 2. 13-8 30-35 3. 8-2 35-40 4. 2-35! 40-45 5. 35-19 45-50 6. 19-5x.

II. Манури (Франция). 1787. 1. 13-9 26-31 2. 9-4 31-37 3. 4-15! 37-41 4. 19-14 41-47 5. 14-10 47-41 6. 10-5x.

VII тур. В. Булат. I. 1. a3-b4 c5:a3 2. g7-h8 b2-a1 3. h8-b2 a1:e4 4. c1-b2 a3:c1 5. g1-f2 e1:g3 6. h2:h4 c1:g5 7. h4:a5x.

II. 1. b4-c5 d6:b4 2. c1-b2 e3:a3 3. f4-e5 b4:d2 4. e5-d6 a3:e7 5. f6:d8 h4:f6 6. d8:c3.

VIII тур. В. Свизинский. I. 1. 27-22 15:33 2. 22:2 36:27 3. 34-30 33-39 4. 30-24

19:30 5. 2:24 30:19 6. 40-34 39:30 7. 35:31x.

II. 1. 47-41 36:47 2. 48-42 39:48 3. 21-17 47:38 4. 32:43 48:11 5. 16:7 1:12 6. 43-39 34:43 7. 49:7x.

IX тур. Б. Блиндер. I. 1. d6-e5 d2-e1 (A, B, B, Г) 2. e5-c3 e1:b4 3. c7-d6x. A. 1. f8-e7 2. d8:h4 d2-e1 3. c7-b6 e3-d2 4. e5-c3 d2:b4 5. b6-f2x.

B. 1. e3-f2 2. e5-g7 f8:h6 3. d8-g5x. B. 1. f8-g7 2. e5:h8 e3-f2 (D) 3. c7-g3 f2:h4 4. d8-g5x.

Г. 1. d2:c1 2. e5-b2 c1:a3 3. c7-d6x. Д. 2. d2-e1 3. c7-g3 e1:h4 4. h8-f6x.

II. 1. d8-a5 d4-e3 (A, B, B, Г) 2. a5-c3! e3-f2 (D, E) 3. c3-b2 c1:a3 4. e7-d8x.

A. 1. f8-g7 2. d6-a3 c1-h6 3. a5-c3 d4:b2 a3:c1x.

B. 1. d4-c3 2. a5:e1 c1-b2 3. d6-b8x.

B. 1. c1-b2 2. d6-b8x. Г. 1. c1-h6 2. e7-f6 d4-e3 3. a5-e1x.

Д. 2. f8-g7 3. c3:h8 e3-f2 4. h8-b2 c1:a3 5. e7-f8x.

E. 2. e3-d2 3. c3:e1 c1-b2 4. d6-b8x.

X тур. Нико (Франция), 1884. I. 1. 18-27! (I) 38-42 2. 26-21! (теперь запертая черная шашка 16 является причиной гибели их дамки) 2. 42-47 (если 2. 42-48, то 3. 14-9 48-25 4. 9-3 25-48 5. 3-25x) 3. 14-9 47-20 (если 3. 47-15, то 4. 9-4 15-47 5. 4-15x) 4. 9-3 20-25 (A) 5. 3-12 25-3 (если 5. 25-48, то 6. 12-8 48-25 7. 8-3 25-48 8. 3-25x) 6. 12-17 3-25 7. 17-3 25-48 8. 3-25x.

A. 4. 20-47 5. 3-9 47-15 6. 9-4 15-47 7. 4-15x.

A. 4. 20-15 5. 3-17 (но не 5. 3-9? из-за 5. 15-10! с ничьей) 5. 15-47 5. 15-4 6. 17-22 4-10 7. 27-36x 6. 17-28 47-36 (6. 47-15 7. 28-41 15-47 8. 41-36 47-15 9. 36-47x) 7. 28-22 36-47 7. 36-41 8. 27-36x 8. 22-9 47-15 9. 9-4 15-47 10. 4-15x.

1. Давало возможность черным сделать ничью 1. 14-97, так как после 1. 16-21 2. 26:17 38-42, но не 2. 38-43? из-за 3. 9-3x 3. 9-3 42-47 у белых нет выигрыша.

На этом эндшпиле можно хорошо усвоить прием повлки дамки противника при помощи заграждения его простой, весьма ценный для практической игры.

II. Мозер (Голландия) 1935 г. Хамелеон. 1. 9-4 36-41 2. 4-13! 15-20 (конечно, нельзя было ставить дамку) 3. 24:15 41-47. Теперь черная дамка «запутывается» на трюнике (см. 2-е задание из VI тура) 4. 14-10 47-41 5. 10-5 41-36 6. 13-4 36-47 7. 5-19x.

XI тур. В. Рябцов, г. Енакиво. I. 1. f4-g5 f6-e5 2. e3-f4 e5:b4 3. a3:a7 h4:f6 4. a7-b8x.

II. 1. e3-f4 c5:g5 2. d2-c3 b4:d2 3.

c1:e3 a3:f4 4. g3:g7 f8:h6 5. h4:a5 h6-g5 (5. d6-e5 6. a5-c3 g5-f4 7. c3-d4x) 6. a5-c3 g5-f4 7. c3-d2 d6-e5 8. d2:h6 e5-d4 9. h6-g7 d4-e3 10. g7-c3 a7-b6 11. h2-g3 b6-c5 12. c3-a5x.

XII тур. В. Свизинский. I. 1. 36-31 26:48 2. 28-22 17:37 3. 38-32 37:28 4. 33:2 21:32 5. 34-30 24:33 6. 2:25 48:39 7. 25:48x.

II. 1. 39-33! 23:21 2. 33:13 21-27 3. 13-8! 27-32 4. 8-2! 32-38 5. 2-19! 6-11 (если 5. 38-48, то 19-32x) 6. 16:7 38-43 7. 7-2! 43-49 8. 19-35 49-32 9. 26-21 49:16 10. 35-49x.

XIII тур. В. Ленченко. I. 1. e5-d6 c5:e7 2. e1-d2 c3:e1 3. a1:c7 b8:d6 4. g1-f2 e1:e5 5. g5-f6 e7:g5 6. h4:h8x.

A. Ботьяновский. II. 1. f4-e5 d6:d2 2. b6-c7 d8:b6 3. f6-e7 f8:d6 4. f2-e3 d2:f4 5. g3:a1x.

XIV тур. Ван Кестерен (Голландия), 1941 г.

I. 1. 18-12 5-19 (A) 2. 12-26 19-5 (B) 3. 22-17 5-41 (B) 4. 16-27 41-36 (если 4. 41-47, то 5. 27-36 46-5 6. 17-8 с разменом на 24) 5. 27-4 36-41 6. 4-36 41-5 7. 26-48 46-14 8. 36-47 14-46 9. 17-22x.

A. 1. 5-14 2. 12-26 14-25 (если 2. 14-41, то 3. 16-27 41-5 4. 27-36 и далее, как в главном варианте, 2. 14-5 3. 22-17 и далее, как в главном варианте после 3-го хода белых) 3. 22-17 25-48 (если 3. 46-41 или 3. 46-19, то 4. 26-48, обеспечивая размен дамки 25, если же 3. 46-5, то 4. 26-48 25-14 5. 16-49 14-46 6. 49-27 и далее, как в главном варианте) 4. 16-27 48-25 (4. 46-5 5. 27-31 48-25 6. 31-48 25-14 7. 26-42 14-46 8. 42-47x — позиция № 1) 5. 27-31 46-5 6. 31-48 25-14 7. 26-42 14-46 8. 42-47x — позиция № 1.

A2. 1. 5-37 2. 12-26 37-48 (если 2. 37-41 или 2. 37-5, то игра развивается, как в главном варианте) 3. 16-27 46-5 5. 48-25, то 4. 27-31 46-5 5. 22-17 25-14 6. 31-36 14-46 (или 6. 14-25) 7. 26-48 46-14 (или 7. 25-14) 8. 36-47 14-46 9. 17-22x — позиция № 1.

1. 4. 22-17 48-25 5. 27-31 25-14 6. 31-36 14-46 (или 6. 14-25) 7. 26-48 46-14 (или 7. 25-14) 8. 36-47 14-46 9. 17-22x — позиция № 1.

A3. 1. 5-41 2. 12-26 41-36 (— 41-5 3. 22-17 или 2. 41-47 3. 16-27 47-41 4. 27-36 и далее, как в главном варианте) 3. 16-27 36-41 (если 3. 36-47, то 4. 27-36 45-5 5. 22-13 с разменом на 24) 4. 27-36 41-5 5. 22-17 и далее, как в главном варианте.

A4. 1. 46-14 (1. 46-19 2. 15-10 5:14 3. 12-23x) 2. 12-26 14-25 (если 2. 14-23, то 3. 15-10 5:19 4. 26-37 и 5. 16-32x; если же 2. 14-46, то 3. 22-17 и далее, как в главном варианте после 3-го хода белых) 3. 22-17 (с угрозой пойти

26-48 и разменяться) 3. 25-14 (3. 25-48 4. 15-10 5:11 5. 6:33 48-25 6. 16-43x) 4. 26-48 14-46 5. 16-27 и далее, как в главном варианте.

B1. 2. 19-2 3. 22-27 46-5 (если 3. 46-41 или 3. 46-14, то 4. 6-1, обеспечивая размен дамки 2; в случае 3. 2-35 решает 4. 6 № 1 46-5 5. 15-10 5:21 6. 26:8x) 4. 6-1 2-19 (4. 2-35 5. 15-10x) 5. 15-10 5:14 6. 1-23x.

B2. 2. 19-35 3. 22-27 35-2 (если 3. 46-5, то 4. 6-1 5-46 5. 26-12 46-5 6. 27-49 35-19 7. 15-10 5:14 8. 49-32 и затем 9. 16-32x) 4. 6-1 2-35 5. 26-12 46-5 6. 27-49x.

B3. 2. 19-41 3. 16-27 41-5 (если 41-47, то 4. 27-36 46-5 5. 22-13 и затем размен на 24) 4. 27-36 46-14 и теперь надо играть 5. 36-47 14-25 (нельзя ни 5. 14-23 из-за 6. 15-10x, ни 5. 14-46 6. 26-48x — позиция № 1) 6. 26-48 25-3 7. 47-20 и 8. 15-10x.

B. 3. 46-14 4. 26-48 14-46 5. 16-27 46-41 (не меняет дела 5. 46-14 или 5. 5-41) 6. 27-36 41-14 (6. 41-46, 6. 14-46, 6. 41-5) 7. 36-47, достигая позиции № 1.

Рассмотренный план игры может быть применен и при ином расположении черных дамек. Но если они занимают двойник, белым для победы нужно построить следующую позицию: d, 27, 36, 38, 46, 47. На полях 27 и 38 вместо дамек могут находиться простые.

П. Бланкенар (Голландия), 1926 г.

1. 33-29 34:23 2. 41:10!! (I).

Такие глубокие и труднонаходимые ходы не редкость в эндшпилях Бланкенара. Жертва дамки кажется в настоящий момент бессмысленной. Однако, как показывает решение, для достижения победы белым необходимо убрать неприятельскую простую с поля 4.

2. 4:15 3. 13-9 (II) 49-35 (A) 4. 9-3 35-2 (4. 35-49 5. 21-17x; 4. 15-20 5. 3:25 35-8 6. 25-48x) 5. 3-12 с угрозой 6. 12-7 и 7. 27-36x 5. 2-35 (вынужденно) 6. 12-34 (заставляя ходить простой) 6. 15-20 7. 34-12 20-25 8. 12-29 25-30 нельзя 8. 35-8 из-за 9. 27-22!x 9. 29-12 30-34 10. 12:45 35-49 11. 45-34 49-35 12. 34-12x или 12. 34-29x.

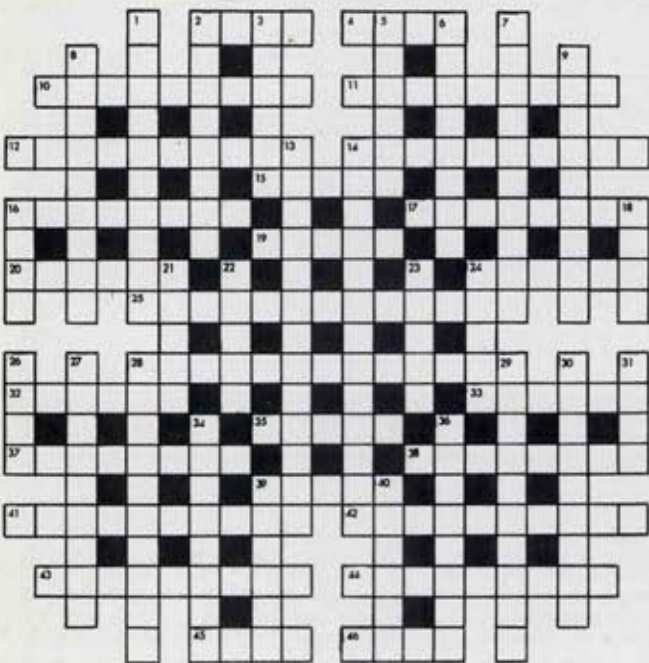
A. 3. 15-20 4. 9-4 49-35 5. 4-15 20-25 6. 15-29 и далее, как в главном варианте после 8-го хода белых.

1. «Естественный» ход 2. 41:14? лишь бы белых выигрывать. Последовало бы 2. 49-35 3. 13-8 35:2 4. 14-3 2-35 5. 3-25, и белая дамка не может покинуть линию 3/25 из-за угрозы 4-9. Ничья очевидна.

II. Ошибочно было бы 3. 13-8? из-за 3. 15-20 4. 8-3 (если 4. 8-2, то 4. 49-35 с ничьей) 4. 49-44 5. 3:25 44-50, и владение двойником обеспечивает черным ничью.

КРОССВОРД

Составил Н. ВАСИЛЬЕВ,
Новочебоксарск
Чувашской АССР

По горизонтали:
2. Добрый молодец, герой в фольклоре южных славян. 4. Способность человека к пониманию и оценке эстетических явлений. 10. Известковая натечная колонна в пещере. 11. Горный проход в Греции, где в неравном бою с персами погибли триста спартанцев. 12. Город-миллионер в США. 14. Туркменский поэт и музыкант XIX века. 15. Офицерский чин в русских казачьих войсках. 16. Аппарат для обработки питьевой воды. 17. Лиственный лес. 19. Поэтическое название жителя Древней Греции. 20. Старинная французская золотая монета. 24. Жанр устного народного творчества. 25. Борьба итальянского народа за освобождение и объединение страны. 28. Русский писатель, автор романа «Устои». 32. Знаменитый итальянский левец. 33. Лекарственное растение со съедобными листьями. 35. Советский поэт. 37. Старинный русский барабан. 38. Плоская геометрическая кривая линия. 39. Молдавский народный музыкальный инструмент. 41. Основоположник, инициатор. 42. Эстрадный партнер Штегелса. 43. Первое название джазовых ансамблей. 44. Южное плодородное дерево. 45. Река в Свердловской области. 46. Средство человеческого общения.

По вертикали:
1. Зрительная труба для корректировки астрономических приборов. 2. Русский музыкально-общественный деятель, основавший музыкальное издательство в Москве. 3. Газета португальских коммунистов. 5. Компонент каменноугольной смолы, сырье в производстве красителей. 6. Житель страны на востоке Африки. 7. Советский боксер, чемпион Олимпийских игр в Токио. 8. Спортсмен-стрелок. 9. Горный спорт. 13. Человек, познающий новое, неизвестное. 14. Орган местного самоуправления в западных странах. 16. Зал ожидания, отдыха. 18. Морской рак. 21. Венгерский гроссмейстер. 22. Летняя одежда. 23. Старое русское название пальца. 24. Быстрокрылая птица. 26. Пещера. 27. Широко распространенное хордовое морское животное. 28. Трилогия О.Гончара. 29. Река в США, протекающая по национальному парку. 30. Часы. 31. Сосуд для цветов. 34. Кристаллическое вещество, средство против моли. 36. Самое обычное в тундре растение. 39. Соединительная часть трубы, вала. 40. Открытая горная выработка.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
ОПУБЛИКОВАННЫЙ
В № 21**

По горизонтали:

2. Фтор. 5. Паяц. 9. «Федра». 10. Зорин. 12. Ирак. 13. Арык. 15. Цинхона. 16. Колонна. 17. Анаксагор. 18. Штурм. 21. Чебак. 24. Карнавал. 27. Тебальдо. 28. Садовод. 29. Вокзал. 30. Куртка. 31. Залонка. 32. Регион. 34. Микроб. 37. Бедокур. 39. Щербатов. 42. Технеций. 45. Агдам. 48. Иваси. 49. Жаворонок. 51. Эрготин. 52. Нахимов. 53. Рифт. 54. Указ. 55. Гамак. 56. Налив. 57. Фарс. 58. Диск.

По вертикали:

1. Верхарн. 2. «Фрина». 3. «Тарантас». 4. Рокко. 5. Платан. 6. Языковед. 7. Цокор. 8. Виенюлет. 11. Пихта. 14. Оклад. 18. Шкив. 19. Урок. 20. Мадаполам. 21. Чабукани. 22. Бюст. 23. Коза. 25. Лазарев. 26. Холодец. 27. Торкрет. 32. Роца. 33. Герд. 35. Рица. 36. Байи. 37. Ботаника. 38. Резонанс. 40. Егерь. 41. Балобан. 43. Еврипид. 44. Исток. 46. Портос. 47. Корунд. 49. Жираф. 50. Казак.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 04.10.84. Подписано к печати 16.10.84. А 12865. Формат 70x106¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2757. Заказ № 3631. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

БРОНИУС БРУЖАС.
ВИТРАЖ В ПОСТОЯННОМ
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ
ЛИТОВСКОЙ ССР В МОСКВЕ.

пользованием рисунка металлических протяжек. Мы как бы слышим «голос» самого материала, где фактура стекла, его цвет, масштаб и рисунок обнаруживают собственный тембр звучания, а вместе они образуют выразительную красочную мелодию.

Каждая новая работа художников открывает нам неожиданные грани замечательного искусства. Удачи вам, мастера, на нелегком пути поиска и открытий.

ИГНАС МЕЙДУС.
ФРАГМЕНТ ОФОРМЛЕНИЯ
ДИСКОБАРА В ВИЛЬНЮСЕ.

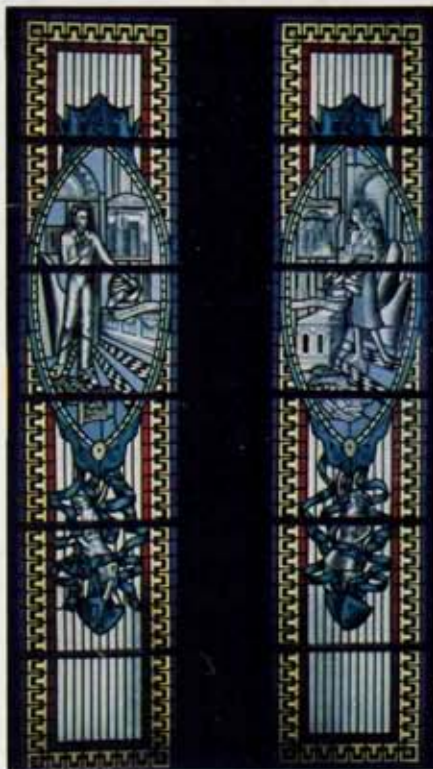
ИГРАЕТ КРАСКАМИ СТЕКЛО

Наталья ДАВИДОВА.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

С искусством витража мы знакомы еще по школьным учебникам истории — в воображении встают средневековые замки, готические храмы. А что собой представляет современный витраж?

Ответить на этот вопрос непросто. Витраж сегодня — одна из наиболее новаторских областей монументального искусства. Он ассимилирует опыт живописи и графики, декоративно-прикладного творчества и дизайна, скульптурной пластики и искусства освещения... Витраж многолик и разнообразен по формам, технологиям, месту в архитектуре. Увеличился диапазон его применения — окно, стена, плафон, объемно-пространственные структуры. Расширилась палитра материалов — стекло плоское и литое, фабрично-плиточное и резное, в один слой и в пакетах, прозрачное и матовое, пропускающее свет и отражающее его. Обновились технологические приемы — витраж на цементной связке, в алюминиевой протяжке, в стальном каркасе, на эпоксидных смолах, с гальванопластической медной решеткой...

Этот вид искусства привлекает к себе немало замечательных мастеров. Сложились даже центры, объединяющие его энтузиастов. Один из самых значительных — в Литве. Именно здесь делались первые, самые трудные шаги возрожденного искусства. Здесь же работает самый многочисленный в стране отряд художников-витражистов. Разнообразие манер, почерков, технологических приемов и жанровых форм — вот, пожалуй, главная отличительная особенность литовской школы.

БРОНИУС БРУЖАС.
ВИТРАЖ В МОЛОДЕЖНОМ
ТЕАТРЕ В ВИЛЬНЮСЕ.

Представленные на этой странице «Смены» работы традиционны по технологии: тонкое цветное стекло в свинцовой пайке или алюминиевой протяжке. Но как далеки они от исторических прототипов! Как непохожи и между собой! Работы Брониуса Бружаса отличает свойственная этому художнику привязанность к сюжетно-тематическим композициям. Наряду с цветным и молочноматовым стеклом он широко пользуется элементами графического рисунка и живописи по стеклу с последующим обжигом. Как правило, небольшие по формату, они привлекают ювелирной тщательностью исполнения, высокой композиционной культурой и мастерством изображения. Художники Игнас Мейдус и Константинас Шатунас тяготеют к преимущественно декоративным решениям. Образное содержание их витражей задается сопоставлениями цветных плоскостей, ритмическим чередованием светлых и темных тонов, активным ис-

КОНСТАНТИНАС ШАТУНАС.
ДЕКОРАТИВНЫЙ ВИТРАЖ
ВО ДВОРЦЕ БРАКОСОЧЕТАНИЙ
В ВИЛЬНЮСЕ.

